

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. Ломоносова

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАГИСТРАТУРА

Магистерская программа «Международное экономическое право»

Выпускная квалификационная работа
«КРИТЕРИИ И ПРИЗНАКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ»

Марзанов Ахмед Юсуфович

Научный

руководитель

д. ю. н., профессор

Кремнев Петр Петрович

Дата защиты: «__» _____ 2022 г.

Оценка: _____

Работа представлена на кафедру «__» _____ 2022 г.

Работа загружена в ЭБС «__» _____ 2022 г.

Москва

2022 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Учение о международной правосубъектности: историко-доктринальный аспект	7
§ I. Учение о международной правосубъектности в Древней Греции, Древнем Риме и Средневековье	7
§ II. Учение о правосубъектности в эпоху классического международного права	12
Глава II. Современный теоретико-доктринальный анализ международной правосубъектности	24
§ I. Общие основания международной правосубъектности	24
§ II. Отдельные виды субъектов международного права	34
Глава III. Критерии и признаки международной правосубъектности и построение классификации субъектов международного права	57
§ I. Сущность и признаки международной правосубъектности	57
§ II. Критерии международной правосубъектности и классификация субъектов международного права	67
Заключение	106
Список использованной литературы	109
Список нормативных правовых актов	119
Список материалов судебной практики	127
Список интернет-ресурсов	128

ВВЕДЕНИЕ

I. Произошедшие за последний век изменения в составе международного сообщества, пополнившегося новыми разнообразными акторами, оказали серьезное влияние на современную доктрину в контексте исследования отдельных категорий субъектов международного права, объема их правоспособности, пределов осуществления собственной власти (юрисдикции) и способов взаимодействия друг с другом. Однако до сих пор не выработано единообразного подхода к данным вопросам. Между тем, проблемы в понимании идентификации международной правосубъектности (т. е. в понимании критериев и признаков, по которым можно констатировать существование субъекта международного права вообще) способны привести к определенному разрыву теории с практикой – в частности, к необоснованному исключению отдельных властных образований и учреждений из числа субъектов или, наоборот, к ошибочному причислению к последним некоторых лиц, к игнорированию пределов юрисдикции (области применения собственной власти) и независимости международных акторов.

Для того чтобы выработать подход к избеганию подобных затруднений, имеется необходимость в системном изложении учения о международной правосубъектности на основе выводов современной доктрины применительно к вопросу идентификации субъектов международного права. Цель такого изложения состоит в определении как общих черт (*признаков*), которые можно наблюдать у любой международной юридической личности вообще, так и специальных характеристик (*критериев*), которые позволяют отличать одни категории международных акторов от других для выяснения юридической роли и возможностей каждого из этих акторов по отдельности в контексте их участия в международных правоотношениях. Необходимость составить такое изложение из-за описанных выше проблем, связанных прежде всего с пониманием юридической природы различных субъектов международного права, лежит в обосновании актуальности данной работы.

Задача настоящей работы заключается в проведении анализа позиций доктрины по критериям и признакам международной правосубъектности, что также приводит к необходимости осуществления некоторого дополнения и корректировки классификации субъектов международного права на основе учета различий между важнейшими характеристиками юридической природы международных единиц. Цель уточнения данной классификации состоит в углублении понимания общих и особенных свойств субъектов международного права, их возможностей во взаимоотношениях друг с другом.

II. Настоящая работа содержит три главы. Глава I представляет собой исторический обзор развития учения о международной правосубъектности. Задача данной главы состоит в поиске корней современных воззрений на международную правосубъектность, ее признаки и критерии. Для этого в указанной главе проводится разбор концепта международной правосубъектности, присутствовавшего в Древней Греции, Древнем Риме, средневековой Европе и в эпоху классического международного права. Глава II посвящена обзору актуальных позиций доктрины в учении о субъектах международного права. Задача этой главы состоит в исследовании современного теоретического понимания концепции критериев и признаков международной правосубъектности. Глава III в рамках анализа актуальной практики ставит своей целью предложить к обсуждению выработанное с учетом мнения отдельных представителей доктрины некоторое дополнение и корректировку классификации участников международного сообщества, с целью формулирования сравнительной характеристики важнейших свойств юридической природы международных акторов.

III. На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Среди позиций ученых наиболее аргументированным представляется отстаивающийся в советской и российской доктрине взгляд на субъектов международного права как на коллективные общественные образования – **самостоятельные политические (политико-правовые)**

единицы, что составляет общее *внеюрисдикционное* основание международной правосубъектности. При этом всякая самостоятельная политическая единица в принципе должна обладать следующими признаками: минимальной публичной организацией (хотя бы собственными органами и персоналом) и степенью независимости, достаточной для непосредственного подчинения международному праву.

- 2) Некоторое дополнение и корректировка классификации субъектов международного права, благодаря которой производится разделение всех существующих международных лиц исходя из важнейших различий их юридической природы, оказывается возможной с помощью применения выведенных на основе позиций отдельных представителей доктрины двух наиболее фундаментальных критериев, которые для краткости можно определить как **критерий юрисдикции** и **критерий независимости**.
- 3) Критерий юрисдикции, сформулированный прежде всего с опорой на воззрения норвежского юриста Финна Сейерстеда, позволяет разделить всех субъектов международного права на **территориальные образования** и **нетерриториальные учреждения** в зависимости от того, обладает ли самостоятельная политическая единица только собственными органами и персоналом (т. е. только органической юрисдикцией), либо же наряду с ними обладает также собственной территорией и населением (т. е. юрисдикцией территориальной и личной).
- 4) Критерий независимости, преимущественно сформулированный на основе позиции нигерийского исследователя Кристиана Н. Океке, позволяет разделить все международные единицы на **суверенные** и **несуверенные образования и учреждения** исходя из того, обладают ли они при своем непосредственном подчинении международному праву такой степенью независимости, которая позволяет им самостоятельно решать свою юридическую судьбу (решать вопрос своего существования в пределах международного правопорядка) либо нет.

Как следствие, юридическая судьба несuverенных образований и учреждений решается коллективом других международных единиц – создателей таких образований и учреждений (например, коллективом государств-членов межправительственных организаций).

- 5) Совмещенное применение критерия юрисдикции и критерия независимости на основе анализа практики позволяет разделить всех субъектов международного права на следующие четыре фундаментальные категории: а) **суверенные территориальные образования**, к которым относятся только государства; б) **несуверенные территориальные образования**, к которым относятся вольные города и иные самоуправляющиеся территориальные единицы, созданные на основе международных договоров, включая Палестинскую национальную администрацию; в) **несуверенные нетерриториальные учреждения**, к которым относятся «классические» межправительственные организации и органы, наднациональные организации и Международный комитет Красного Креста; г) **суверенные нетерриториальные учреждения**, к которым относятся народно-освободительные движения (в настоящий момент: только Организация освобождения Палестины, имеющая при этом обособленную от несuverенной Палестинской администрации публичную структуру и правовой статус), а также религиозные институты международного значения (Святой Престол и Мальтийский Орден).

ГЛАВА I. УЧЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ: ИСТОРИКО-ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

§ I. УЧЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ, ДРЕВНЕМ РИМЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

I. Межполисный правопорядок Древней Греции представлял собой замкнутое политическое пространство, базовыми элементами которого являлись преимущественно небольшие государственные образования – полисы¹, их объединения² и заморские колонии³. Международно-правовой аспект концепции полиса отражал идею о независимых властных территориальных сообществах, стоящих на началах фактического равенства друг с другом и связанных при этом общей религией и народностью. В контексте учения о полисе суверенитет (или, точнее говоря, его понятийный эквивалент: *автономия*⁴) как один из отличительных признаков государственности получил развитие в том смысле, что на практике признавалось полновластие полиса в собственных делах и его свобода во внешних сношениях с остальными полисами⁵. Организованная деятельность в рамках различных межполисных объединений (амфикистий, симмахий и других союзов)⁶ могла приводить к тому, что у общих органов такого объединения (например, у Совета Дельфийской амфикистии)

¹ См.: *Phillipson C. The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. In 2 Vol. London, 1911. Vol. I. P. 31.*

² См.: *Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. М., 1990. С. 20.*

³ «Основанные греками колонии были большей частью независимыми государствами и считались детищами основавшего их государства, с которым они заключали наступательные и оборонительные союзы» (*Симсон Э. К. О завладении по началам международного права. СПб., 1894. С. 1–2.*)

⁴ См.: *Phillipson C. Op. cit. Vol. I. P. 28.*

⁵ Как писал об этом английский правовед Коулман Филлипсон: «Несмотря на ... обширные различия во внутреннем политическом устройстве и заметное предпочтение и приверженность к той или иной политике (т. е. к тому или иному образу правления. – прим. автора, А. М.), в Элладе пользовалось всеобщим признанием то, что каждое государство, независимо от размера или могущества, в силу того, что оно является постоянным организованным сообществом, имеет право на полную самостоятельность и регулирование его дипломатических сношений с другими независимыми государствами посредством своих собственных послов» («Notwithstanding ... wide differences in the internal political constitution, and the marked preference for, and devotion to, this or that polity, it was universally recognized in Hellas that each State, regardless of size or power, had, by virtue of its being a regularly organized community, the right of absolute autonomy, and of regulating its diplomatic relationships with the other independent States by means of its own ambassadors») (*Ibid. P. 32.*)

⁶ См.: *Phillipson C. Op. cit. Vol. II. P. 2–4, 11–13, 28–30.* Чаще всего речь шла об ассоциации с общими конфедеративными органами (собраниями делегатов полисов) для проведения регулярных совещаний между членами объединения с целью координации совместной деятельности (которая могла быть посвящена общему религиозному служению, торговле или обороне).

приобретались собственные властные (в том числе регламентарные) полномочия в отношении полисов-членов союза, включая разрешение споров между жителями полисов, наложение штрафов на признанную виновной сторону разбирательства на уровне совета объединения, уничтожение (полное разрушение) полисов, нарушивших свои обязательства в рамках союза⁷.

Можно согласиться с той оценкой, что в определенной мере межполисный правопорядок Древней Греции представлял собой прообраз современного положения международного сообщества⁸.

II. Несмотря на достаточно схожие с Древней Грецией изначальные обстоятельства становления Древнего Рима, в первое время бывшего лишь одним из множества городов-государств Лация⁹, после начала собственных активных экспансий римская государственность приобрела существенные отличия от положения Древней Греции в международно-правовом измерении. Тесные контакты с соседями не выработали в Древнем Риме собственного развернутого учения о международном праве¹⁰, поскольку в конечном счете почти все страны – соседи Рима, – бывшие организованными государственными образованиями, оказались мирным или военным путем присоединены к нему. Так как Римское государство уже в период правления императоров из-за своей протяженности покрывало практически весь известный римлянам цивилизованный мир (ойкумену), в доктрине римских юристов естественно отсутствовало какое-либо развитие взгляда на него как на единственную в этом пространстве международную единицу. Поэтому для римского права было характерно воззрение на отечественное государство только как на определенный

⁷ Ibid. Vol. I. P. 36; Ibid. Vol. II. P. 5–11. В других случаях положение дел могло вообще приводить к установлению неравноправного союза, в котором полнота власти и *преобладание (гегемония)* над членами объединения принадлежала одному начальствующему над ними городу (как, например, в случае первого и второго союзов под руководством Афин) с формированием союзного совета, суда и казны, пополнявшейся с общесюзных налогов (Ibid. P. 13–24; Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. Цит. соч. С. 20–21).

⁸ См.: Phillipson C. Op. cit. Vol. I. P. 30–31.

⁹ См.: Шмитт К. Номос Земли в международном праве *jus publicum europaeum* / Пер. с нем. СПб., 2008. С. 27.

¹⁰ См.: Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 17.

внутренне-правовой пространственный порядок, в котором акторами являются различные носители публичной власти в Римском государстве и частные лица соответственно¹¹.

Отдельно следует сказать о таком понятии римского права как *jus gentium*. Как отрасль римского права *jus gentium* в узком смысле обозначало «общенародное право», применяемое к правоотношениям с участием иностранцев. Однако содержание *jus gentium* в действительности имело более широкий характер, представляя собой правовые принципы, которые, по учению римских юристов, имели нормативное значение как для каждого народа в целом¹², так и для любого человека в частности¹³. Но, по указанным выше причинам, межгосударственное значение *jus gentium* в эпоху Древнего Рима было развернуто слабо.

Таким образом, пример Древнего Рима в отношении международного права, отдаляясь от Древней Греции, имеет меньше параллелей с нынешним положением международного сообщества.

III. Правовое мышление Средневековой Европы оказалось тесно связанным с эпохой Древнего Рима. Согласно воззрениям средневековых государственных деятелей и правоведов, Европа того времени не представляла собой сообщество независимых политических единиц, действующих в качестве обособленных друг от друга юридических личностей. Наоборот, сред-

¹¹ Русский юрист Н. И. Палиенко писал: «Римляне получили верховенство над всем остальным миром, им не нужно было подчеркивать независимость и верховенство своего государства. И мы не находим у римлян понятия, которое бы выражало юридическую сущность и границы государственной власти, идеи, что государственная власть есть безусловно высшая и, следовательно, *извне* (выделено автором, А. М.) независимая власть. Юристы (Древнего Рима. – прим. автора, А. М.) указывают лишь формы, в которых осуществляется государственная власть и ее распределение между различными органами в государстве. Римляне выработали, если так можно выразиться, идею суверенитета всемирного государства, но не государства вообще» (Там же. С. 21).

¹² См.: Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. Цит. соч. С. 39–40; Грабарь В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. Юрьев, 1901. С. 5–6.

¹³ Дигесты (§. 4, 1, титул I, книга первая) содержат следующее определение Ульпиана: «Право народов – это то, которым пользуются народы человечества; можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое – лишь для людей (в их отношениях) между собой» (Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2008. Т. I. С. 83).

невековое правовое мышление определяло всю христианскую Европу в качестве единого квази-государственного порядка¹⁴. Более того, христианская Европа как всеобщее континентальное Христианское государство (*Respublica Christiana* или Христианский народ: *Populus Christianus*) во главе с императором продолжала также именоваться и Римским государством (*Respublica Romana* или Римским народом: *Populus Romanus*)¹⁵ – эта связь с державным наследием Древнего Рима была не простым символическим уподоблением, а указанием на как бы сохранявшуюся юридическую непрерывность государственности, как бы полную (хотя и в высшей степени номинальную¹⁶) тождественность Древнеримского государства и Христианской республики.

В этом смысле средневековая Священная Римская империя юридически еще не ограничивалась пределами Германии, Бургундии и Северной Италии: данные территории действительно считались подчиненными более тесным образом императору (как *одновременно* германскому, бургундскому и итальянскому королю), но в то же время иные самостоятельные государственные общности – Франция, Англия, Польша, Венгрия, скандинавские и испанские королевства, итальянские города-государства и т. д. – также обладали, как предполагалось, статусом *вассалов* императора (т. е. субъектов «Римского государства» во главе с ним), хотя с течением времени все более подтверждался отрыв данного определения от реальности¹⁷. При подобном положении дел подлинные международные правоотношения, хотя и преимущественно эпизодические или относящиеся лишь к военному противостоянию, могли первоначаль-

¹⁴ См.: Палиенко Н. И. Цит. соч. С. 56.

¹⁵ «Вселенский» характер власти римско-германского императора (как «владыки мира»: «*dominus mundi*» или «*dominus dominantium*»), определялся аналогично власти древнеримских императоров (Дигесты: 9, титул II, книга четырнадцатая) (см.: Палиенко Н. И. Цит. соч. С. 19, 56–57). «Император пребывает в Германии и является де-юре сувереном (всей христианской Европы. – прим. автора, А. М.)» («*Imperator est modo in Alemannia et est de jure superior*»), писал итальянский юрист позднего Средневековья Бартоло да Сассоферрато (Цит. по: Woolf C. N. S. Bartolus of Sassoferrato. His Position in the History of Medieval Political Thought. Cambridge, 1913. P. 29). Понятие государства (*respublica*), таким образом, отождествлялось долгое время в Средневековье только с Империей в целом (см.: Грабарь В. Э. Цит. соч. С. 46–47).

¹⁶ Там же. С. 33; Woolf C. N. S. Op. cit. P. 209.

¹⁷ См.: Палиенко Н. И. Цит. соч. С. 56–57.

чально устанавливаться только между Священной Римской империей (всей европейской Христианской республикой) в целом с одной стороны и народами, не входившими в Империю (*populi extranei* или *populi liberi*) с другой¹⁸.

Переход от описанной конструкции к более близкой современному положению международного сообщества картине активно происходил на протяжении XV–XVI вв. вследствие постепенной реинтерпретации фактической самостоятельности освобожденных от прямого подчинения римско-германскому императору европейских стран, начиная с отдельных итальянских городов-государств и Франции еще в XIII–XIV вв., распространившись затем и на другие государственные образования¹⁹. В этом контексте понятие *jus gentium* со временем получает иное значение – начиная с XIV века нормы «права народов» и *jus naturale* постепенно приобретают роль **межгосударственного права** в связи с еще большим ослаблением Священной Римской империи как претендовавшего на универсальность европейского порядка, находя свое применение как раз в случаях взаимоотношений государственных образований, независимых де-факто от власти императора²⁰. Так начиналось зарождение современного международного публичного права.

¹⁸ См.: Woolf C. N. S. Op. cit. P. 25, 28; Грабарь В. Э. Цит. соч. С. 50–53, 192–193.

¹⁹ В отношении итальянских городов-государств средневековыми юристами в конечном счете было констатировано, что самостоятельность первых является не просто следствием почти что уже полного устранения зависимости от римско-германского императора, но явным образом указывает на совершенную обособленность от власти последнего их замкнутого в себе существования, что приводило де-факто к *уподоблению* статуса этих городов «Римскому государству», самой Священной Римской империи. Тем не менее, например, Бартоло да Сассоферрато обосновывал утверждение подобной самостоятельности генеральной уступкой (делегированием) со стороны императора (см.: Woolf C. N. S. Op. cit. P. 21–22, 26–27). Правовое осмысление же Францией собственной самостоятельности начиная с XII века привело к переработке понятия суверенитета (*imperium*), уже известного в то время в юридическом языке страны, с целью указания на полновластие французского короля как «императора в собственном отечестве» или *rex qui superiorem non recognoscit* – принципиально подтвержденная Папой Римским еще в 1202 году применительно к французскому монарху формула *rex in regno suo est imperator* была взята на вооружение в XIII–XIV вв. и другими государственными общностями (см.: Грабарь В. Э. Цит. соч. С. 174, 190).

²⁰ Там же. С. 109–112, 199–202.

§ II. УЧЕНИЕ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В ЭПОХУ КЛАССИЧЕСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

I. Произошедшие в XV–XVI вв. изменения в европейском публично-правовом мышлении на фоне глобального христианского конфессионального раскола дали опору для зарождения науки международного права. На практике в указанный период было окончательно признано, что европейские государства – бывшие субъекты универсальной Священной Римской империи – приобрели суверенитет (*imperium*), превратившись в совершенно независимые замкнутые территориальные единицы, отношения между которыми могли регулироваться лишь по *jus naturale* или *jus gentium (jus inter gentes)*²¹. С этого времени именно **национальная государственность становится первичным типом международной юридической личности** в пределах приобретающего новый облик европейского правопорядка²².

В этом ключе доктрина того времени начинает вырабатывать самые общие определения государственности, правда поначалу преимущественно философско-правового характера. Так, нидерландский юрист Гуго Гроций писал, что государство есть «совершенный союз свободных людей, заключенный

²¹ См.: Шмитт К. Цит. соч. С. 147. Именно в силу того, замечал Карл Шмитт, что в пределах Европы возникло несколько территориально замкнутых властных образований, «каждое со своим единым правительством, единой администрацией и с твердыми границами», были таким образом и найдены *подходящие акторы* для нового *jus gentium* (Там же. С. 165–166).

²² Там же. С. 202–203. Однако процесс создания нового европейского правопорядка при этом не стоит прямо связывать, например, с заключением в 1648 году соглашений Вестфальского мира с участием ограниченной уже пределами Германии Священной Римской империи. Можно согласиться с оценкой колумбийского юриста Хосе-Мануэля Баррето о том, что «**вестфальская доктрина не корреспондирует историческим фактам Вестфальского мира, т. к. подписанные в Мюнстере и Оснабрюке договоры не создали общеевропейской государственной системы** (выделено автором, А. М.). Также они не санкционировали принципы суверенитета, равенства между государствами, и невмешательства... И суверенитет не был дарован (в результате Вестфальского мира. – прим. автора, А. М.) "сословиям", землям или княжествам Священной Римско-Германской империи, поскольку они оставались подчиненными императору. Равенство не могло быть заявлено в качестве характеристики отношений между Империей и княжествами, и вмешательство императора в дела земель являлось правилом, нежели чем уважением к самоуправлению (немецких земель. – прим. автора, А. М.)» («the Westphalian doctrine does not correspond to the historical facts of the Peace of Westphalia as the treaties signed in Münster and Osnabruck did not create a European-wide state system. Nor did they sanction the principles of sovereignty, equality among states, and non-intervention... And sovereignty was not granted to the 'estates', landers, or principalities of the Holy Roman German Empire because they were still subjected to the Emperor. Equality could not be predicated as characterizing the relations between the empire and the principalities, and intervention in the affairs of the landers by the emperor was the rule rather than respect for self-government») (*Barreto J.-M. Cerberus: Rethinking Grotius and the Westphalian System // International Law and Empire. Historical Explorations / Ed. by M. Koskeniemi, W. Rech, M. J. Fonseca. New York, 2017. P. 159*).

ради соблюдения права и общей пользы»²³. В качестве такого «совершенного союза» государство обладает суверенной (верховой) властью²⁴. При этом любопытно, что такое суверенное государство, по мнению Гроция, все же *исключительно* не обладает способностью зачинать вооруженные конфликты: на основе естественного права помимо «публичных войн» возможно ведение как и «частных войн» (например, с участием торговых компаний), так и смешанных «публично-частных»²⁵. Самуэль фон Пуфендорф производит определение государства уже как сложного морального лица (*entia moralia*), хотя и отождествляет его в большей степени с личностью правителя²⁶. Готфрид Вильгельм Лейбниц понимает под международным юридическим лицом (*persona jure gentium*) того, «кто обладает публичной свободой так, чтобы он не находился во власти другого, но сам бы имел право войны и заключения договоров»²⁷. Суверенитет же, по мнению ученого, представляет собой лишь совокупность определенных правомочий, реализуемых в международном праве (главным образом это право войны и мира, а также возможность заключения союзов) и проистекающих из публичной свободы их носителя, даже если последний в некотором отношении и подчинен вышестоящей правительственной власти на недобровольных началах²⁸.

Эмер де Ваттель, помимо философско-правового определения государства (нации или гражданского общества) как политического единства или общества людей, объединившихся для обеспечения совместными усилиями своей безопасности и выгоды, также отдельно указывает на более конкретную международно-правовую характеристику государства как юридической личности (моральной персоны или субъекта), что прежде всего означает облада-

²³ Гроций Г. О праве войны и мира / Пер. с лат. М., 1994. С. 74.

²⁴ «Верховной же властью называется такая власть, действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по ее усмотрению» (Там же. С. 127).

²⁵ Там же. С. 118–120. Иную, чем Гроций, позицию занимал по этому вопросу Бальтазар Айала, Альберико Джентили и Ричард Зач (см.: Шмитт К. Цит. соч. С. 185–187, 196, 204).

²⁶ См.: Палиенко Н. И. Цит. соч. С. 139–140.

²⁷ Цит. по: Башкина О. Г. В. Лейбниц о разделении суверенитета // Социологическое обозрение. 2015. № 3. С. 97.

²⁸ Там же. С. 97–100, 102.

ние собственной волей и сознанием, способностью иметь права и обязанности²⁹. Все государства равны между собой и обладают суверенитетом, который Де Ваттель прежде всего раскрывает в контексте политического верховенства во внутренних делах: суверенитет есть публичная власть, с помощью которой государство распоряжается и указывает, «что каждый должен делать для осуществления целей общества»³⁰. Участие государства в неравноправном союзе, или нахождение его под покровительством (протекторатом), равно как и даже вассальные отношения (включая выплату дани), считал Де Ваттель, не умаляли сами по себе государственный суверенитет, поскольку основывались на установленном договором политическом самоограничении³¹. То же самое относилось и к федеративной республике (постоянной конфедерации), под которой Де Ваттель подразумевал не единое образование, а союз добровольно ограничивших себя в некоторых отношениях государств (нидерландская Республика Соединенных Провинций и Швейцарский союз)³². Соединение двух государств в унию (на примере Пруссии и Невшателя) и обретение таким образом для них общего государя также не приводит к соединению участников унии в одну общую юридическую личность³³. Право народов в части норм, регулирующих вооруженные конфликты, оказывается применимо и к случаям

²⁹ См.: *Де Ваттель Э.* Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Пер. с фр. и англ. М., 1960. С. 25, 27, 42. Подобно индивиду, «нации, или суверенные государства, должны рассматриваться как свободные личности, которые живут в естественном состоянии», причем речь идет об абсолютной свободе и независимости наций, столь же «абсолютно обязанных», по выражению Де Ваттеля соблюдать международное право как применимую к ним форму естественного права (Там же. С. 26–27). Отдельно автор указывает на обладание нацией определенной территорией и населением (Там же. С. 172).

³⁰ Там же. С. 31–32, 39. Суверенной является та нация, которая действительно управляет сама собой с помощью собственной власти и законов безотносительно конкретного образа правления, не подчиненная при этом иностранной зависимости – этого достаточно для допуска в европейское сообщество государств, что является ранним отражением декларативной теории признания (Там же. С. 40–41, 236).

³¹ Там же. С. 41–42, 161–162, 300. Еще Гроций замечал, что отсутствие верховной власти не всегда приводит к потере самостоятельности у подчиненных властей (см.: *Гроций Г.* Цит. соч. С. 138). У Георга Фридриха фон Мартенса и другого немецкого юриста XVIII в. Иоганна Якоба Мозера можно найти упоминание и перечисление не только суверенных, но и *полусуверенных государств*, сочетающих широкую самостоятельность с подчинением вышестоящей правительственной власти (см.: *Палиенко Н. И.* Цит. соч. С. 148–149, 152; *Горовцев А. М.* Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия. СПб., 1909. С. 700–701).

³² См.: *Де Ваттель Э.* Цит. соч. С. 42.

³³ «Два суверенных государства могут также быть подчинены одному и тому же государю, без какой бы то ни было зависимости одного из них от другого; каждое сохраняет все права свободной и суверенной нации» (Там же).

гражданских войн³⁴: Де Ваттель впервые для доктрины³⁵ *уравнивает* перед международным правом противоборствующие в таких вооруженных конфликтах стороны, объясняя это тем, что гражданская война «расторгает связи общества и правительства или по меньшей мере приостанавливает их действие и следствия; она порождает в нации две независимые партии, которые смотрят одна на другую, как на врагов, и не признают никакого общего судьи над собою»³⁶.

Подводя итог, можно сказать, что **сложившаяся юридическая доктрина в XVII–XVIII вв. окончательно утвердила воззрение на европейский правопорядок как на подлинно международный**. Неизменными участниками данного правопорядка стали суверенные государства как независимые международные единицы, равные между собой юридические личности.

II. Доктрина международного права XIX – начала XX вв., развивая учение о международной правосубъектности, следует тенденции предшествующих правоведов, практически не обособляя общую теорию международной юридической личности от изложения сущности именно государственного статуса³⁷. При разработке определения государственности все больше начинает делаться упор на *критериях, имеющих значение именно для международного общения*³⁸, включая такие признаки государства как суверенная власть,

³⁴ «Когда в государстве образуется партия, которая больше не повинуется суверену и достаточно сильна, чтобы ему противиться, когда в республике нация разделяется на две противостоящие партии и с обеих сторон прибегают к оружию, это — *гражданская война*. ... Государь, конечно, не преминет называть мятежниками всех подданных, которые ему открыто сопротивляются. Однако, когда последние становятся **достаточно сильными, чтобы ему противиться и заставлять его вести с ними войну, соблюдая ее законы** (выделено автором, А. М.), ему придется примириться с названием гражданской войны» (Там же. С. 594).

³⁵ См.: Шмитт К. Цит. соч. С. 209–210.

³⁶ Де Ваттель Э. Цит. соч. С. 595.

³⁷ «Только под формой независимого государства, – писал русский юрист Д. И. Каченовский, – народы получают волю и правоспособность, могут действовать на внешний мир, становятся *юридическими лицами*» (Каченовский Д. Курс международного права. Харьков, 1863. Ч. 1. Кн. 1. С. 7).

³⁸ «Определение, кто и когда может пользоваться известными правами, кто обязан исполнять соответствующие этим правам обязанности и наконец какие отношения проистекают из применения этих прав и обязанностей – определение всего этого должно тоже составлять часть всякого исследования о фундаментах любой ветви законоведения», – писал русский правовед А. К. Бялэцкий (*Бялэцкий А. О значении международного права и его материалов*. Варшава, 1872. С. 78). «... Задача международного права, – считал другой русский ученый Э. К. Симсон, – состоит в определении *условий, признаваемых им существенными для понятия государства* (выделено автором, А. М.), и за неимением которых оно не признает правового организма государством, субъектом в международном праве, членом международного общения. ... **В вопросе, следует ли признать какое-либо государство таковым, надо только смотреть на то, чтобы в нем были все те элементы,**

территория и население – обладающие ими государствами признаются *право-способными*³⁹. У некоторых авторов англо-американской доктрины изложение признаков государственности уже предвосхищает положения будущей Конвенции Монтевидео 1933 г.⁴⁰ Любопытным отклонением от общих воззрений на международную правосубъектность являлись, например, позиции русских правоведов А. Л. Байкова⁴¹ и П. А. Покровского⁴². Оригинальный взгляд на идею правосубъектности также презентовали представители итальянской школы международного права посредством своей теории правосубъектности наций («теории национальности»)⁴³.

которые существенны для понятия государства (выделено автором, А. М.)» (Симсон Э. К. Цит. соч. С. 84–85).

³⁹ Правоспособность государства означает его право посредством своих органов и агентов изъявлять свою юридическую волю и совершать действия, порождающих известные юридические последствия, писал швейцарско-немецкий правовед Иоганн Каспар Блюнчли (см.: *Блюнчли И.* Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса / Пер. с нем.; под ред. Л. Камаровского. М., 1877. С. 98). **Правоспособность в международном праве отождествляется с дееспособностью государства**, которая реализуется им во *вне* и *внутри* себя (см.: *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. / Под ред. В. А. Томсинова. М., 2018. Т. 1. С. 199, 220). Неограниченная международная дееспособность, считал Франц фон Лист, может быть присуща лишь суверенным государствам и проявляется в *делкоспособности* (состоящей из *jus legationum, jus foederum et tractatum, jus belli ac pacis*) и *деликтоспособности* (см.: *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении / Пер. с нем.; под ред. В. Э. Грабаря. Юрьев (Дерпт), 1917. С. 65–66).

⁴⁰ Например, определение независимого государства (нации) американского юриста Дэвида Дадли Филда: «Нация – это народ, постоянно занимающий определенную территорию, имеющий присущее только ему общее правительство для отправления правосудия и сохранения внутреннего порядка, и способный поддерживать отношения со всеми другими правительствами» («A nation is a people permanently occupying a definite territory, having a common government, peculiar to themselves, for the administration of justice and the preservation of internal order, and capable of maintaining relations with all other governments») (*Field D. D.* *Outlines of an International Code.* New York; London, 1876. P. 2).

⁴¹ В своей магистерской диссертации, посвященной исследованию международно-правового положения Святого Престола, А. Л. Байков предлагает к рассмотрению новую концепцию международной правосубъектности, которая не опирается исключительно на государственную природу. В рамках этой концепции существенными элементами международной правоспособности оказываются суверенитет, свобода и независимость, органически связанные между собой и являющиеся источником основных и производных международных прав и обязанностей (см.: *Байков А. Л.* Современная международная правоспособность папства в связи с учением о международной правоспособности вообще. Историко-догматическое исследование. СПб., 1904. С. 155–156, 201–202).

⁴² Покровским в принципе отвергается идея государства как единой юридической личности в международных правоотношениях, поскольку в таком качестве государство оказывается слишком абстрактной и условной величиной, наделенной «в высшей степени неопределенными и в значительной части метафизически построенными» правами; на самом деле, по мнению ученого, государство есть ни что иное как «исторически создавшееся общежитие людей под властью определенного объективного правопорядка» – оно есть лишь *простая совокупность отношений, урегулированных этим порядком*; международными единицами в таком случае, вместо государства в целом, оказываются частные лица, *органы государственной власти*, а также различные международные органы и Святой Престол (см.: *Покровский П. А.* К вопросу о субъектах международного права // Известия Министерства иностранных дел. 1912. Кн. VI. С. 190–192, 198–199, 207–209).

⁴³ «Теория национальности» разрабатывалась представителями этой школы (например, Паскуале Фиоре и Паскуале Станислао Манчини) на фоне активности движения за объединение Италии в единое национальное государство: единственным субъектом международного права, согласно данной теории, являлась *нация*, а не государство (например: итальянская нация в целом, а не отдельные многочисленные итальянские государства в период до окончательного завершения создания объединенного национального королевства в 1870 году) –

Доктрина уделяет особое внимание вопросу о суверенитете, который признается краеугольным камнем не только для обретения правосубъектности, но и в существовании международного права вообще. Уже Иоганн Людвиг Клюбер старается вывести понятие суверенитета *для целей международного права*: это, по его мнению, независимость от других народов и законная власть своего правительства⁴⁴. Суверенитет означает, помимо независимости, устранение (препятствование) возможной деятельности иностранных государств на собственной территории, а также свободу государства беспрепятственно реализовывать свою волю, пишет Иоганн Каспар Блюнчли⁴⁵. Август Вильгельм Хеффер (Гефтер) определял *европейское* государство как непосредственного субъекта международного права, пользующегося естественными правами (включая право территориального и полного государственного суверенитета) и положительными правами (вытекающими из конкретных международных договоров и обычаев)⁴⁶. Георг Йеллинек критически подчеркивал, что государственно-правовое и международно-правовое значения суверенитета (внутреннее верховенство и независимость соответственно) тесно взаимосвязаны и утрата одного из значений приводит к полной утрате суверенитета⁴⁷. При этом, по общему мнению ученых, конкретные международно-правовые обязательства не могут сами по себе лишить суверенное государство независимости⁴⁸. Признание нового государства уже существующими, как все

именно она обладает всеми правами последнего, *не ограничиваясь* государственными границами и являясь носителем естественного права на объединение в рамках будущего единого национального государства (см.: *Field D. D.* Op. cit. P. 9; *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. С. 200).

⁴⁴ См.: *Клюбер И. Л.* Новейшее европейское народное право / Пер. с фр. М., 1828. С. 26–28.

⁴⁵ См.: *Блюнчли И.* Цит. соч. С. 98.

⁴⁶ См.: *Гефтер А.-В.* Европейское международное право / Пер. с нем. СПб., 1880. С. 34, 57, 61.

⁴⁷ См.: *Jellinek G.* Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien, 1882. S. 22–24. Сам Йеллинек давал следующее определение суверенитета: «Суверенитет есть ... свойство государства, в силу которого последнее только посредством собственной воли может быть юридически связано» («Souveränität ist ... die Eigenschaft eines Staates, kraft welcher er nur durch eigenen Willen rechtlich gebunden werden kann») (Ibid. S. 34). Н. И. Палиенко, интерпретируя мысль Г. Йеллинека, считал, что суверенитет это скорее государственно-правовое, нежели международно-правовое понятие; свобода во внешнеполитических делах на самом деле является *рефлексом* внутреннего правительственного верховенства, поэтому принцип суверенитета в международном праве заменяется принципом свободы и равенства (см.: *Палиенко Н. И.* Цит. соч. С. 412, 416–417, 441).

⁴⁸ См., например: *Блюнчли И.* Цит. соч. С. 99–100; *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. С. 201.

чаще начинают утверждать в доктрине, становится одним из неотъемлемых условий для принятия такого государства в международное сообщество⁴⁹.

В вопросе о правосубъектности применительно к федерациям и международным объединениям государств доктрина того времени не занимала единообразной и ясной позиции: нередко понятие федеративного (союзного) государства смешивалось или отождествлялось с другими понятиями: конфедерации, «сложного государства» или империи – в отношении каждого из этих примеров можно было обнаружить утверждения об обладании такими публично-правовыми образованиями или объединениями единой международной правосубъектностью, с возможностью сохранения при этом параллельной правосубъектности входящих в такие образования или объединения их частей или членов (например, субъектов федеративных государств)⁵⁰. Однако в отношении последнего случая на основе практики чаще все-таки делался вывод о том, что правосубъектность членов федерации открывается *лишь* при дозволении на то федеральной конституции⁵¹.

⁴⁹ См., например: *Jellinek G.* Op. cit. S. 99. Однако уже с начала XX века на практике признание «перестало пониматься как конститутивный акт допуска, хотя, с другой стороны, и не превратилось в пустую формальность, а стало рассматриваться как некое “свидетельство о доверии”, необходимое в отношениях между государствами и правительствами» (*Шмитт К.* Цит. соч. С. 445).

⁵⁰ Так, по мнению Блюнчли, примеры «сложных государств» (федеративных государств, союзов государств и империй) как международных лиц представляют тот случай, когда один и тот же народ в пределах общей территории имеет двойной суверенитет соответственно двойственному как «коллективное» государство в целом и как отдельный член, часть этого целого (см.: *Блюнчли И.* Цит. соч. С. 102). Но все же союз государств (конфедерация), где члены объединяются для достижения некоторых общих целей, является сложным государством лишь *в переносном смысле* (как, например, Нидерланды и Швейцарский Союз, США до принятия федеральной конституции в 1787 году, Германский Союз); единым политическим целым является только федеративное государство, где более ясно проявляется двойной суверенитет; к «сложным империям» относится Османская империя и Австро-Венгрия – последняя *состоит из двух государств*, которые во внешних делах действуют *как одно государство*; Северогерманский Союз с 1866 г. и Германская Империя с 1870 г. представляют собой федеративную империю (Там же. С. 102–103). Тем не менее, Блюнчли считает, что «сложное государство» (включая конфедерацию) подобно «государству простому» есть такое же международное лицо, способное заключать международные договоры и участвовать во внешнеполитических сношениях; впрочем, отдельные члены «сложного государства» тоже могут заключать договоры с иностранными государствами, не входя в противоречие с конституцией сложного государства; способность заключать международные договоры может быть отчасти обнаружена даже у местных (муниципальных) властей, в пределах их компетенции (Там же. С. 103–104, 251–252, 267). По мнению же Хеффтера, только в случае союза государств (но не в отношении федерального правительства и членов федерации, метрополии и колонии) сохраняется параллельная правосубъектность и союза в целом, и государств-членов (см.: *Геффтер А.-В.* Цит. соч. С. 40, 42–44).

⁵¹ См.: *Бялэцкий А.* Цит. соч. С. 89. А. С. Яценко, в свою очередь, ключевой особенностью федеративной государственной модели считал то, что в федерации суверенитет не принадлежит в целостности ни отдельным государствам-членам, ни всему союзу в целом, но принадлежит и тому, и другим в их соединении в неразрывное целое; в рамках такой конструкции члены федерации не могут вообще наделяться международной правосубъектностью, а их возможные на практике дипломатические и договорные сношения автор признает

Особый пример представляет собой дискуссия в отношении уний – сущность механизма данного вида межгосударственных объединений включает в себе, как уже отмечалось ранее, совпадение одного и того же лица в качестве главы двух или нескольких государств с сохранением при этом в каждом из государств обособленной системы органов публичной власти и правовой системы: подобные соединения чаще всего подразделяются учеными того времени на личные (т. е. случайные, появляющиеся лишь в результате совпадающих законов о наследовании монаршей должности) и реальные (т. е. специально согласованные) типы уний. Доктрина разделилась в вопросе сохранения обособленной друг от друга правосубъектности государств-участников унии прежде всего в отношении унии реальной, следствием создания которой обычно являлось приобретение некоторых других, помимо монарха, *общих органов* для этих государств. Часть ученых считала, что при подобном положении дел члены унии вступают в уже *государственно-правовое общение*, предполагающее создание объединенной юридической личности⁵². Другая же часть правоведов полагала, что установление реальной унии и упрочение подобного союза между государствами даже с помощью общих органов все равно сохраняет обособленную международную правосубъектность участников реальной унии на практике⁵³.

Исследователи того времени также рассуждали о предполагаемой правосубъектности несuverенных (полусuverенных) политических образований: по мнению некоторых ученых, договорные или даже уже законодательные

ничтожными, сохраняющими свое значение лишь в качестве «исторического пережитка, политической декларации» (см.: Яценко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 319–322, 327–331).

⁵² Только личная уния как выбор главы одного государства правителем другого вследствие добровольного избрания или по праву наследства, предполагал Блончли, не создает *ситуации правопреимства* из-за появления нового государства, сохраняя обособленную друг от друга юридическую личность членов унии в отличие от унии реальной (см.: Блончли И. Цит. соч. С. 92, 104).

⁵³ Так, по мнению М. Я. Пергамента, реальная уния (на примере Австро-Венгрии и Швеции-Норвегии), подобно личной, остается союзом двух суверенных независимых государств, созданным с целью совместного охранения их внешней безопасности и обороны и основанным главным образом на общности носителя верховной власти – монарха, который как одно и то же физическое лицо одновременно юридически руководит каждым из данных государств по отдельности (см.: Пергамент М. Юридическая природа реальной унии. Одесса, 1893. С. 122, 129, 134).

ограничения самостоятельности тех или иных государств в принципе *не препятствовали* им в обладании правосубъектностью, пускай и в более усеченной форме⁵⁴.

Дискуссия о правосубъектности в доктрине затронула и ранние примеры межправительственных организаций. Так, русский юрист П. Е. Казанский считал, что международной правосубъектностью могли наделяться только исполнительные органы (международные бюро) всеобщих административных союзов государств по отдельности, в то время как такие союзы в целом *по общему правилу* юридической личности не приобретали⁵⁵ – исключение утверждалось лишь в отношении немецких межгосударственных учреждений (Германского Союза и Таможенного Союза) с приближающимися к государственным полномочиями⁵⁶. Иной позиции придерживался Н. Н. Голубев, который, как бы предвосхищая будущие выводы Международного Суда ООН по *Reparation Case*, видел в международных институциях своего времени полноценных носителей *несуверенной международной правосубъектности специального характера*⁵⁷.

⁵⁴ Так, Милош Богичевич подчеркивал, что существование полусуверенного образования как минимум предполагает административную автономию от сюзерена (но необязательно при этом и автономию политическую); при наличии же полномочий участвовать в международных правоотношениях напрямую, такое государственное образование действительно оказывается как бы *равным (ebenbürtige)* по отношению к суверенным акторам международного сообщества, однако это не отменяет общей *ограниченности (beschränkte)* международной право- и дееспособности такого образования, что означает сохранение возможности *не принимать во внимание (nicht in Betracht kommt)* в международных делах обособленный статус последнего, рассматривая его, при необходимости, лишь как *partie intégrante*, в качестве простого территориального *продолжения (Verlängerung)* сюзерена, действие договоров которого автоматически распространяется и на это полусуверенное образование (см.: *Boghitchévitch M. Halbsouveränität. Administrative und politische Autonomie seit der Pariser Verträge (1856). Berlin, 1903. S. 141, 148, 167–168.*

⁵⁵ Хотя всеобщий административный союз и описывался автором как «новое общественное тело, стоящее выше государств», его органы в любом случае *не могут* принимать решений, обязательных для членов союза помимо их согласия; воля союза в большинстве случаев это лишь сумма воли его членов – исключение составляют только исполнительные органы союза, которые могут представлять интересы союза *от своего имени* и принимать *обязательные решения по внутренним служебным и дисциплинарным вопросам*, не обращенные, по своей сути, к государствам-членам (см.: *Казанский П.* Всеобщие административные союзы государств. Одесса, 1897. Т. I. 346, 350, 353–354). Всякий всеобщий административный союз есть лишь *организованное товарищество (неправосубъектное объединение)* государств-членов, он не имеет положения юридической личности (Там же. С. 352–354).

⁵⁶ Там же. С. 354–355.

⁵⁷ На основе обобщения практики деятельности международных административных комиссий Голубев приходит к выводу, что несмотря на делегированный (производный) характер своих полномочий, любая подобная комиссия представляет собой самостоятельное политическое *нетерриториальное учреждение* с признанными иммунитетами и привилегиями, обладающая международной и гражданской правоспособностью, поскольку такая комиссия «во внешних своих отношениях выступает как международно-правовая личность, независимая как от местного государства, так и от других участников соглашения (об учреждении комиссии. – прим. автора,

Внимание доктрины также начинает привлекать международно-правовой статус Святого Престола после окончательного присоединения Папского государства к Италии в 1870 году. Большинство авторов, склоняясь к невозможности признать международную правосубъектность за религиозными институтами, тем не менее отмечали *экстраординарное положение Св. Престола* (обеспеченное, в том числе, особым итальянским Законом о гарантиях 1871 г.), которое позволяло ему на практике продолжать поддерживать от своего имени дипломатические сношения, заключать по существу международные договоры по церковным вопросам и выступать в качестве арбитра для обратившихся к нему за разрешением спора государств⁵⁸.

Среди некоторых юристов того времени можно обнаружить и сторонников правосубъектности индивида в международном праве. Ряд авторов склонялись к поддержке идеи *универсальной правосубъектности индивида (концепция международного индигената)* – любое физическое лицо, согласно та-

А. М.)» (см.: Голубев Н. Н. Международные административные комиссии XIX века. Очерки теории и практики. Ярославль, 1908. С. 259–262). Единую юридическую личность представляют собой и различные международные санитарные и финансовые советы, а также международные комиссии по управлению отдельными территориями (Там же. С. 122, 377, 516–517). А. Л. Байков, анализируя сущность международных публичных учреждений как носителей международной правосубъектности, также приходил к выводу, что юридическая личность (коллективное целое) таких учреждений не поглощает личность отдельных государств-членов, не наделяет учреждение по отношению к ним односторонним властно-правовым господством – компетенция международных учреждений носит строго делегированный и конкретный характер (см.: Байков А. Л. Международные и властные отношения в теории права. Опыт теоретико-познавательного построения. Ярославль, 1912. С. 393–394, 396–399).

⁵⁸ Блюнчли считал, что христианские церкви не могут быть субъектами международного права подобно государствам, но при этом, «будучи лицами во многом сходными с государствами, они могут вступать с ними в юридические отношения, имеющие более или менее международный характер» – по существу, речь в данном случае идет только о Святом Престоле (Католической Церкви), чьи соглашения (конкордаты) с государствами на практике *приравняются* к межгосударственным договорам, в то время как соглашения с национальными церквями скорее подчиняются национальному праву (см.: Блюнчли И. Цит. соч. С. 79). В другом месте Блюнчли делает более конкретную оговорку: конкордаты не международные договоры *in sensu stricto*, поскольку Папа заключает их *не в качестве светского государя*, а как контрагент ограничен в пределах защиты своих прав в случае нарушения конкордата; международно-правовой характер придается конкордатам потому, что это *соглашения между публичными лицами о публично-правовых предметах* – они представляют собой, таким образом, особый класс договоров, к которым лишь *с осторожностью* может применяться право международных договоров (Там же. С. 268–269). Несмотря на падение Папского государства, также сохраняется статус и признание дипломатических агентов Св. Престола (Там же. С. 148). Св. Престол (Католическая Церковь), как считает Байков, подобно государству обладает теми же существенными элементами правоспособности: *суверенитетом, свободой и независимостью*; Св. Престолу присущи вследствие этого основные права, которые могут быть обнаружены у любого субъекта: право на заключение договоров, право на ведение дипломатических сношений и право принуждения; Церковь представляет собой нетерриториальный общественный организм, союз людей, «связанных в одно социальное целое общностью веры и власти, над ними господствующей» (см.: Байков А. Л. Современная международная правоспособность папства в связи с учением о международной правоспособности вообще. С. 233–234, 361).

кому воззрению, в принципе подпадало под определение международного актора⁵⁹. В рамках же идеи «служебной» правосубъектности индивида наряду с государствами производными субъектами считались лишь державные органы и их представители: главы государств, дипломатические агенты и консульские должностные лица, причем правосубъектность данных лиц обнаруживалась лишь строго в тех случаях, когда они выражали волю самого государства, а не свою собственную⁶⁰.

Что касается распространившегося в тот период на практике признания инсургентов (повстанцев) воюющей стороной с целью применения к ним норм *jus in bello* (например, признание в таком качестве сил южно- и центрально-американских колониальных революционеров в 1816 г., греческих повстанцев в 1821 г., итальянских революционеров Гарибальди в 1859 г. и КША в 1861 г.)⁶¹, то подобное не означало, по мнению большинства представителей доктрины (и в отличие от упомянутого ранее более радикального воззрения Де Ваттеля), признания законности их требований или провозглашенного ими собственного статуса⁶².

⁵⁹ Так, Д. И. Каченовский причислял помимо государств к субъектам международного права *монархов, дипломатических агентов и консульских должностных лиц*, объясняя это тем, что государство всегда действует во внешнем мире с помощью своих представителей и уполномоченных (см.: Каченовский Д. Цит. соч. С. 20). К субъектам он относил и частных лиц (подданных различных государств), «когда они ведут сношения и вступают во взаимные споры под влиянием личных интересов» (Там же). Хеффер считал, что к непосредственным субъектам международного права помимо европейских государств относятся и *физические лица*: 1) представители верховной государственной власти, члены их семей и дипломатические представители; 2) «туземные подданные государств в их отношениях к другим государствам» (см.: Хеффер А.-В. Цит. соч. С. 34). Индивид, утверждал ученый, должен в принципе рассматриваться как субъект международного права, поскольку «право вообще предписывает соблюдать известные правила в отношении каждого человека, какой бы национальности он ни был» (Там же).

⁶⁰ Блончли писал: «В отдельных, конкретных случаях государство, как целое, избирает органы для своего внешнего действия, которым передает все или некоторые свои международные права и атрибуты. ... Все они (эти органы. – прим. автора, А. М.) являются субъектами международного права в границах, определенных полномочием или основным законом. Их действия обязательны для целого государства, имеют юридические последствия в таком размере, какой обозначило государство, давая им свои поручения» (Блончли И. Цит. соч. С. 80–81).

⁶¹ См.: Шмитт К. Цит. соч. С. 433–439.

⁶² Как считал Блончли, партии внутри государства, даже если они организованы в военном отношении, не имеют значения международных лиц *in sensu stricto* (поскольку речь не идет об образовании нового государства), хотя и должны соблюдать налагаемые на них международным правом обязанности и даже в известных случаях просить защиты своих прав, будучи воюющей стороной (см.: Блончли И. Цит. соч. С. 78, 307). Для признания воюющей стороной такая вооруженная партия должна быть организована как самостоятельная военная сила (должны наличествовать публичная сила и гарантия порядка), уважать предписания права войны и вести войну добросовестно за политические цели; если партия организована как государство и ведет войну за государственные цели, то она «представляет в некоторой степени государство» (Там же. С. 307–308).

Подводя итог, можно отметить, что **доктрина XIX – начала XX вв. в своих позициях максимально приближается к современным дискуссиям о международной правосубъектности.** Помимо развития общего учения о государстве как основном типе международных акторов постепенно возрастает актуальность обсуждения иных категорий возможных субъектов международного права: **суверенных и несuverенных, территориальных и нетерриториальных образований и учреждений,** включая международные объединения, членов федераций и физических лиц (как универсальных либо «служебных» субъектов).

ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЙ ТЕОРЕТИКО-ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

§ I. ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

I. После 1945 года исследователями на основе переосмысления практики закладываются новые, *расширенные* основания международной правосубъектности, окончательно перестающие замыкаться только на государственном статусе⁶³. Так, в советском курсе международного права 1967–1973 гг. субъектами международного права уже в общем именуется «стороны, участвующие или способные участвовать в отношении, урегулированном нормами международного права»⁶⁴. Итальянский правовед Дионисио Анцилотти международными лицами называет *образования (enti)*, соответствующее положение которых определяет сам международный правопорядок, сообщая им определенные права и обязанности (следовательно, международных единиц «по природе», вне санкции международного правопорядка не существует) – *по общему правилу*, такими дестинаторами международно-правовых норм являются автономные общественные группы⁶⁵. В советско-российском курсе международного права 1989–1993 гг. под субъектами международного права понимаются стороны (лица), участвующие или могущие *непосредственно* участвовать в международных правоотношениях (наделенные правами и обязанностями в таких правоотношениях)⁶⁶. Субъектами международного права, согласно авторам курса, могут быть только коллективные общественные образования⁶⁷. Иная

⁶³ Впрочем, отдельные представители советской доктрины во второй половине XX века продолжали рассматривать *только* государства (к которым они относили в том числе союзные республики СССР) в качестве субъектов международного права, разве что иногда дополняя число международных лиц народами, борющимися за самоопределение (за исключением тех случаев, когда последние отождествлялись некоторыми учеными с государствами в качестве *status nasciturus*). См., например: *Крылов С. Б.* К обсуждению вопросов теории международного права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 76; *Евгеньев В. В.* Правосубъектность, суверенитет и невмешательство в международном праве // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 75–77; *Моджорян Л. А.* Основные права и обязанности субъектов международного права // Советский ежегодник международного права. 1958. С. 280.

⁶⁴ Курс международного права. В 6 т. М., 1967. Т. I. С. 146.

⁶⁵ См.: *Анцилотти Д.* Курс международного права / Пер. с итал. М., 1961. Т. I. С. 123–124. **Свойство (понятие) международной юридической личности выражает отношение между образованием и международным правопорядком** (Там же. С. 124).

⁶⁶ См.: Курс международного права. В 7 т. М., 1989. Т. 1. С. 160.

⁶⁷ Там же. С. 163.

точка зрения отстаивается, например, в курсе международного права Майкла Эйкхерста под редакцией Питера Маланчука: именно международная правовая система определяет, согласно такой позиции, кто является субъектами международного права и какой правосубъектностью обладает на международном уровне⁶⁸. Оливер Дж. Лисицын также сомневался в том, что международное право вообще содержит какие-либо *объективные критерии* международной правосубъектности или договороспособности: само действие или практика заключения международных соглашений иной раз оказываются единственным тестом, по его мнению, который может быть применен для определения того, обладает ли субъект такой правосубъектностью или, более того, государственностью⁶⁹. И. И. Лукашук называет субъектами международного права самостоятельные образования, способные непосредственно обладать правами и обязанностями по международному праву, участвовать в создании и осуществлении его норм⁷⁰. Некоторые представители немецкой доктрины подразумевают под субъектами международного права носителей международных прав и(ли) обязанностей, действия которых непосредственно регулируются международным правом⁷¹. Уильям Томас Ворстер отстаивает функционалистский подход (обосновывающий главным образом правосубъектность различных *негосударственных акторов*): международная юридическая личность подразумевает не что иное как обладание правами и обязанностями, конкретный набор которых зависит от *функций* их носителя⁷². Учебник междуна-

⁶⁸ «It is the international legal system which determines which are the subjects of international law and which kind of legal personality they enjoy on the international level» (*Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law. London; New York, 1997. P. 91*).

⁶⁹ «It may, indeed, be doubted that international law contains any objective criteria of international personality or treaty-making capacity. The very act or practice of entering into international agreements is sometimes the only test than can be applied to determine whether an entity has such personality or capacity, or, indeed, "statehood"» (*Lissitzyn O. J. Efforts to Codify or Restate the Law of Treaties // The Columbia Law Review. 1962. № 7. P. 1183*).

⁷⁰ См.: *Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. вузов. М., 2008. С. 23*.

⁷¹ См.: *Витцум В. Г. и др. Международное право = Völkerrecht / Пер. с нем.; сост. В. Бергманн. М., 2015. С. 224*. См. также схожее определение Я. С. Кожеурова: *Кожеуров Я. С. Проблемы международной правосубъектности индивида. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9*.

⁷² См.: *Worster W. T. Relative International Legal Personality of Non-State Actors // The Brooklyn Journal of International Law. 2015. № 1. P. 273*. В то же время, по замечанию автора, нет четкого перечня тех или иных функ-

родного права под ред. Л. Н. Шестакова определяет субъектов международного права в качестве участников международных отношений, обладающих международными правами и обязанностями, осуществляющих их на основе международного права и несущих в необходимых случаях международно-правовую ответственность⁷³. Схожее определение дает В. А. Карташкин, добавляя при этом, что субъекты международного права не только являются носителями международных прав и обязанностей, участвуют в международных правоотношениях и несут ответственность за нарушение международно-правовых норм, *но и создают нормативные предписания права народов, а также контролируют их исполнение*⁷⁴.

II. Общее содержание международной правосубъектности определяется в доктрине всегда приблизительно одинаково, включая в себя, *как минимум, способность обладать международными правами и обязанностями и реализовывать их на практике*⁷⁵. Наряду с этим к числу элементов правосубъектности также относят, как будет подробно рассмотрено далее, договороспособность, способность к внешнеполитическим сношениям, способность к предъявлению международных требований (претензий). Чаще всего право- и дееспособность для целей международного права при этом рассматриваются *в едином качестве*⁷⁶.

ций, с помощью которого можно определить наличие такой ограниченной юридической личности у негосударственного актора – подобные функции могут включать в себя как договороспособность, так и обычные задачи в рамках ведения хозяйственной деятельности (Ibid. P. 220).

⁷³ См.: Международное право: Учебник / Под ред. Л. Н. Шестакова. М., 2005. С. 77.

⁷⁴ См.: *Карташкин В. А.* Международное право и личность // Современное право. 2012. №. 11. С. 118.

⁷⁵ «Всякая правосубъектность включает в себя способность как обладать правами и обязанностями, так и осуществлять их» (Курс международного права. В 6 т. Т. I. С. 145).

⁷⁶ В качестве примера, когда необходимо различать правоспособность и дееспособность, в немецкой доктрине приводится случай оккупированной в 1945 году и подчиненной внешнему управлению Союзников Германии – *сохранение* международной юридической личности страны в тот момент сочеталось с *продолжительным отсутствием* собственного законного правительства (вплоть до создания ФРГ в 1949 году) и, следовательно, привело к *временной утрате способности реализовывать свои международные права и обязанности* (см.: *Витцум В. Г. и др.* Цит. соч. С. 226).

Ганс Кельзен указывал, что под понятием юридической личности кроется способность выступать субъектом юридических прав и обязанностей, совершать сделки и действовать в качестве истца или ответчика⁷⁷. Ряд советских ученых к числу наиболее общих свойств международных единиц относили: 1) реализацию прав и обязанностей на основе норм международного права; 2) участие в отношениях, урегулированных нормами международного права; 3) обладание способностью участвовать в выработке норм международного права; 4) наличие самостоятельного международно-правового статуса⁷⁸. Важнейшим из свойств в рамках такого изложения признается *договорная правоспособность*, поскольку именно нормативное воздействие на международные правоотношения явным образом свидетельствует о способности быть субъектом международного права⁷⁹. Нигерийский юрист Кристиан Н. Океке выделяет среди существенных элементов международной правосубъектности наличие прав (что подразумевает возможность требования для себя преимуществ на их основании), обязанностей (что подразумевает возможность несения ответственности за нарушающее конкретные обязанности поведение) и способность вступать в договорные и иные правоотношения (в той мере, в какой это признается правовой системой с учетом природы самого вступающего в правоотношения лица)⁸⁰. Нидерландский исследователь Ян Клабберс относит договороспособность, способность к внешнеполитическим сношениям и

⁷⁷ «Juridical personality ... means the capacity of being a subject of legal duties and legal rights, of performing legal transactions, and of suing and being sued at law» (Kelsen H. Principles of International Law / Rev. and ed. by R. W. Tucker. New York, 1966. P. 282).

⁷⁸ См.: Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / Отв. ред. Д. И. Фельдман. М., 1971. С. 11, 14. Под содержанием международной правосубъектности в строгом смысле подразумевается совокупность прав и обязанностей, присущих международной единице (Там же. С. 14).

⁷⁹ Там же. С. 16.

⁸⁰ См.: Okeke C. N. Controversial Subjects of Contemporary International Law. An Examination of the New Entities of International Law and Treaty-making Capacity. Rotterdam, 1974. P. 19. Другой важной характеристикой для международных лиц является то, что приобретение правосубъектности происходит не благодаря международному праву, но благодаря фактам международной жизни: «... Как только образование заявляет о себе в международной жизни и приобретает собственную власть ... – такое образование должно быть наделено статусом субъекта международного права» («... As soon as an entity has asserted itself in international life and has acquired an authority of its own ... – such an entity should be awarded the status of subject of international law») (Ibid.). Близкая точка зрения отстаивалась в советском курсе международного права (1967–1973 гг.) – по мнению его авторов, достаточно наличия хотя бы одного правоотношения, в котором участвует или может участвовать данное лицо, чтобы оно тем самым приобрело качество правосубъектности (см.: Курс международного права. В 6 т. Т. I. С. 146).

способность к выдвиганию международных претензий к наиболее бесспорным индикаторам международной правосубъектности – на наличие последней будет указывать обладание хотя бы одним из названных признаков, чего, впрочем, недостаточно для описания всеобъемлющего статуса акторов из-за зачастую совершенно различного набора прав и обязанностей у каждого из них⁸¹. Такие понятия как «юридическая личность» и «правосубъектность» в международном праве являются лишь дескриптивными, полезными для описания текущего положения дел, но при этом нормативно пустым (*normatively empty*), поскольку в любом случае никакие права и обязанности автоматически не вытекают из наделения юридической личностью, считает ученый⁸². Британским юристом Яном Броунли определение международной правосубъектности как способности обладать правами и обязанностями и предъявлять международные претензии признается дефиницией *idem per idem*, поскольку наличие указанных элементов правосубъектности связано с уже имеющейся юридической личностью – реализация правоспособности является нормальным следствием, а не убедительным доказательством правосубъектности⁸³. Я. С. Кожеуров, в свою очередь, предлагает дефиницию субъекта международного права как лица, способного в силу международно-правовых норм подчиняться его регулирующему воздействию – эта способность выражается в возможности лица обладать субъективными правами и нести субъективные обязанности

⁸¹ См.: *Klabbers J. An Introduction to International Institutional Law. New York, 2002. P. 44.* Говоря об источнике этих критериев в контексте позиции Международного Суда ООН по *Reparation Case*, Клабберс приходит к выводу, что упомянутые индикаторы лучше всего рассматривать как результат, предположительно, *индуктивного анализа*: поскольку все субъекты международного права, как следует из практики, обладают хотя бы одной из этих характеристик, вместе эти индикаторы становятся достойным мерилom, с помощью которого можно измерить ту или иную степень правосубъектности; из этого, в частности, следует, что **в то время как государства обладают всеми характеристиками субъекта *ipso facto*, другие международные единицы обычно не обладают ими, или, по крайней мере, не обладают ими в неограниченной степени (*unlimited fashion*)** (Ibid. P. 44–45).

⁸² Ibid. P. 57.

⁸³ См.: *Brownlie I. Principles of Public International Law. New York, 2008. P. 57, 69.* Если образование не признается субъектом на основе обычного международного права, то, считает ученый, оно тем не менее может получить такой статус благодаря явно или молчаливо выраженному согласию признанных международных единиц (Ibid. P. 57).

(что одновременно означает и способность лица участвовать в международных правоотношениях)⁸⁴. Неверно отождествлять правосубъектность как свойство лица (способность иметь какие-либо права вообще) и сами конкретные права (например, право на заключение международных договоров), носителем которых это лицо является в силу правосубъектности как свойства, пишет Кожеуров⁸⁵.

Нередко доктринальное изложение вопроса о содержании международной правосубъектности сочетается или почти полностью смешивается с изложением важнейших предпосылок (*признаков*) правосубъектности. Так, согласно Анцилотти автономные общественные группы (государства) оказываются международными лицами благодаря тому, что представляют собой координированные, неподчиненные общей верховной власти (следовательно, непосредственно подчиненные *только* международному правопорядку) образования – соглашения между такими образованиями создают международный правопорядок как таковой⁸⁶. Советский правовед Л. А. Моджорян предпосылкой международной правосубъектности считала *верховную власть*, имеющуюся лишь у государств и борющихся за самоопределение наций, уточняя при этом, что такая верховная власть должна: 1) быть способна участвовать в международном правотворчестве, 2) принимать на себя конкретные обязательства вследствие такого правотворчества, 3) выполнять их и 4) добиваться соблюдения норм права⁸⁷. Норвежский юрист Финн Сейерстед считал общим для всех международных лиц (включая межправительственные организации) крите-

⁸⁴ См.: Кожеуров Я. С. Цит. соч. С. 9, 15–16. Лицу достаточно быть носителем *хотя бы какого-либо одного права или обязанности*, чтобы можно было сделать вывод о его правосубъектности (Там же. С. 14–15). Тот факт, что единственным способом создания международно-правовых норм предстает согласование воли между государствами, не означает невозможности претворения в жизнь такой договоренности между ними, которая бы непосредственно подчинила, например, частных лиц международному праву (Там же. С. 20–21). Таким образом, «предмет международно-правового регулирования – это не только отношения между государствами и другими правосоздающими субъектами, но и те отношения, по поводу которых осуществляется международно-правовое сотрудничество государств и среди которых могут быть и отношения с участием физических лиц» (Там же. С. 21).

⁸⁵ Там же. С. 14.

⁸⁶ См.: Анцилотти Д. Цит. соч. С. 124. Действуя в качестве юридических личностей, такие общественные группы возлагают на себя определенную власть и обязанности как на единое целое (коллектив) (Там же).

⁸⁷ См.: Моджорян Л. А. Основные права и обязанности субъектов международного права. С. 279.

рием наличие замкнутой (самоуправляющейся или «суверенной») системы органов публичной власти⁸⁸. Суверенитет, по мнению ученого, есть качество, присущее всем без исключения субъектам международного права: под ним подразумевается юридическая независимость как таковая (необязательно привязанная к обладанию какой-либо территорией)⁸⁹. Некоторые советские правоведы подчеркивали, что всем субъектам как коллективным (комплексным) единицам должна быть присуща *относительная самостоятельность и внутренняя организация*⁹⁰. По мнению авторов советско-российского курса международного права (1989–1993 гг.), предпосылкой правосубъектности коллективных общественных образований также является соответствующая *организация и органы*, персонифицирующие и выражающие их волю, а также их *взаимная неподчиненность друг другу*⁹¹. Субъект международного должен обладать *независимым международным статусом* и *быть непосредственно подчинен праву народов*, считал И. И. Лукашук – если же связь с последним опосредуется через другое политико-правовое образование, то можно в лучшем случае говорить об *особой, производной правосубъектности*⁹².

III. Учеными ставится также вопрос о **важнейших различиях между субъектами международного права**. Наиболее распространено деление всех международных акторов на **суверенных** и **несуверенных**, а также на **основных** (общепризнанных, неограниченных, первичных) и **иных** субъектов (за которыми признается только ограниченный или частичный статус) – к суверенным акторам, как правило, исследователи относят только государства и народы, борющиеся за самоопределение, а к основным (общепризнанным) акторам чаще всего помимо указанных выше добавляются и межправительственные организации⁹³. Более развернутую классификацию международных

⁸⁸ См.: *Seyersted F.* Objective International Personality of Intergovernmental Organizations. Do Their Capacities Really Depend upon the Conventions Establishing Them? // *Nordisk Tidsskrift for International Ret.* 1964. № 3. P. 48, 61.

⁸⁹ *Ibid.* P. 48.

⁹⁰ См.: *Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории)* / Отв. ред. Д. И. Фельдман. С. 17.

⁹¹ См.: *Курс международного права*. В 7 т. Т. 1. С. 162–163.

⁹² См.: *Лукашук И. И.* *Международное право*. Общая часть. С. 24

⁹³ См., например: *Malanczuk P.* *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. P. 91–92; *Лукашук И. И.* *Международное право*. Общая часть. С. 24; *Витцум В. Г. и др.* *Цит. соч.* С. 225–226.

лиц предлагал, в частности, австрийский правовед Альфред Фердросс, выделяя в ней следующие категории: 1) субъекты прав и субъекты обязанностей; 2) активные и пассивные субъекты; 3) постоянные и временно существующие субъекты; 4) первоначально существующие субъекты и субъекты, принятые в международное сообщество позднее; 5) самоуправляющиеся и несамоуправляющиеся субъекты; 6) субъекты, обладающие право- и дееспособностью и субъекты, обладающие только правоспособностью; 7) субъекты, существующие на основе общего международного права, и субъекты, имеющие незначительное признание⁹⁴. Некоторые советские правоведы подчеркивали, что **различия между субъектами международного права следует устанавливать по признакам их возникновения, юридической природы и объема правосубъектности**⁹⁵. Так, правосубъектность государств и борющихся за свою независимость наций в силу обладания суверенитетом имеет *объективный характер* и не зависит от чьей-либо воли; правосубъектность же межправительственных организаций и органов (а также, в некоторой степени, вольных городов) носит *частичный характер*, обусловленный признанием со стороны государств, которые создают субъектов данной категории и определяют их правовой статус⁹⁶. Суверенные международные акторы обладают прежде всего *фактической правосубъектностью*, поскольку в силу своего государственного или национального суверенитета как особого политико-юридического свойства являются независимыми от каких-либо других субъектов; при образовании же вторичных, несuverенных международных акторов должно иметь

⁹⁴ Субъекты прав и субъекты обязанностей чаще всего совпадают, хотя бывают исключения (например, индивид, который может быть *только* управомочен на подачу иска в международную судебную или третейскую институцию); пассивные субъекты международного права (например, инсургенты) *не могут* принимать участие в непосредственном создании международно-правовых норм; межправительственные организации относятся Фердроссом к тем субъектам, которые занимают *промежуточное положение* между постоянными и временными субъектами, поскольку функционируют на основании международного договора о собственном учреждении; к первоначально существующим субъектам относятся *западные* государства и Католическая Церковь; субъекты, не обладающие полной самостоятельностью, либо имеют лишь некоторую автономию, либо подчинены гетерономному управлению; субъекты, не обладающие дееспособностью на постоянной основе – подмандатные и подопечные территории, а на временной – оккупированные территории, вследствие этого находящиеся под внешним управлением государства, в то время как, например, члены федерации обладают ограниченной дееспособностью; Мальтийский Орден и инсургенты являются субъектами, которые имеют незначительное признание (см.: Фердросс А. Международное право / Пер. с нем. М., 1959. С. 114–116).

⁹⁵ См.: Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / Отв. ред. Д. И. Фельдман. С. 9.

⁹⁶ Там же. С. 6, 11.

место волеизъявление сторон учредительного акта, в которое вкладывается мера государственной власти, влияющей на международные правоотношения и допускающей в них других участников⁹⁷.

По мнению австралийского юриста Джеймса Кроуфорда, государственность является, вероятно, единственной концепцией юридической личности с наиболее определенным, хотя и достаточно гибким содержанием – другие общие понятия в области международной правосубъектности (прежде всего такие как, например, протекторат, сюзеренитет, конфедерация и интернационализованная территория) могут быть более или менее *удобными* классификациями форм международной жизни, но они являются классификациями без юридических последствий, которые выходили бы за рамки конкретных соглашений и иных документов⁹⁸. Схожую позицию имел Броунли, по мнению которого признаки государственности, выработанные в рамках обычного международного права, в принципе служат признаками правосубъектности и для других образований и учреждений – так, межправительственные организации, при соблюдении определенных условий, могут обладать способностями, привилегиями и иммунитетами, *аналогичными* государственным; государства и межправительственные организации, таким образом, составляют *нормальный тип международных лиц*⁹⁹. Субъекты права в любой правовой системе необязательно идентичны по своей природе или объему своих прав: их природа зависит от потребностей международного сообщества, подчеркивал Броунли, повторяя позицию *Reparation Case*¹⁰⁰.

IV. В рамках общего вывода можно отметить, что современная доктрина не достигла полной определенности в отношении всех элементов понятия

⁹⁷ Там же. С. 7–8.

⁹⁸ «... While statehood is a legal concept with a determinate, though flexible, content it is probably the only such concept in the field of legal personality. Other general terms (protectorate, suzerain, confederation, internationalized territory, and so on) may be more or less convenient *classifications* of common forms of organization; but they are classifications without legal consequences beyond those arising from specific agreements or instruments in question» (*Crawford J. The Creation of States in International Law*. New York, 2006. P. 718–719).

⁹⁹ См.: *Brownlie I. Op. cit.* P. 57–58.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 676.

международной правосубъектности. Так, при общем согласии с тем, что **правосубъектность прежде всего подразумевает пользование определенными правами и обязанностями**, остается открытым вопрос о том, должно ли такое пользование всегда утверждаться в результате участия международной единицы в создающем эти права и обязанности акте международного правотворчества – в случае верности данного тезиса становится невозможным, например, говорить о предполагаемой правосубъектности частных лиц. Эта проблема оказывается тесно связанной с рассуждениями о возможных по существу *внеюримических* предпосылках (признаках) правосубъектности, как об этом пишут в большей степени представители советской и российской доктрины, развивая взгляд на международные единицы как на коллективные общественные образования. Другие западные авторы, как было рассмотрено ранее, нередко вообще отвергают идею существования на практике каких-либо внеюримических предпосылок правосубъектности. При этом, хотя все современные ученые в принципе согласны с тем, что **круг субъектов международного права не ограничивается только государствами**, разница во взгляде на предпосылки правосубъектности может серьезно повлиять на описание различных видов международных единиц, на признание или отвержение обособленного статуса некоторых из них. В следующем параграфе будут рассмотрены уже разнообразные мнения доктрины в отношении отдельных категорий субъектов международного права.

§ II. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

I. В вопросе о признаках государственности континентальная доктрина преимущественно сохраняет опору на *суверенную власть, территорию и население*¹⁰¹. Англо-американская доктрина исходит из критериев, сформулированных межамериканской Конвенцией о правах и обязанностях государств, подписанной в Монтевидео в 1933 году: это постоянное население (*permanent population*), определенная территория (*defined territory*), правительство (*government*) и способность вступать во взаимоотношения с другими государствами (*capacity to enter into relations with the other States*)¹⁰².

По мнению Дж. Кроуфорда, характерной чертой критериев Конвенции Монтевидео (как наиболее удачно сформулированных, по его мнению, критериев государственности вообще) является их построение на основе *принципа эффективности*¹⁰³. Центральным критерием для обретения государственности, считал ученый, оказывается наличие эффективно действующего в пределах определенной территории правительства, тесно связанное с критерием независимости: при этом критерии правительства и независимости могут быть определены как два различных аспекта эффективного обособленного контроля (*effective separate control*) собственных внутренних и внешних дел как более

¹⁰¹ См., например: Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. С. 25; Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., 2014. С. 223; Витцум В. Г. и др. Цит. соч. С. 252. Фердросс предлагал расширенный перечень признаков суверенного государства: территориальное и личное верховенство, непрерывность, полное самоуправление, непосредственное подчинение международному праву, эффективность существования, систематическое соблюдение норм права народов (см.: Фердросс А. Цит. соч. С. 117–121).

¹⁰² Convention on Rights and Duties of States adopted by the Seventh International Conference of American States (signed at Montevideo, December 26th, 1933) // League of Nations Treaty Series. Lausanne, 1936. Vol. CLXV. P. 20–43. Некоторые представители российской доктрины также используют критерии Конвенции Монтевидео: при этом ими оговаривается, что такие критерии как территория и население должны характеризоваться *высокой степенью устойчивости и определенности*, власть как критерий должна являть собой *организованную политическую власть с аппаратом, осуществляющим эффективное управление территорией и населением*, а самостоятельное осуществление международных отношений обозначает юридическую способность самостоятельно вступать в отношения с другими государствами, что является выражением *независимости и отсутствия внешнего контроля* (см.: Авхаев В. П. и др. Субъекты современного международного права: монография / Отв. ред. О. И. Тиунов. М., 2017. С. 18).

¹⁰³ См.: Crawford J. Op. cit. P. 46. Однако сохраняются определенные исключения, в рамках которых не всякая эффективно существующая политическая территориальная организация может быть признана государством (например, случай Турецкой Республики Северного Кипра, из-за нарушения норм *jus cogens* при создании данного государственного образования) и, наоборот, лишившиеся эффективного существования в результате оккупации и попытки присоединения страны сохраняют свое государственное бытие (например, Австрия, Польша и Чехословакия во время Второй мировой войны) (Ibid. P. 97; Brownlie I. Op. cit. P. 71).

общего признака¹⁰⁴. Принимая во внимание критерии Конвенции Монтевидео, Кроуфорд в конечном счете выделяет следующие **важнейшие характеристики государственности**: 1) «суверенность» в смысле полноты компетенции для совершения различных действий в международной сфере, включая заключение договоров; 2) исключительную власть в отношении своих собственных внутренних дел; 3) невозможность ведения какого-либо обязательного международного судебного или арбитражного разбирательства или иного разрешения спора в отношении государства кроме как с его согласия; 4) формальное равенство государств; 5) действие ряда презумпций: а) презумпция свободы государства во внешних и внутренних делах, б) презумпция нераспространения международной судебной или арбитражной юрисдикции и неотступления от принципа формального равенства *в случае сомнений*¹⁰⁵. Помимо этого, считает Кроуфорд, убедительным доказательством того, что то или иное образование не имеет государственного статуса, является отсутствие способности нести международно-правовую ответственность за свое поведение – способность нести ответственность, согласно ученому, оказывается более фундаментальным признаком государственности, чем обладание определенными правами¹⁰⁶. По мнению Броунли, самым кратким определением государства через признак правительства было бы обозначение государства как *устойчивого по-*

¹⁰⁴ См.: *Crawford J. Op. cit.* P. 55, 59, 62. Международное право не содержит специальных требований к природе и области действия такого контроля за исключением требования определенной степени поддержания законности и порядка и установления некоторых базовых правительственных институтов (Ibid. P. 59). Критерий (эффективного) правительства включает в себя при этом два аспекта: действительное осуществление публичной власти правительственными органами и *надлежащее правовое основание (right or title)* для ее осуществления (Ibid. P. 57). Критерий наличия определенной территории указывает на то, что государство должно состоять из определенной целостной территории, эффективно управляемой правительством, считает Кроуфорд – эта формула таким образом предполагает, что территориальный критерий (как и, по-видимому, критерий населения) является скорее составной частью критерия правительства и независимости, чем отдельным самостоятельным признаком государственности (Ibid. P. 52, 56).

¹⁰⁵ Ibid. P. 40–42. Ученый оговаривает, что указанные характеристики не устанавливают каких-либо конкретных прав, полномочий или способностей для всех государств, но служат *предпосылкой* для их существования (Ibid. P. 44–45). **Критерии государственности имеют особое значение, так как их успешное применение обуславливает действие большинства остальных норм международного права** (Ibid. P. 45).

¹⁰⁶ Ibid. P. 44.

литического сообщества (*stable political community*), поддерживающего правопорядок в пределах определенной территории¹⁰⁷. Выделение же способности вступать во взаимоотношения с другими государствами в самостоятельный критерий является в большей степени идеей латиноамериканской доктрины, не получившей, как отмечается, широкого признания¹⁰⁸.

Континентальное учение о государственности преимущественно сохраняет устоявшийся взгляд на *суверенитет для целей международного права* как на верховенство во внутренних делах и свободу (независимость) во внешних сношениях¹⁰⁹, в то время как англо-американская доктрина чаще использует термин «независимость» в качестве *понятийного эквивалента* суверенитета¹¹⁰. С учетом этого получает некоторое распространение и та точка зрения, согласно которой суверенитет (содержательно противопоставляемый в таком случае понятию независимости) в силу господства международного права более не может считаться *необходимым признаком государственности* и вовсе подлежит исключению из теоретического дискурса и практики¹¹¹.

¹⁰⁷ См.: *Brownlie I. Op. cit. P. 71.*

¹⁰⁸ См.: *Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law. P. 79.* По мнению Кроуфорда, обладание этой способностью является не самостоятельным критерием государственности, а скорее *следствием* наличия последней (см.: *Crawford J. Op. cit. P. 61*). Однако эта способность вступать в полный диапазон международных отношений может оказаться полезным критерием в том случае, когда она не зависит от ее признания другими государствами и от ее осуществления соответствующим образованием – *тем не менее* обладание этой способностью все равно будет подразумевать наличие у имеющего ее субъекта определенной правительственной организации (т. е. прежде всего наличие у него полномочий по обеспечению соблюдения взятых на себя международных обязательств) и независимости (т. е. наличие обособленного от других международных единиц статуса, позволяющего тем самым непосредственно принимать на себя различные международные обязательства) (*Ibid. P. 61–62*).

¹⁰⁹ «Суверенитет, – писал И. Д. Левин, – *есть состояние полновластия государства на своей территории и его независимости от других государств*» (Левин И. Д. Суверенитет. СПб., 2003. С. 71). Полновластие в пределах своей территории составляет *государственно-правовое значение суверенитета*; независимость во внешних и внутренних делах составляет *международно-правовое значение суверенитета* (Там же. С. 113). См., также: Курс международного права. В 7 т. Т. 1. С. 166; Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. С. 51; Черниченко С. В. Цит. соч. С. 228; Авхадеев В. Р. и др. Цит. соч. С. 21.

¹¹⁰ Историческую важность для международного права концепта государственной независимости американский правовед Филип К. Джессап обуславливал значением двух ее форм: 1) независимость есть мера различия самостоятельности между различными *политическими образованиями (political groupings)*; 2) независимость служит основой для предписаний международного права, запрещающих вмешательство во внутренние дела государств (см.: *Jessup P. C. A Modern Law of Nations. An Introduction. New York, 1956. P. 36–37*). См. также: *Kelsen H. Principles of International Law. P. 193.*

¹¹¹ Например, в терминологии Джессапа понятие суверенитета, по-видимому, в некоторых случаях *расходится* с понятием независимости – признавая *полезность* понятия суверенитета для обозначения исключительной компетенции государств в ряде вопросов (в связи с чем, например, и североамериканские штаты им также называются «суверенными»), ученый все же предполагает дальнейшее *исчезновение* данного понятия как обозначающего способ самозащиты государств (реализуемой, главным образом, путем прибегания к войне), что уже находит отражение в том числе в ограничениях со стороны Устава ООН в отношении применения силы (см.: *Jessup P. C. Op. cit. P. 2–3, 40–42*). Кельзен имел схожее мнение, говоря о *нежелательности*

В качестве эквивалентного суверенитету критерия государственности *независимость*, по мнению Кроуфорда, имеет формальную и фактическую стороны. *Формальная независимость* утверждается в том случае, когда органы публичной власти предполагаемого государства наделены полномочиями по управлению определенной территорией во внешних и внутренних делах в соответствии с действующими в пределах такой территории юридическими нормами (прежде всего нормами конституционного характера) либо, например, на основе полной передачи власти предыдущим сувереном или на основе двустороннего или многостороннего договора; *фактическая независимость* есть не что иное, как находящаяся в распоряжении указанных органов реальная правительственная власть, которая минимально необходима для того, чтобы предполагаемое государство могло считаться независимым¹¹². Как следствие, «любое территориальное образование, – пишет Кроуфорд, – **формально обособленное и обладающее определенной степенью реальной власти** (выделено автором, А. М.) способно быть и, при прочих равных условиях, должно рассматриваться как государство для целей общего международного права»¹¹³. В тех случаях, когда независимость *серьезно* ограничивается на основе международного договора, ключевым критерием, свидетельствующим о продолжении пользования государством правосубъектностью, является сохранение сущностно *автономными (self-contained)* таких договорных правоотношений с его участием (т. е. общее сохранение независимости у ограниченной договором стороны хотя бы как *jus nudum*), считает Кристиан Н. Океке¹¹⁴.

использования термина «суверенитет» как двусмысленного, отсылающего скорее к исключаящему верховенство международного права абсолютному значению этого понятия; вместо него ученый также чаще использовал термин «независимость» (см.: *Kelsen H. Principles of International Law. P. 194*). Кроуфорд называет суверенитет «несколько бесполезным», но твердо укорененным описанием государственности – этот краткий термин, по его мнению, обозначает *полноту государственной компетенции*, хотя и может также выступать *синонимом* независимости (см.: *Crawford J. Op. cit. P. 32, 89, 718*).

¹¹² См.: *Crawford J. Op. cit. P. 67, 72*. Там, где провозглашается только формальная внешняя независимость в отсутствие независимости фактической, говорить о государственности в ее международно-правовом значении невозможно (*Ibid. P. 88*).

¹¹³ «... Any territorial entity formally separate and possessing a certain degree of actual power is capable of being and, other things being equal, should be regarded as a State for general international law purposes» (*Ibid.*).

¹¹⁴ См.: *Okeke C. N. Op. cit. P. 42–43*.

В отношении вопроса о включении признания в число признаков государственности Дж. Кроуфорд скептически замечал, что, точно так же как практика международного права демонстрирует отсутствие *обязанности* признавать новые государства, невозможно утвердить и конститутивный взгляд на сущность признания¹¹⁵ – образование становится государством не потому, что признается таковым, но оно признается таковым потому, что является государством¹¹⁶. Международные права не зависят от признания их носителя остальными лицами, однако *в спорных случаях* (при неполной идентификации признаков государственности) признание может иметь конститутивный характер, как, например, произошло в случае Боснии и Герцеговины¹¹⁷. Согласно наиболее авторитетному мнению в американской доктрине, государство не обязано выражать формальное признание какому-либо другому государству, *но оно должно относиться к нему как к международному лицу, если то отвечает критериям Конвенции Монтевидео* за исключением случаев приобретения признаков государственности в результате угрозы силой или применения силы в нарушение Устава ООН¹¹⁸. По мнению же, например, Анцилотти фактически сложившееся, но еще не признанное государство имеет в лучшем случае *нравственную претензию на признание*¹¹⁹.

Некоторые представители доктрины также обозначали в качестве одного из критериев государственности способность и готовность нового государства уважать (и соблюдать) международное право¹²⁰.

II. В вопросе о международной правосубъектности членов федераций в независимости от предполагаемого наделения таковой исследователями при-

¹¹⁵ См.: Crawford J. Op. cit. P. 22.

¹¹⁶ «An entity is not a State because it is recognized; it is recognized because it is a State» (Ibid. P. 93).

¹¹⁷ Ibid. P. 93, 718.

¹¹⁸ См.: Рестейтмент права международных отношений США / Пер. с англ. М., 2016. С. 20.

¹¹⁹ См.: Анцилотти Д. Цит. соч. С. 168–169.

¹²⁰ См., например: Авхадеев В. Р. и др. Цит. соч. С. 27. Кроуфорд возражает против такого критерия: нежелание или отказ от соблюдения международного права действительно могут быть основанием для непризнания нового государства или применения к нему санкций, что, однако, не умаляет само по себе наличие государственности как таковой – *данный предполагаемый критерий оказывается релевантным только как элемент критерия правительства* (см.: Crawford J. Op. cit. P. 91–92).

знавалось **общее сохранение ответственности федерального правительства за действия членов федерации** – в этом смысле союзное государство ничем не отличается в своем статусе от унитарного¹²¹. В доктрине также отмечается, что предполагаемая международная правосубъектность членов федерации тесно связана с их *собственными конкретными полномочиями в области внешнеполитических сношений* – при полном переходе таких полномочий в пользу федерального правительства какой-либо международно-правовой статус неизбежно утрачивается¹²². Договор о создании федерации ранее независимыми государствами уже не является сугубо международным договором, приходил к выводу Карл Шмитт, – это *конституционное соглашение об интеграции государства в новую всеобъемлющую политическую систему, акт конституционной учредительной власти*¹²³. В курсе международного права Лассы Оппенгейма (под редакцией Херша Лаутерпахта) делается вывод о том, что федеративное государство, во-первых, базируется на международном договоре об образовании федерации и, во-вторых, на принимаемой впоследствии на основе такого договора конституции; хотя именно федеративное государство *в целом* является международным лицом, члены федерации, при наличии соответствующих прерогатив в области внешнеполитических сношений, бу-

¹²¹ Ibid. P. 488.

¹²² На практике является почти что общим правилом закрепление прерогативы ведения внешних сношений именно за центральным правительством (см.: *Hannum H., Lillich R. B. The Concept of Autonomy in International Law // The American Journal of International Law. 1980. № 4. P. 873*). В то же время некоторые внутригосударственные самоуправляющиеся территориальные единицы (не только члены федераций) получают конкретные полномочия на заключение международных соглашений в *ограниченных* сферах компетенции: экономических, культурных, социальных и других подобных вопросах (в отличие от политических или военных соглашений); однако на практике достаточно часто договоры между региональным правительством и иностранным государством требуют *специального одобрения центрального правительства*; в некоторых случаях последнее обращается к региональному правительству за *консультацией* при заключении договора, который может иметь прямое влияние на последнее или на вопросы, входящие в его юрисдикцию (Ibid. P. 874). Всевозможные формы самоуправления таких территориальных единиц относятся, как правило, только ко внутренним вопросам, а не к предполагаемому наделению международной правосубъектностью – следовательно, будет неверным в отношении таких единиц говорить об их *государственном статусе для целей международного права*, считают Херст Ханнум и Ричард Б. Лиллих (Ibid. P. 886).

¹²³ См.: *Schmitt C. Constitutional Theory / Tr. from ger. and ed. by J. Seitzer. Durham; London, 2008. P. 121, 384–385*. См., также: *Анцилотти Д.* Цит. соч. С. 189. «Как только создана федерация в качестве единого социального организма, единого государства, она становится в силу этого, – приходил к выводу С. В. Черниченко, – и первичным субъектом международного права, и носителем суверенитета. Каков бы ни был статус ее создателей до этого, *после* этого они становятся частями единого социального организма, и их статус в рамках федерации определяется уже правом федерации» (Черниченко С. В. Цит. соч. С. 240).

дут *также* являться международными лицами, но только в отношении определенных объектов международных правоотношений¹²⁴. Фердросс считал, что поскольку федеративное государство обладает полнотой власти для осуществления и контроля децентрализации в собственных пределах, то даже при наделении его членов полномочиями в области внешнеполитических сношений правосубъектность сохраняется все равно за федерацией в целом – исключение, однако, составляют те случаи, когда международно-правовой статус членов федерации *прямо* признается позитивным международным правом (тогда речь будет идти о *частичной и конститутивной правосубъектности*)¹²⁵. Кельзен приходил к выводу, что в случае санкционированной федеральным правом самостоятельности в международных делах членов федерации можно говорить либо об их *ограниченной правосубъектности*, либо только о *косвенной* – в последнем случае имеется в виду, что при заключении договоров членами федерации в действительности речь может идти только о заключении таких соглашений федеративным государством в целом, которое, однако, в таком случае *принимает конкретные обязательства только от имени и в отношении своего члена*¹²⁶. Французский правовед Клод-Альбер Кольяр отрицал международную правосубъектность членов федерации, несмотря на их возможную внешнеполитическую активность, по причине того, что в отличие от федеративного государства в целом они не подчиняются международному праву непосредственно (*Völkerrechtsunmittelbarkeit*)¹²⁷. Лукашук и Кроуфорд, опираясь на подтвержденную практикой ст. 2 Конвенции Монтевидео 1933 г.¹²⁸, также говорят об эксклюзивных прерогативах федерального правительства в области внешнеполитических сношений, кроме как за определенными исключениями¹²⁹. С. В. Черниченко писал о том, что член федерации может в

¹²⁴ См.: *Оппенгейм Л.* Международное право / Пер. с англ. М., 1948. Т. I. Полутом 1. С. 177–179.

¹²⁵ См.: *Фердросс А.* Цит. соч. С. 121–123. См., также: *Malanczuk P.* Akehurst's Modern Introduction to International Law. P. 81; *Brownlie I.* Op. cit. P. 58–59, 61, 74.

¹²⁶ См.: *Kelsen H.* Principles of International Law. P. 260–261.

¹²⁷ См.: *Кольяр К.* Международные организации и учреждения / Пер. с фр.; под ред. и со вступит. статьей В. Г. Шкунаева. М., 1972. С. 67–68, 74, 76.

¹²⁸ «Федеративное государство, – гласит ст. 2 Конвенции, – образует единую личность с позиции международного права» («The Federal State shall constitute a sole person in the eyes of international law»).

¹²⁹ См.: *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. С. 340–341; *Crawford J.* Op. cit. P. 483–485, 489.

соответствии с федеральным законодательством признаваться субъектом международного права и даже «суверенным государством» (хотя и для его наделяния правосубъектностью признания в обязательном порядке «суверенным» все же не требуется)¹³⁰.

Советскими правоведами подчеркивался уникальный статус СССР как федеративного государства и нередко заявлялось о сохранении международной правосубъектности союзных республик в составе Союза¹³¹. Однако остальными западными юристами высказывались сомнения относительно государственного статуса подписавших и ратифицировавших Устав ООН УССР, БССР, а также Индии и Филиппин, поскольку данные политические единицы не обладали на момент заключения ими Устава, по мнению исследователей, *достаточной для международного права степенью независимости*¹³².

¹³⁰ См.: Черниченко С. В. Цит. соч. С. 238. Если член федерации признается обладающим «суверенитетом», то последний, тем не менее, не имеет ничего общего с государственным суверенитетом, который присущ самостоятельным государствам (Там же). Правосубъектность членов федерации (прежде всего договороспособность) производна от правосубъектности федерации, а «суверенитет» членов федерации обозначает лишь их *относительную* самостоятельности (Там же. С. 239, 242–243).

¹³¹ И. Д. Левин исходил из того, что основанное на самоопределении подчинение членов федерации ее центральному правительству не умаляет их суверенитета и государственности – в основе существования федерации лежит предпосылка юридической неуничтожаемости членов; отношения между центральным правительством и членами федерации являются при этом *конституционно-правовыми*, а не международно-правовыми (см.: Левин И. Д. Цит. соч. С. 299–302). Поэтому советские союзные республики являются полноценными участниками международного общения наряду с Союзом в целом, хотя их внешнеполитическая деятельность и не должна нарушать компетенцию и входить в противоречие с интересами последнего; и Союз, и союзные республики, таким образом, обладают собственным суверенитетом (Там же. С. 326–327, 329). В советско-российском курсе международного права (1989–1993 гг.) Советский Союз также признается *федерацией особого рода* – и Союз в целом, и союзные республики признаются суверенными субъектами международного права; вновь подтверждается тезис о том, что союзные республики могут вне пределов федеральной компетенции вступать в международное общение (см.: Курс международного права. В 7 т. Т. 1. С. 168). Впоследствии уже российская доктрина начала отстаивать противоположную позицию (см., например: Кремнев П. П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. М., 2005. С. 166–169, 172; *Его же*. К вопросу о самостоятельности советских союзных республик в международных отношениях // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 31–38 // СПС КонсультантПлюс).

¹³² См., например: Kelsen H. The Law of the United Nations. A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London, 1951. P. 59–60. Относительно указания на *право сецессии*, гарантированное советской федеральной конституцией союзным республикам, как на предполагаемый признак их суверенитета Кельзен говорил следующее: сам факт того, что такое право предусмотрено и утверждено действующей конституцией Союза, является следствием *безусловного подчинения* союзных республик (как частей единого советского государства) установленному ею правовому режиму; суверенное же право на выход из какого-либо межгосударственного объединения не должно было бы зависеть от подобных гарантий (Ibid. P. 126). П. П. Кремнев называет вопрос о членстве УССР и БССР в ООН главным образом *вопросом политики, а не права*: «В основе принятого решения лежало не признание со стороны мирового сообщества международной правосубъектности этих двух или тем более всех советских союзных республик, а знак уважения двумя ведущими союзными державами (США и Великобританией. – прим. автора, А. М.) решающего вклада Советского Союза в победу над общим врагом ... и результат значительного достижения советской дипломатии...» (Кремнев П. П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. С. 139). См. также: Crawford J. Op. cit. P. 178–179.

Что касается внешнеполитической активности самоуправляющихся частей унитарных государств, то, как считал, например, И. И. Лукашук, соглашения с участием последних *нельзя* приравнять к международным договорам – речь идет только о *совместных заявлениях или протоколах о намерениях не-обязательного характера*, либо вовсе о *частно-правовых сделках*¹³³. В свою очередь Кроуфорд на примере активных внешнеполитических сношений Специального административного района Гонконг приходит к выводу о наличии у последнего самостоятельного международного статуса (несмотря на прямое включение Гонконга в состав Китая) – данный статус, благодаря международной гарантии автономии Гонконга, установленной посредством Совместной декларации Великобритании и КНР 1984 г., позволяет уподобить САР *интернационализированной территории*¹³⁴. Черниченко также допускал наделение международной правосубъектностью автономного образования в рамках унитарного государства¹³⁵. Некоторыми российскими правоведами радикально предлагается причислить к субъектам международного права помимо членов федерации и упомянутых примеров автономий регионы Италии и Испании, Шотландию, Северную Ирландию, Уэльс, Аландские острова и монашеское самоуправление на горе Афон на основе их простого отнесения к числу *государствоподобных образований*¹³⁶.

III. В доктрине сохраняется незначительное внимание к различным формам потенциально правосубъектных межгосударственных объединений помимо межправительственных организаций – конфедерациям и униям. Так, по мнению Карла Шмитта, федерированный союз государств (т. е. конфедерация, равно как и сохраняющее *союзную основу* федеративное государство) представляет собой постоянное объединение, обладающее международной правосубъектностью – такой союз основывается на свободном соглашении его членов и служит общей цели их политического самосохранения (сохранения их

¹³³ См.: Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. С. 338–339.

¹³⁴ См.: Crawford J. Op. cit. P. 248–252.

¹³⁵ См.: Черниченко С. В. Цит. соч. С. 240.

¹³⁶ См.: Авхадеев В. Р. и др. Цит. соч. С. 64.

существования уже в рамках союза); посредством такого соглашения, лежащего в основе создания союза, всеобъемлющий статус каждого его отдельного члена в политическом смысле изменяется в пользу достижения упомянутой общей цели¹³⁷. С точки зрения Кроуфорда, между федерацией и конфедерацией одним из наиболее существенных является различие в том, что последняя суть союз независимых государств, делегирующих определенные полномочия центральному правительственному агенту, в то время как федерация рассматривается как *единое государство*, даже если ее члены сохраняют некоторую степень участия в международных делах¹³⁸. В отношении же унии ученые по-прежнему разделяются в вопросе о том, выступает ли такое объединение в качестве *единого международного лица* или же ее члены сохраняют *обособленную международную правосубъектность*¹³⁹.

IV. С момента вынесения Консультативного заключения Международного Суда ООН по *Reparation Case* в 1949 году, начинает уделяться большое внимание определению сущности и признаков правосубъектности межправительственных организаций.

Так, рассуждая о положении ООН как юридической личности, Ганс Кельзен подчеркивал, что о правосубъектности подобного Организации межгосударственного сообщества можно говорить тогда, когда уставной договор наделяет его *определенными функциями*: в частности, способностью к заключению соглашений, устанавливающих права, обязанности и полномочия для сообщества; эти права, обязанности и полномочия являются, в действительности-

¹³⁷ См.: *Schmitt C.* Op. cit. P. 383–384, 396.

¹³⁸ См.: *Crawford J.* Op. cit. P. 484. В качестве последнего примера Кроуфорд и И. И. Лукашук рассматривали Объединенную Арабскую Республику (1958–1961 гг.) (*Ibid.* P. 489; *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. С. 340).

¹³⁹ В курсе международного права Л. Оппенгейма (под редакцией Х. Лаутерпахта) также отстаивается позиция о единой правосубъектности реальной унии (см.: *Оппенгейм Л.* Цит. соч. С. 160). По мнению Кроуфорда, рассматривающего случай Австро-Венгрии, само по себе обладание общими органами для определенных целей не лишает находящиеся в унии государства их формальной независимости (см.: *Crawford J.* Op. cit. P. 70). В то же время термин «реальная уния» ученый считает лишенным *точного юридического значения* (*Ibid.* P. 482–483). Между Великобританией и теми членами британского Содружества, которые сохраняют общий с Соединенным Королевством монархический строй, также остается нечто напоминающее механизм унии, считал Кольяр (см.: *Кольяр К.* Цит. соч. С. 116).

сти, прерогативами самих членов сообщества, но осуществляются *коллективно*, поскольку должны реализовываться только через органы сообщества и в соответствии с его уставом; *статут организации, однако, не всегда указывает на прямое наделение сообщества международной правосубъектностью* (что имеет место и в случае ООН); по мнению Кельзена, если устав не предусматривает прямое наделение правосубъектностью (что в таком случае сообщало бы организации, как он считает, *неограниченную правосубъектность*, т. е. возможность возлагать на нее в принципе не предусмотренные уставом функции), то сообщество пользуется только теми правомочиями, которые прямо предписаны учредительным соглашением¹⁴⁰. Финн Сейерстед определял межправительственную организацию как нетерриториальное сообщество, обладающее неотъемлемой правосубъектностью и независимостью («суверенитетом») в пределах своей юрисдикции; не вся ее компетенция (в том числе в области собственных внешнеполитических сношений) фундируется уставом – она может быть расширена и утверждена последующей практикой организации, поскольку не будет входить в противоречие с целями последней¹⁴¹. Е. А. Шibaева в качестве *признаков межправительственной организации* выделяла учреждение последней государствами на основе международного договора в соответствии с международным правом, наличие определенных целей и системы постоянно действующих органов, обладание самостоятельными и собственными правами и обязанностями¹⁴². И. И. Лукашук добавлял к данным чертам автономный статус и соответствующие ему функции¹⁴³. Е. Т. Усенко отдельно выделял среди признаков организации содействие сотрудничеству государств в области осуществления ими своих суверенных прав; к общим элементам международно-правового статуса организаций он относил между-

¹⁴⁰ См.: Kelsen H. The Law of the United Nations. P. 329–330.

¹⁴¹ См.: Seyersted F. Objective International Personality of Intergovernmental Organizations. P. 27–28, 31.

¹⁴² См.: Шibaева Е. А. Право международных организаций. Вопросы теории. М., 1986. С. 26.

¹⁴³ См.: Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. М., 2008. С. 30.

народную правоспособность, способность участвовать в международном нормотворчестве, право на привилегии и иммунитеты, способность заявлять международно-правовые претензии и нести международно-правовую ответственность, активное и пассивное *jus representations*¹⁴⁴.

Хотя среди некоторых ученых имелись сомнения в возможности отличить *волю* межправительственной организации как юридической личности от суммы воли ее государств-членов¹⁴⁵, преимущественно возобладала та точка зрения, согласно которой воля организации и воля всей совокупности ее членов не могут считаться *юридически* тождественными друг другу¹⁴⁶. Как подчеркивал Броунли, должны иметься *различия* между полномочиями и целями межправительственной организации и ее членов, при этом полномочия первой должны реализовываться именно на международном уровне, а не только в пределах правопорядков одного или нескольких государств¹⁴⁷.

Разделение мнений доктрины можно обнаружить и в вопросе об *источнике правосубъектности* межправительственных организаций. *Субъективная теория (теория воли)* находит основание юридической личности государства только в решении ее учредителей, закрепленном в уставе организации или последующей практикой¹⁴⁸. *Объективная теория* исходит из утверждения правосубъектности организации на основе общего международного права¹⁴⁹. *Презумптивная теория* базируется на выводе о том, что как только межправительственная организация совершает действия, которые можно объяснить лишь в

¹⁴⁴ См.: Усенко Е. Т. Очерки теории международного права. М., 2008. С. 20, 27, 29–30.

¹⁴⁵ Так, например, Г. М. Вельяминов говорит о *неочевидности* правосубъектности межправительственных организаций в связи с отсутствием у них *правообразующей* и даже *правореализующей* воли – то, что относят к воле организации, в действительности представляет собой простую сумму воли государств-членов (см.: Вельяминов Г. М. Международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права. 1986. С. 79–80). Единственным критерием правосубъектности в случае межправительственной организации является наличие у нее *прав и обязанностей, осуществляемых на международном уровне* (Там же. С. 89).

¹⁴⁶ *Относительно самостоятельная воля организации*, считает Е. А. Шибеева, является результатом согласования (а не слияния) воли государств-членов, она существует *параллельно* с их волей (а не над ней) и проявляется в тех или иных действиях, осуществляемых органами организации, реализующими ее волю (см.: Шибеева Е. А. Цит. соч. С. 34–35).

¹⁴⁷ См.: Brownlie I. Op. cit. P. 677.

¹⁴⁸ См.: Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 406–407, 410; Шибеева Е. А. Цит. соч. С. 27, 29.

¹⁴⁹ См.: Seyersted F. Objective International Personality of Intergovernmental Organizations. P. 45–47; Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. С. 30; Его же. Международное право. Особенная часть. С. 33.

контексте наличия у нее правосубъектности, предполагается, что такая организация обладает международной правосубъектностью¹⁵⁰.

Наряду с положением межправительственных организаций подробно обсуждается статус *организаций наднационального характера*. Наиболее распространенными среди выделяемых доктриной признаков наднациональных организаций оказываются передача определенной (суверенной) компетенции от государств-участников в пользу объединения и наличие полномочий у органов объединения по принятию правовых актов, непосредственно применяющихся к субъектам национальных правовых порядков государств-членов¹⁵¹. Е. А. Шibaева считала, что отличие наднациональных организаций от межправительственных связано с особым характером их воли – наднациональная организация вследствие более широко поставленных целей своей деятельности и полномочий для их реализации обладает *большей самостоятельностью*, чем межправительственные организации¹⁵². Кроуфорд подчеркивал, что принудительные полномочия ЕС (как и, например, Совета Безопасности ООН) не ума-

¹⁵⁰ См.: *Klabbers J.* Op. cit. P. 55–56; *Schermers H. G., Blokker N. M.* International Institutional Law. Unity within Diversity. Leiden, 2011. P. 989.

¹⁵¹ К указанным чертам таких объединений (сближающим последние, по его мнению, с федерациями) Фердросс добавляет *независимость* (см.: *Фердросс А.* Цит. соч. С. 335–337). В курсе международного права М. Эйкхерста (под редакцией П. Маланчука) добавляются и иные признаки: 1) в наднациональных организациях имеются органы, которые состоят из лиц, не являющихся делегатами государств-членов; 2) органы наднациональной организации могут принимать решения *большинством голосов*; 3) учредительный договор организации и меры, принятые ее органами, образуют *новый правовой порядок*; 5) соблюдение государствами-членами своих обязательств в рамках организации и действительность актов, принятых органами организации, могут подлежать оценке *независимого суда* (см.: *Malanczuk P.* Akehurst's Modern Introduction to International Law. P. 95–96). И. И. Лукашук к числу признаков наднациональных организаций также добавляет наличие *механизма принудительного осуществления своих решений* (см.: *Лукашук И. И.* Международное право. Особенная часть. С. 30). Некоторые специализированные учреждения ООН (Международный союз электросвязи, ИКАО) обладают, по его мнению, *отдельными наднациональными чертами*, главным образом за счет довольно жесткого обеспечения соблюдения собственных норм (Там же). Немецкий исследователь Вальтер Френц подчеркивает, что именно возможность непосредственного нормативного регулирования положения частных лиц делает Европейский Союз *межгосударственным объединением (Staatenverbund)*, отличающимся от большинства межправительственных организаций (см.: *Frenz W.* Europarecht. Berlin; Heidelberg, 2016. S. 2). Генри Г. Шермерс и Нильс М. Блоккер добавляют к признакам *полноценной* наднациональной организации наличие *финансовой автономии* и *невозможность роспуска организации без согласия ее собственных высших органов*: ЕС, по мнению ученых, обладает *наибольшим* числом наднациональных черт за исключением последней, сохраняя зависимость от межгосударственного сотрудничества; *в некотором смысле, считают авторы, все межправительственные организации обладают чертами наднациональности* – например, при наличии процедуры принятия решений большинством голосов (см.: *Schermers H. G., Blokker N. M.* Op. cit. P. 57).

¹⁵² См.: *Шibaева Е. А.* Цит. соч. С. 37.

ляют независимый статус государств-членов – сам Союз не может претендовать на государственный статус, сохраняя имманентную *зависимость* от государств-членов в вопросе ресурсов и реализации предписаний права Союза¹⁵³. Для А. С. Исполинова именно передача на уровень институтов наднационального (интеграционного) объединения полномочий по принятию нормативных актов общего применения, непосредственно регулирующих правоотношения в государствах-членах объединения и применяемых национальными судами при разрешении споров является важнейшей, отличительной чертой интеграционных объединений¹⁵⁴.

V. В доктрине продолжается исследование положения несuverенных или зависимых политических образований (к числу которых относят, например, вольные города). Отстаивается взгляд как и на *ограниченный* характер правосубъектности данных образований¹⁵⁵, так и на *почти что уподобляющееся государственному* положение¹⁵⁶. Сомнения в однозначном статусе госу-

¹⁵³ См.: Crawford J. Op. cit. P. 70–71, 94. См. также: Витцум В. Г. и др. Цит. соч. С. 387.

¹⁵⁴ См.: Исполинов А. С. Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): монография. М., 2018. С. 102–103.

¹⁵⁵ Русский правовед Н. А. Захаров писал, что хотя созданный на основе Версальского мирного договора 1919 г. Вольный Город Данциг есть независимое государственное образование (государство), тем не менее он получает свою независимость только *для определенной задачи* – это предоставление Польше выхода к морю в рамках достижения политического компромисса с Германией; существование Вольного Города, таким образом, подчинено конкретной цели Версальского договора и его «суверенная независимость» *ограничена* в пользу этого Договора – поэтому находящийся под «отеческим попечительством» Лиги Наций и внешним контролем Польши Вольный Город существует лишь «*quamdiu se bene gesserit*» (см.: Захаров Н. Вольный город Данциг и его международное положение // Право и жизнь. 1923. Кн. 7–8. С. 21, 24–27, 31). В советско-российском курсе международного права (1989–1993 гг.) подчеркивалось, что основой правосубъектности особых политико-территориальных образований (таких как вольные города, Западный Берлин и «Ватикан») в принципе является *межгосударственный договор* (см.: Курс международного права. В 7 т. Т. 1. С. 177). И. И. Лукашук понимал под вольным городом самоуправляющееся политическое образование, которому международным соглашением предоставлен правовой статус, позволяющий участвовать вольному городу в основном в международных правоотношениях экономического, административного и культурного характера (см.: Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. С. 32). Вольные города, считает Черниченко, будучи *государствами в социальном смысле*, тем не менее не обладают суверенитетом как искусственно созданные на основе международного договора образования без национальной основы и с сильно ограниченной международной правоспособностью (без реальной независимости) (см.: Черниченко С. В. Цит. соч. С. 243–244, 321–322).

¹⁵⁶ По мнению Анцилотти, даже в случае таких образований как, в том числе, вольные города, их зависимый статус (коллективный протекторат, в терминологии автора) устанавливается с их же *молчаливого согласия*, которое предполагается в момент их учреждения – ограничение свободы и независимости, таким образом, *не связано* исключительно замыслом учредителей подобных образований, но требует хотя бы даже неформального соглашения с создаваемым политическим телом, пускай в нем и будет играть решающую роль *фактическое принуждение и давление* со стороны держав-учредителей: *coactus voluit – tamen voluit* (см.: Анцилотти Д. Цит. соч. С. 216–218, 220. См. также: Brownlie I. Op. cit. P. 59–60, 76). Кельзенем предлагалось два варианта объяснения статуса Свободной Территории Триест, которая должна была быть образована по итогам Мирного

дарствоподобных единиц как правило связаны с предполагаемым *отсутствием* у них одного или нескольких признаков государственности¹⁵⁷. Но, по мнению Кроуфорда, использование в таких случаях противопоставляемого государству понятия «образование *sui generis*» имеет небольшую ценность и не особо необходимо: априорное лишение дарствоподобных образований собственно государственного статуса не является вполне обоснованным и преувеличивает исключительность международно-правового режима последнего, поскольку правовой режим, действующий для государств, обеспечивает достаточно *гибкий и легко применимый стандарт (flexible and readily applicable standard)*, который таким образом охватывает и дарствоподобные образования¹⁵⁸. В любом случае, даже подлинно негосударственным территориальным образованиям международным правом все равно гарантируется минимальный правовой статус, что также может позволять им участвовать в международных отношениях¹⁵⁹.

VI. В советской и российской доктрине получает наибольшее распространение позиция, согласно которой нация (народ), борющаяся за самоопределение, может выступать в качестве самостоятельного субъекта международного права, отождествляясь при этом в той или иной степени с представляю-

договора между Союзными и Объединившимися державами и Италией 1947 г. Первый вариант объяснения предполагает, что Триест является новым суверенным государством, подчиненным, однако, Совету Безопасности ООН, который в рамках политико-правового порядка Триеста приобретает статус верховного правительственного органа, сформированного *извне*; второй же вариант объяснения исходит из того, что независимость Свободной Территории неизбежно *уменьшается* в силу закрепленного в Мирном договоре с Италией межправительственного решения об его учреждении – следовательно, он представляет собой несuverенное дарствоподобное политическое сообщество (см.: *Kelsen H. The Law of the United Nations. P. 831–832*).

¹⁵⁷ См.: *Okeke C. N. Op. cit. P. 65*.

¹⁵⁸ См.: *Crawford J. Op. cit. P. 88*. Идентификация статуса подобных образований должна производиться в свете двух фундаментальных принципов: 1) положение таких образований необходимо исследовать не с помощью отсылки к некоторому обобщающему концепту (например, отнесение к категории «вольные города» или «интернационализованные территории»), а путем исследования конкретных обстоятельств появления этого образования, изучение лежащих в основе его функционирования учредительных правовых актов; 2) государственность представляет собой *общий правовой статус* с некоторым набором последствий (иногда достаточно номинальным) (*Ibid. P. 197*).

¹⁵⁹ *Ibid.*

щими интересы такой нации политическими организациями – позиции правоведов прежде всего разделились в вопросе о том, приобретает ли нация в таком случае *черты государственности*¹⁶⁰ или нет¹⁶¹.

Исчезнувшее на практике признание инсургентов воюющей стороной фактически трансформировалось, по мнению некоторых юристов, в институт признания политических организаций, представляющих народы, борющиеся за самоопределение (народно-освободительных движений)¹⁶² – такое признание позволяет говорить отдельным ученым о перенесении правосубъектного статуса именно на саму политическую организацию, а не на народ, интересы которого она представляет¹⁶³. В настоящий момент наибольшая интенсив-

¹⁶⁰ Так, В. В. Евгеньев подчеркивал, что признание борющейся за самоопределение нации свидетельствует о необходимости наличия у нее политического органа – отсутствие собственной публичной власти лишает нацию возможности нести какие-либо международно-правовые обязательства и гарантировать их исполнение (см.: *Евгеньев В. В.* Цит. соч. С. 77). Черниченко считал, что народ приобретает правосубъектность при наличии следующих признаков: а) наличие права претендовать на отделение; б) ведение вооруженной борьбы с целью реализации своего права на самоопределение; в) создание в процессе такой борьбы властных структур, характеризующихся определенной целостностью, способных представлять народ в межгосударственных отношениях (см.: *Черниченко С. В.* Цит. соч. С. 299). Указанные признаки сообщают борющемуся за самоопределение народу *существенные элементы государственности*, в результате чего его следует рассматривать как государство в процессе становления (Там же. С. 301). Само по себе существование народно-освободительного движения не свидетельствует о правосубъектности народа, от имени которого оно выступает (Там же).

¹⁶¹ Именно по причине самостоятельного международно-правового статуса, замечала Л. А. Моджорян, следует отличать национальный суверенитет от государственного, поскольку борьба нации за реализацию национального суверенитета необязательно выливается в борьбу за создание самостоятельного государства (в борьбу за государственный суверенитет) (см.: *Моджорян Л. А.* Понятие суверенитета в международном праве // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 70). В свою очередь, некоторые советские правоведы заключали, что именно «создавшая определенную форму своей организации нация, осуществляя самостоятельные политические функции, реализует свою собственную правосубъектность, действует как особый, отличный от государства, субъект международного права» (Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / Отв. ред. Д. И. Фельдман. С. 60). Авторы советско-российского курса международного права (1989–1993 гг.) подчеркивают, что поскольку все народы в принципе обладают правом на самоопределение, они являются *участниками правоотношений самоопределения*, даже когда уже имеют собственный государственный статус (см.: Курс международного права. В 7 т. Т. 1. С. 169–173).

¹⁶² См., например: Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / Отв. ред. Д. И. Фельдман. С. 127; *Okeke C. N.* Op. cit. P. 177. Такие авторы, как Броунли и Ворстер, продолжают выделение инсургентов и иных негосударственных участников вооруженных конфликтов в качестве самостоятельного типа международных единиц (см.: *Brownlie I.* Op. cit. P. 63; *Worster W. T.* Op. cit. P. 229–230).

¹⁶³ Согласно точке зрения авторов советско-российского курса международного права (1989–1993 гг.) нация, борющаяся за самоопределение, обретает правосубъектность *с самого начала этой борьбы и создания органов национально-освободительного движения* (например, в случае национальных организаций Палестины и Юго-Западной Африки) – политико-юридической основой такой правосубъектности становится *национальный суверенитет*, что позволяет данным органам вступать во взаимоотношения с другими международными лицами (включая отправку официальных агентов на переговоры и конференции), участвовать в правотворчестве, пользоваться защитой международного права и получать помощь от других субъектов (см.: Курс международного права. В 7 т. М., 1990. Т. 3. С. 116–117). В курсе международного права М. Эйкхерста (под редакцией П. Маланчука) отмечается, что статус национально-освободительного движения основывается не столько на контроле над определенной территорией, сколько на международном признании его политических целей –

ность обсуждения сохраняется только в отношении вопроса о правосубъектности структур национального самоопределения палестинского народа в контексте функционирования Организации Освобождения Палестины и Палестинской Национальной Администрации (при условии непризнания провозглашения Государства Палестина)¹⁶⁴.

Признание же правосубъектного статуса народа, борющегося за самоопределение, без наличия у него какой-либо политической организации вообще оказывается в настоящий момент гораздо более дискуссионным – в таком случае, считает С. В. Черниченко, право на самоопределение уместно рассматривать скорее лишь как гарантию на международном уровне для определенного коллектива частных лиц в вопросе решения своей политической судьбы¹⁶⁵.

достижения свободы от колониального господства, расистского угнетения или иностранной оккупации (см.: *Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law*. P. 104). Тем не менее будущая перспектива получения эффективного контроля над населением на определенной территории представляется *центральным элементом их признания в качестве субъектов международного сообщества* или, по крайней мере, в качестве законной воюющей стороны (Ibid.). И. И. Лукашук подчеркивал, что национально-освободительные движения *как создающиеся государства* будут также являться и субъектами международно-правовой ответственности (см.: *Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть*. С. 377).

¹⁶⁴ Так, Анис Ф. Кассим определял созданную в 1964 году ООП как представляющее интересы палестинского народа *территориальное публичное образование (territorial public body)*, которое следует признать субъектом международного права на основе обширной практики дипломатических сношений ООП, заключения ею договоров и участия в деятельности межправительственных организаций от своего имени (см.: *Kassim A. F. The Palestine Liberation Organization's Claim to Status: A Juridical Analysis under International Law // The Denver Journal of International Law & Policy*. 1980. № 1. P. 26, 33). Питер Маланчук также признает ООП *«частичным» («partial»)* субъектом международного права, оговаривая при этом, что ООП представляет собой реализующее право на самоопределение национально-освободительное движение без эффективной территориальной юрисдикции (см.: *Malanczuk P. Some Basic Aspects of the Agreements between Israel and the PLO from the Perspective of International Law // The European Journal of International Law*. 1996. № 4. P. 489). В отношении же статуса Палестинской администрации, по мнению юридического советника внешнеполитического ведомства Израиля Джоэла Зингера, можно сделать вывод о том, что содержание соглашений 1993–1994 гг. между ООП и Израилем явно свидетельствует о положении ПНА лишь как *автономии*, а не *независимого образования (independent entity)* – ПНА не обладает полномочиями для внешнеполитических сношений (кроме как в случае отдельных, строго оговоренных в соглашениях вопросах неполитического характера) и, следовательно, не обладает независимостью от иностранного правления (см.: *Singer J. Aspects of Foreign Relations under the Israeli-Palestinian Agreements on Interim Self-Government Arrangements for the West Bank and Gaza // The Israel Law Review*. 1994. № 2–3. P. 271, 296). Кроме того, ПНА черпает свою автономию из ранее установленной военной власти Израиля (оккупации *de facto*) над Западным берегом и сектором Газа и в любом случае не может приобрести больше полномочий, чем имело это государство в качестве *оккупирующей державы* (Ibid. P. 274, 277). Кроуфорд также называет ООП широко признанной независимой национально-освободительной организацией, выступающей в качестве внешнего представителя палестинского народа – в отличие от нее ПНА всецело оказывается *зависимой* в отношении своих полномочий от установленных договоренностей между ООП и Израилем (см.: *Crawford J. Op. cit.* P. 444–445).

¹⁶⁵ См.: *Черниченко С. В.* Цит. соч. С. 276–277. Некоторые немецкие правоведы предлагают рассматривать право на самоопределение как *юридический статус без наличия субъективных прав (Rechtsstellung ohne subjektive Rechte)* (см.: *Vutium B. G. и др.* Цит. соч. С. 234). По мнению же Кроуфорда, *единицы самоопределения (units of self-determination)* как минимум имеют первичное и единственное право собственно на самоопределение (которое в том числе призвано при необходимости помочь им приобрести международную правосубъектность в случае ее отсутствия) (см.: *Crawford J. Op. cit.* P. 124, 127–128). К числу таких субъектов

VII. Хотя современная доктрина по-прежнему исходит из того, что религиозные институты по общему правилу не могут претендовать на статус международной личности¹⁶⁶, тем не менее выполнение такими институтами некоторых полезных функций для международного сообщества может, как считается некоторыми исследователями, составить *основание* для приобретения ими правосубъектности¹⁶⁷.

В этой связи международно-правовой статус Святого Престола продолжает вызывать в доктрине особый интерес, особенно ввиду создания в 1929 году Государства Город Ватикан. Затрагивая главным образом вопрос о том, произошли ли какие-либо качественные изменения в положении Св. Престола из-за появления этого нового публично-правового образования, исследователями было выработано две основополагающие позиции. *Первый («унитарный»)* взгляд исходит из того, что в независимости от конкретного значения таких понятий как «Святой Престол» и «Государство Город Ватикан», речь в любом случае идет об одном-единственном субъекте международного

(как *отдельных политических единиц*) относятся: а) подопечные и подмандатные территории, а также самоуправляющиеся территории согласно гл. XI Устава ООН; б) государства (исключая те их части, которые *сами* являются единицами самоопределения); в) территории, образующие отдельные политико-географические районы, жители которых при этом произвольно отстранены от участия в управлении либо регионом, либо государством в целом, в результате чего территория становится, в сравнении с остальными частями государства, *фактически самоуправляемой*; г) любые другие территории, к которым самоопределение применяется заинтересованными сторонами в качестве приемлемого решения (Ibid. P. 127).

¹⁶⁶ См., например: *Анцилотти Д.* Цит. соч. С. 139.

¹⁶⁷ См.: *Maluwa T.* The Holy See and the Concept of International Legal Personality: Some Reflections // *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. 1986. № 1. P. 11–12. Однако в таких случаях, считает Иоана Сисмас, **религиозные акторы не образуют автономную правовую категорию в международном праве, не пользуются в нем особыми или исключительными правами и несут те же обязательства, что и другие международные единицы** (см.: *Cismas I.* Religious Actors and International Law. New York, 2014. P. 11).

права¹⁶⁸. Сторонники же второго, «дуалистического» взгляда исходят из наличия международной правосубъектности в той или иной форме и у Св. Престола, и у Города Ватикан одновременно¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Так, по мнению Чарльза Г. Фэнвика, Латеранский договор 1929 г., заключенный между Святым Престолом («Ватиканом») и Италией, создал Государство Город Ватикан как новую международную личность, ставшую *государством-преемником по отношению к старому Папскому государству* – таким образом было прервано своеобразное политико-правовое бытие Св. Престола, которое с 1870 по 1929 гг. не могло быть вписано ни в одну из существующих категорий международного права (см.: Fenwick C. G. The New City of the Vatican // The American Journal of International Law. 1929. № 2. P. 371, 374). В курсе международного права Л. Оппенгейма под редакцией Х. Лаутерпахта подчеркивается, что до 1929 года Св. Престол, не будучи государством, оставался субъектом международных прав и обязанностей, пребывая в *квази-международном положении*; с учетом того, что Латеранский договор достаточно нечетко сообщает о статусе Св. Престола и Города Ватикан, в курсе все же делается вывод в пользу признания именно Города Ватикан международным лицом, а Св. Престола – **его правительством** (см.: Оппенгейм Л. Цит. соч. С. 42, 235–236, 238). Кольяр считал, что Город Ватикан не отвечает ни одному признаку государственности, поэтому Св. Престол как международное лицо является лишь собственником Города Ватикана (см.: Кольяр К. Цит. соч. С. 124–125). Сисмас предлагает конструкцию правосубъектности, в рамках которой Св. Престол и Город Ватикан (последний, с позиции автора, выступает лишь как *зависимая от первого территория*) предстают в качестве двух элементов единого международного лица; существование этого международного лица базируется на двух источниках: 1) международном обычае, которым признается *религиозный характер легитимности* международно-правового статуса Св. Престола; 2) Латеранском договоре, которым данной конструкции сообщается *государственность* (см.: Cismas I. Op. cit. P. 154–155, 238, 308–309). В российской же доктрине наиболее распространенным также является *отождествление* статуса Св. Престола и Города Ватикана друг с другом в качестве *особого единого государствовидного образования* (см., например: Курс международного права. В 7 т. Т. 1. С. 178; Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. С. 32–33; Черниченко С. В. Цит. соч. С. 323; Авхадеев В. Р. и др. Цит. соч. С. 56, 58, 62).

¹⁶⁹ Английский юрист Орас Ф. Кумбо заключал, что Латеранский договор лишь предоставил новые, обновленные гарантии для *Святого Престола как нетерриториального международного лица*, не создавая его правосубъектность *ex novo*, в то время как Государство Город Ватикан является новым, созданным благодаря указанному соглашению и *обособленным* от Св. Престола субъектом международного права, состоящим с последним в отношениях вассалитета и унии (см.: Cumbo H. F. The Holy See and International Law // The International Law Quarterly. 1948. № 4. P. 607, 613, 615). Анцилотти приходил к выводу, что наряду с Городом Ватиканом именно *Католическая Церковь в целом* (статус которой он отождествляет со Св. Престолом, хотя и называет последний при этом высшим церковным органом) обладает международной правосубъектностью в контексте идеи *jus inter potestates* (см.: Анцилотти Д. Цит. соч. С. 139–141, 148). Относительно Государства Город Ватикан ученый говорит следующее: Латеранский договор не создал нового государства, хотя и предполагает *фиктивное* существование Города Ватикане; тем не менее, речь идет о появлении новой суверенной политической организации, которая сама является субъектом международного права (Там же. С. 152–153). Роберт Джон Араухо определял Св. Престол как отдельную от Города Ватикан нетерриториальную международную личность с универсальной миссией религиозного и гуманитарного характера, обладающую суверенитетом *наряду с государствами* (см.: Araujo R. J. The Holy See – International Person and Sovereign // The Ave Maria International Law Journal. 2011. № 1. P. 31–32, 61–62). Участие Св. Престола в различных соглашениях со многими государствами демонстрирует, по мнению Араухо, важный момент: большинство государств считают Св. Престол *необходимой (necessary)* международной личностью для участия наряду с ними в кодификации и прогрессивном развитии международного права. (Ibid. P. 49). Кроуфорд считал, что Город Ватикан является *государством по международному праву*, несмотря на его крошечный размер и существование для специальных целей (в качестве «апанажа Папства»); Св. Престол, в свою очередь, является не только правительством этого Государства, но *одновременно* и самостоятельной нетерриториальной международной единицей в качестве руководства Католической Церкви; и Св. Престол, и Город Ватикан, как показывает практика, вступают в *обособленные друг от друга международные правоотношения* (см.: Crawford J. Op. cit. P. 222–230).

Наряду с этим также обсуждается признание Мальтийского Ордена как *суверенного* или, наоборот, *ограниченного* международного лица нетерриториального характера¹⁷⁰. Другим религиозным актором, начинающим в настоящее время постепенно привлекать внимание исследователей, оказывается Исламитский Имамат¹⁷¹.

VIII. Доктрина по-новому начинает переосмысливать положение Международного Комитета Красного Креста после заключения Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. По мнению ряда ученых, МККК представляет собой организацию, созданную *на частно-правовой основе* (подчиняясь швейцарскому законодательству) и при этом наделенную определенными межправительственными функциями согласно предписаниям Женевских конвенций 1949 г., что вкупе с практикой заключения Комитетом от своего имени

¹⁷⁰ Высказываясь за признание аналогичного со Святым Престолом статуса для Мальтийского Ордена и опираясь также на позиции других представителей доктрины, английский исследователь Чарльз д'Оливье Фарран приходил к выводу, что до присоединения Мальты в 1798 году к Франции, *наряду* с Орденом существовало его собственное островное государство, которое в рамках *унии* возглавлял Великий Магистр Ордена; однако несмотря на прекращение существования островного государства Ордена, последний сохранил свою обособленную правосубъектность вплоть до настоящего времени, что подтверждается, в частности, сохраняющимися многочисленными дипломатическими отношениями Ордена (см.: *D'Olivier Farran C. The Sovereign Order of Malta in International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 1954. № 2. P. 221–225, 227, 231*). Суверенитет Ордена не умаляется его *духовно-религиозным послушанием Св. Престолу*, с которым у него также установлены непосредственные дипломатические отношения (Ibid. P. 229–230). По мнению Э. А. Иванова, в качестве носителя международной правосубъектности Мальтийский Орден также представляет собой *суверенную единицу с нетерриториальной публичной структурой*; при этом институт членства в Ордене вполне является вполне сопоставимым с институтом гражданства в государствах, считает ученый (см.: *Иванов Э. А. Мальтийский орден как субъект международного права. М., 2011. С. 42, 61–62*). Польский юрист Кароль Карский называет Орден уникальным и общепризнанным субъектом международного права, *лишившимся*, однако, суверенитета после потери своих территорий в 1798 году (см.: *Karski K. The International Legal Status of the Sovereign Military Hospitaller Order of St. John of Jerusalem of Rhodes and of Malta // The International Community Law Review. 2012. № 1. P. 19, 23–24*). Подлинным сувереном Ордена является в качестве церковного руководства Св. Престол, в то время как сам Орден представляет собой лишь *вторичный* субъект международного права (Ibid. P. 29, 31–32).

¹⁷¹ Как считает Ворстер, данное высшее *нетерриториальное* учреждение общины шиитов-исмаилитов во главе с Мауляной Хазар-имамом (Ага-ханом) на практике приобрело возможность заключать международные соглашения в рамках своей духовно-религиозной и гуманитарной миссии, которую можно *сопоставить* с аналогичной миссией Святого Престола (см.: *Worster W. T. Op. cit. P. 260–262, 264*). В то же время Имамат не имеет суверенного иммунитета и не поддерживает официальные дипломатические сношения – итоговый вердикт автора состоит в том, что в большей степени Имамат пользуется скорее международным *уважением* (*reverence*), нежели правосубъектностью в ее полном значении (Ibid. P. 264–265, 267). В целом приходя к тем же выводам, португальский правовед Франсишку П. Коутинью указывает, что прямое признание международного юридического статуса Имамата как институции *наднационального религиозного характера* (*natureza religiosa supranacional*) и установление в связи с этим с ним *постоянных дипломатических отношений* было произведено только в 2015 году Португалией (см.: *Coutinho F. P. A Subjetividade Internacional do Imamat Ismaili // Os Sujeitos Não Estaduais no Direito Internacional. VII Encontro Luso-Espanhol de Professores de Direito Internacional e de Relações Internacionais. Lisboa, 2019. P. 107–108*).

международных соглашений с государствами делает его *ограниченным субъектом* международного права в качестве «стража гуманности»¹⁷². Схожая, хотя и еще менее распространенная идея о правосубъектности выражалась и в отношении Международного Олимпийского Комитета, а также некоторых других неправительственных организаций¹⁷³.

IX. Идея предполагаемой правосубъектности частных лиц получает обширную (хотя и не ставшую общепризнанной) теоретическую разработку в современной доктрине. Точки зрения исследователей варьируются от непосредственного подчинения частных лиц международному праву только в вопросе ответственности¹⁷⁴ до приобретения ими более-менее комплексного (хотя и все равно достаточно ограниченного) статуса¹⁷⁵ – последняя позиция находит поддержку и у некоторых представителей поздней советской и российской

¹⁷² См., например: *Фердросс А.* Цит. соч. С. 116, 145; *Seyersted F.* Objective International Personality of Intergovernmental Organizations. P. 57. Как резюмирует сотрудник Комитета Франсуа Бюньон, с точки зрения международного права МККК не только обладает своей собственной правосубъектностью, но и полномочен принимать решения, *не зависящие* от швейцарских политических властей; правосубъектность Комитета при этом носит *ограниченный и функциональный характер* (см.: *Бюньон Ф.* Международный Комитет Красного Креста и защита жертв войны / Пер. с фр. М., 2005. С. 1327, 1303).

¹⁷³ Так, например, Дэвид Дж. Эттингер считает, что МОК, будучи неправительственной организацией, обладает международной правосубъектностью *согласно международному обычному праву и прецедентной практике национальных судов*, о чем помимо прочего свидетельствует возможность заключать соглашения с городами-организаторами Олимпийских Игр, собственная символика Комитета и возможность быть истцом и ответчиком в национальных судах (см.: *Ettinger D. J.* The Legal Status of the International Olympic Committee // *The Pace International Law Review.* 1992. Iss. 1. P. 102–105, 121). См. также: *Worster W. T.* Op. cit. P. 247–248.

¹⁷⁴ См., например: *Фердросс А.* Цит. соч. С. 148–149.

¹⁷⁵ Джессап предполагал, что одним из важнейших элементов *пересмотренного (revised)* международного права должно явиться начало его прямого применения к индивидам и юридическим лицам – такое признание, впрочем, не должно означать уравнивания частных лиц как международных акторов с государствами (см.: *Jessup P. C.* Op. cit. P. 9–10, 19–20, 26). Кельзен считал, что индивиды могут стать субъектами международных прав только в тех случаях, когда международным договором им предоставляется возможность непосредственно обратиться в национальный или международный суд или арбитраж за защитой своих прав (см.: *Kelsen H.* Principles of International Law. P. 221, 231). Субъектами же международных обязанностей и ответственности индивиды могут оказаться *в большем количестве числе случаев* – например, при занятии пиратством или совершении военных преступлений; ведение же государством войны и применение репрессалий являются, в сущности, правомерными способами наложения *коллективной ответственности* на население находящегося в конфликте сторон вообще (в случае войны, например, субъектами такой ответственности будут комбатанты) (Ibid. P. 195–196, 203, 206). Но все же наделение индивида правосубъектностью *in strictu sensu* в любом случае являет собой исключение из общего правила, поскольку превращение всех индивидов в международных акторов будет означать трансформацию международного правопорядка во всеобщий национальный правопорядок, замечал Кельзен (Ibid. P. 242). Уругвайский юрист Эдуардо Х. де Аречага исходит из того, что международное право не содержит принципиальных ограничений для наделения индивида правосубъектностью – по согласию между государствами частные лица могут быть наделены непосредственно международными правами и средствами для их защиты (см.: *Де Аречага Э. Х.* Современное международное право / Пер. с исп. М., 1983. С. 255–256, 259–260). Вопрос состоит, считает американский юрист Данкан Б. Холлис, уже не в том, можно ли признать частных лиц международными акторами, а в том, в какой степени они участвуют в жизни международного права (см.: *Hollis D. B.* Private Actors in Public International Law: Amicus Curiae and the Case for the Retention of State Sovereignty // *The Boston College International and Comparative Law Review.* 2002. Iss. 2. P. 247).

доктрины¹⁷⁶. Впрочем, независимо от решения вопроса о предполагаемой правосубъектности индивида в любом случае признается, что международное право действительно теперь имеет все больше норм, которые затрагивают частных лиц и, в некоторых случаях, гарантируют им определенную защиту¹⁷⁷. В эру универсального признания прав человека, защиты инвестиций и международного уголовного права, писал Кроуфорд, каждое лицо всегда на каком-то уровне обладает правами и обязанностями по международному праву – другое дело, что это не умаляет сохраняющегося различия между *простыми бенефициарами прав или носителями обязанностей (a beneficiary of rights or a bearer of duties)* и *активными членами международного сообщества (an active participant on the international level)*; таким образом, частных лиц все равно невозможно, по мнению ученого, назвать *международными юридическими личностями (international legal persons)*, поскольку они в любом случае продолжают находиться в непосредственном подчинении государству¹⁷⁸. Отрицание в рамках российской доктрины международной правосубъектности частных лиц в том числе базируется на том аргументе, что, например, системы защиты

¹⁷⁶ Так, Н. В. Захарова считает, что не вызывает сомнений наличие в практике случаев, когда отдельные международные договоры предоставляют индивидам права или возлагают на них различные обязанности: позволяют обращаться с петициями в международные органы, подавать жалобы в международные судебные учреждения или привлекаться последними к ответственности – таким образом, имеет место непосредственное применение к индивидам норм международного права, которые те обязаны уважать (см.: *Захарова Н. В.* Индивид – субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 115–116). В то же время наличие у индивида правосубъектности само по себе *не дает оснований* для ее расширения или уменьшения без согласия на то государств – индивиды остаются *специальными и неправообразующими* международными лицами (Там же. С. 117–118). К схожему выводу приходил и Р. А. Мюллерсон (см.: *Mullerson R. A.* Human Rights and the Individual as Subject of International Law: A Soviet View // *The European Journal of International Law*. 1990. № 1. P. 36). Я. С. Кожеуров, рассматривая международную правосубъектность как подчиняемость регулируемому воздействию права народов («задействованность» в международно-правовом регулировании), приходит к выводу, что индивид не только «упоминается» в различных нормативных предписаниях международного права, но и прямо участвует в международно-правовых *общерегулятивных* отношениях (реализуя свои права и обязанности), будучи *включенным, следовательно, в механизм международно-правового регулирования*; правореализующая правосубъектность индивида при этом носит *функциональный* (предназначенный только для определенных целей) и *ограниченный* (на основе договоров между государствами) характер (см.: *Кожеуров Я. С.* Цит. соч. С. 10, 12–13, 16). По мнению А. И. Ковлера, универсализация международно-правового статуса человеческой личности выражается в том числе в расширении возможностей ее защиты с помощью обращения индивидов в органы международной юрисдикции *без специального согласия государства* – общее согласие на совершение индивидом таких действий дается правительством раз и навсегда при ратификации устанавливающей подобный режим защиты прав человека конвенции и признании юрисдикции упомянутых органов (см.: *Ковлер А. И.* Личность как субъект международного права (возвращение к дискуссии о международной правосубъектности индивида) // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М., 2017. С. 90).

¹⁷⁷ См.: *Кольяр К.* Цит. соч. С. 238–239.

¹⁷⁸ См.: *Crawford J.* Op. cit. P. 28–30. См. схожую позицию Броунли: *Brownlie I.* Op. cit. P. 65–66.

прав человека и международного уголовного правосудия взаимодействуют с индивидом *только* через соблюдающие свои международные обязательства в отношении этих систем государства – участие частных лиц в международном правосудии, в действительности, означает лишь их вклад в функционирование системы по проверке соблюдения государством своих международных обязательств в отношении индивида¹⁷⁹.

¹⁷⁹ См., например: Курс международного права. В 7 т. Т. 1. С. 164; Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. С. 34–39; Черниченко С. В. Цит. соч. С. 329–330; Авхадеев В. Р. и др. Цит. соч. С. 175–176, 179–180, 183.

ГЛАВА III. КРИТЕРИИ И ПРИЗНАКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И ПОСТРОЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

§ I. СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

I. На основе рассмотренных позиций доктрины можно сделать вывод, что дискуссия о сущности международной правосубъектности далека от завершения. Как уже отмечалось, одним из наиболее бесспорных для теории и практики оказывается утверждение Международного Суда ООН в *Reparation Case* о том, что правосубъектность невозможно более отождествлять *только* с государственностью¹⁸⁰. Для некоторых авторов, как было рассмотрено ранее, эта позиция оказывается *предельной*, ведь если международный правопорядок самостоятельно определяет круг своих акторов, то никакие предварительные условия для обретения правосубъектности не имеют особого смысла. Такое определение *idem per idem* оставляет попросту нерешенным вопрос о **юридической природе** международных единиц. Наиболее обоснованная попытка ее выявления делается в рамках уже рассмотренного ранее взгляда авторов советско-российского курса международного права (1989–1993 гг.) на природу субъектов международного права как коллективных общественных образований. Дальнейшие рассуждения будут строиться именно на основе этой позиции.

II. В основе международного права лежит общение между совокупностью коллективных общественных образований – **самостоятельных политических (политико-правовых) единиц**, признанных в таком качестве друг другом. Международное право, рождаясь *за пределами* правопорядков само-

¹⁸⁰ «Субъекты права в любой правовой системе необязательно оказываются идентичными в своей природе или объеме своих прав, и их природа зависит от нужд сообщества» («The subjects of law in any legal system are not necessarily identical in their nature or in the extent of their rights, and their nature depends upon the needs of the community») (Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C.J. Reports 1949. P. 178).

стоятельных политических единиц, призвано разрешить вопросы взаимодействия между ними на основе соглашения, которое может быть достигнуто в отношении любого вопроса, подлежащего ведению или вызывающего интерес хотя бы одной из таких единиц¹⁸¹. Международный правопорядок как бы накладывается на *голую реальность существования различных обособленных друг от друга властных образований и учреждений* – он утверждается самими этими образованиями и учреждениями с целью упорядочения действительных или желательных публичных отношений между собой. Именно из этого вытекает **общее основание международной правосубъектности, неизбежно формирующееся за пределами юридического измерения (как социально-политическое¹⁸²)**: в рамках исторически складывающейся реальности отношений между самостоятельными политическими единицами последние, приходя к необходимости юридического оформления таких взаимоотношений, создают и поддерживают международное право, естественно приобретая в нем исключительный статус *единственных* субъектов.

Приобретение самостоятельной политической (политико-правовой) единицей такого статуса означает *перевод* в форму категорий международной право- и дееспособности ее предполагаемых внеюридических *властных* возможностей в области взаимоотношений с подобными себе образованиями и учреждениями. Правоспособность и дееспособность в международном праве оказываются при этом *неразрывно связанными* между собой в силу принципиальной невозможности для самостоятельных политических единиц сообщить какие-либо права и обязанности друг другу *без* собственного согласия, которое должно быть выражено в отношении устанавливающих подобные права и обязанности нормативных предписаний договорного или обычного характера. Дача такого согласия также неизбежно сопряжена с готовностью единицы принять на себя возможную *ответственность* за недозволенное поведение в

¹⁸¹ См.: Кожеуров Я. С. Цит. соч. С. 22.

¹⁸² См.: Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / Отв. ред. Д. И. Фельдман. С. 21.

рамках конкретных правоотношений, в которые она таким путем вступает. Поэтому **важнейшими элементами международной правосубъектности (праводееспособности)** в принципе оказывается 1) **способность непосредственно принимать на себя международные обязательства**, что становится возможным только благодаря прямому участию в международном правотворчестве: через заключение международных договоров или признание международных обычаев, и 2) **способность нести ответственность за нарушение взятых на себя международных обязательств.**

Рассмотрение самостоятельных политических (политико-правовых) единиц в качестве обладателей юридической личности для целей международного права само по себе не описывает в полной мере их внутреннее бытие – *область собственной юрисдикции (т. е. область применения собственной власти самостоятельными политическими единицами)*¹⁸³. В ее границах данные единицы предстают уже не в качестве *единых лиц*, но как **целостные пространства, в пределах которых возникают собственные (внутренние) правоотношения**. Другими словами, всякая самостоятельная политическая единица одновременно оказывается, применяя и несколько реинтерпретируя терминологию Мориса Ориу, *субъективной личностью* (субъектом для целей международного права) и *объективной индивидуальностью* (некоторым целостным внутренним политико-правовым порядком)¹⁸⁴ – такое разделение лежит в основе обособленного друг от друга существования международного и национального правопорядков. Субъектный состав внутреннего порядка самостоятельных политических единиц зависит от *конкретных пределов юрисдикции* такого властного образования или учреждения, являющегося субъектом международного права. Конкретные пределы юрисдикции (осуществления

¹⁸³ Понятие юрисдикции в данном случае употребляется в наиболее широком значении. Так, С. В. Черниченко определяет юрисдикцию государства как определяемую государством возможность и допустимость ожидать и требовать осуществления своих правовых велений (предписаний и запретов) и обеспечивать их осуществление (см.: Черниченко С. В. Цит. соч. С. 254, 259). С учетом такого наиболее общего значения данного понятия, как отмечает ученый, **юрисдикцией обладает любой субъект международного права, поскольку она в принципе характерна для тех, кто имеет властные полномочия** (Там же. С. 255).

¹⁸⁴ См.: Ориу М. Основы публичного права / Пер. с фр. М., 1929. С. 73, 91–92. См. также: Яценко А. Цит. соч. С. 259–262.

власти) складываются благодаря утверждению трех ее основных форм: 1) юрисдикции в отношении собственных органов, должностных лиц и служащих (органической юрисдикции), 2) территориальной юрисдикции и 3) личной юрисдикции¹⁸⁵. **Органическая юрисдикция оказывается, как замечают некоторые правоведы, в отличие от двух других форм наиболее фундаментальной, поскольку без нее существование международной единицы невозможно в принципе: всякая самостоятельная политическая (политико-правовая) единица – субъект международного права – должна обладать, таким образом, хотя бы собственными органами, должностными лицами и служащими¹⁸⁶, чье поведение для целей международного права может быть атрибутировано политической единице в целом. Отсутствие органической юрисдикции (т. е. собственных органов, должностных лиц и служащих) как одного из признаков международной правосубъектности означало бы невозможность для самостоятельных политических единиц совершения любых юридически значимых действий от своего имени, которые неизбежно претворяются в жизнь через агентов, представителей таких единиц¹⁸⁷, включая принятие на себя конкретных международных обязательств и обеспечение их реализации, а также невозможность атрибутирования нарушающего эти обязательства противоправного поведения единицам с целью привлечения их к международной ответственности.**

¹⁸⁵ Говоря же о выделении иных форм юрисдикции (например, универсальной), можно согласиться с тем выводом, что они носят *вторичный*, производный характер (см.: Черниченко С. В. Цит. соч. С. 268–270).

¹⁸⁶ См.: Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / Отв. ред. Д. И. Фельдман. С. 17; Курс международного права. В 7 т. Т. 1. С. 163. От других форм юрисдикции органическая отличается следующими свойствами: 1) она связывает *только* органы и их составные части; 2) она связывает их постольку, поскольку они действуют *как* органы или их составные части (см.: *Seyersted F. Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations (2) // The International and Comparative Law Quarterly. 1965. № 2. P. 524*). Хотя, замечает Сейерстед, в большинстве случаев органическая юрисдикция *государств* тесно пересекается с территориальной и личной, она встречается в дистиллированном виде в тех случаях, когда, например, органы или отдельные должностные лица и наемные служащие одного государства временно или постоянно находятся на территории другого (главы государств за границей, признанные правительства в изгнании, дипломатические и консульские представительства, правительственные чиновники, находящиеся во временной миссии к иностранному правительству, вооруженные силы, находящиеся за границей) (см.: *Seyersted F. Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations (1) // Ibid. 1965. № 1. P. 33–34*).

¹⁸⁷ Advisory opinion given by the Court on September 10th 1923 on certain questions relating to settlers of German origin in the territory ceded by Germany to Poland: PCIJ Series B. No. 6. P. 22.

Кроме наличия, как минимум, собственной органической юрисдикции, **самостоятельной политической (политико-правовой) единицы требуется, как отмечается в доктрине, и определенная степень независимости, достаточная для непосредственного подчинения международному правопорядку**¹⁸⁸. Требуемый уровень независимости (самостоятельности) может выражен в одной из двух форм (степеней): **суверенной или несuverенной**. Так, государство как международный актор является обладателем *суверенной* степени независимости, что, однако, подразумевает не только *верховенство во внутренних делах и свободу во внешних сношениях*, но и **способность самостоятельно решать свою юридическую судьбу (вопрос о своем собственном существовании в пределах международного правопорядка)**¹⁸⁹ – на практике такая способность может оказаться наиболее важным индикатором для сохранения суверенитета вообще¹⁹⁰. Обнаружение же указанной способно-

¹⁸⁸ См.: Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / Отв. ред. Д. И. Фельдман. С. 17. «Субъекты международного права не входят в состав какого-либо властного образования, могущего над ним господствовать, утверждать за собой самобытные правомочия. Здесь нет ни власти, ни подчинения» (*Байков А. Л. Междувластные и властные отношения в теории права. С. 393*).

¹⁸⁹ «Фактически существующее лицо – государство имеет притязание на дальнейшее существование, причем оно само определяет условия, признаваемые им как необходимые для его существования и развития. Это *притязание на самоопределение* коренится в самом факте существования лица и неразрывно с ним связано. В госуд-венном праве это необходимое свойство субъекта государства носит форму государственного *суверенитета*» (*Уляницкий В. Международное право (вместо литографированного издания лекций). Томск, 1911. С. 59*).

¹⁹⁰ Международный Суд ООН в деле *Rights of Nationals of the USA in Morocco* подтвердил **возможность сохранения суверенитета без реального наличия в конкретный момент времени верховенства во внутренних делах и свободы во внешних сношениях** на примере Марокко, находившегося под протекторатом Франции с 1912 года: условия Фесского договора о протекторате, как отметил Суд, сохранили за Марокко статус суверенного государства, которое свободно заключало данный договор, несмотря на то, что исходя из данного соглашения Франция обязывалась впредь осуществлять *от имени и по поручению* Марокко определенные суверенные полномочия и, в принципе, *все* международные сношения Марокко (*Case concerning rights of nationals of the United States of America in Morocco, Judgment of August 27th, 1952: I.C.J. Reports 1952. P. 188*). Несмотря на санкционированное вмешательство во внутренние и внешние дела Марокко, последняя сохраняла свою международную правосубъектность, поскольку источником такого вмешательства в любом случае являлся действующий международный договор, не приводивший к уничтожению марокканской государственности. Можно в связи с этим согласиться с ранее упомянутой идеей Кристиана Н. Океке о том, что подобные случаи следует рассматривать как сохранение независимости на уровне *jus nudum* (см.: *Okeke C. N. Op. cit. P. 42–43*). «... Ограничения свободы государства, – писал судья Постоянной Палаты Международного Правосудия Дионисио Анцилотти в своем особом мнении к консультативному заключению по делу *Customs Régime between Germany and Austria*, – проистекают ли они из обычного международного права или договорных обязательств, как таковые в наименьшей степени затрагивают его независимость. До тех пор, пока эти ограничения не помещают государство под юридически обусловленную власть другого государства, первое остается независимым государством, какими бы обширными и обременительными эти обязательства ни были бы» («... The restrictions upon a State's liberty, whether arising out of ordinary international law or contractual engagements, do not as such in the least affect its independence. As long as these restrictions do not place the State under the legal authority of another State, the former remains an independent State however extensive and burdensome those

сти у негосударственных акторов, как будет рассмотрено далее, также позволяет обозначать их в качестве «суверенных» (что, впрочем, не свидетельствует о приобретении ими *полноты государственного суверенитета*). В свою очередь, *несуверенная* степень независимости международных единиц (например, межправительственных организаций) указывает, с одной стороны, на наличие у них определенного *сепаратного* статуса, который прежде всего не позволяет рассматривать такие единицы в качестве составных частей других международных акторов (т. е. в качестве подчиненных внутреннему правопорядку последних), и в то же время свидетельствует о **неспособности таких единиц самостоятельно решать свою юридическую судьбу**, поскольку эта прерогатива приобретается стоящим над ними коллективом международных акторов, учредивших и поддерживающих существование таких единиц (например, коллективом действующих членов межправительственной организации). **Обозначение независимости в качестве одного из важнейших признаков международной правосубъектности позволяет прежде всего понять, присваивается ли поведение органов, должностных лиц и служащих некоторого властного образования или учреждения исключительно ему самому (что дает возможность говорить о его непосредственном подчинении международному праву), либо другой международной единице (что в таком случае исключает собственную правосубъектность образования или учреждения, чье поведение атрибутируется другой единице).** Различие же между суверенной и несуверенной формами независимости позволяет понять, способна ли самостоятельная политическая (политико-правовая) единица при непосредственном подчинении международному праву решать свою юридическую судьбу или нет – обладание несуверенной степенью независимости также указывает на ограничение правоспособности международной единицы специальными *внешними целями деятельности*, которые вменя-

obligations may be») (Customs Régime between Germany and Austria (Protocol of March 19th, 1931): PCIJ Series A./B. No. 41. P. 58).

ются ей на основании собственного устава, согласованного в качестве международного договора между коллективом международных акторов, учредивших и поддерживающих существование такой несuverенной единицы.

III. Каковым же оказывается международно-правовое положение **частных лиц** при таком объяснении? Как было рассмотрено в предыдущей главе, *наиболее используемыми аргументами* в доктрине для подтверждения предполагаемой правосубъектности индивида и частных лиц вообще являются указания на:

- 1) наличие норм международного права, которые непосредственно обращаются к частным лицами, предписывая наделение их определенными правами и свободами (реже – обязанностями);
- 2) наличие международных судебных учреждений, в которые частные лица уполномочены обращаться непосредственно.

Оставляя второй аргумент на рассмотрение в следующем параграфе, когда речь будет идти о сущности юрисдикции международных публичных учреждений (межправительственных и наднациональных организаций, международных судебных органов), следует сейчас сосредоточиться *на первом аргументе как на наиболее принципиальном.*

Современное международное право знает достаточно примеров *непосредственного обращения* тех или иных международных договоров к частным лицам (например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международные пакты о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция о признании юридическими лицами международных неправительственных организаций 1986 г.¹⁹¹), равно как и аналогичное обращение через установления международных обычаев. При этом такое прямое указание нормативных предписаний

¹⁹¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. 2001. N 2. Ст. 163; 2018. N 37. Ст. 5720; 2021. N 38. Ст. 6611; Международный пакт о гражданских и политических правах, принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. Ст. 291; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. Ст. 291; European Convention on the Recognition of the Legal

на частное лицо *не всегда* сопряжено с созданием международных механизмов, в которые частное лицо могло бы обращаться за защитой своих прав, установленных соответствующими нормами международного права. Какой же можно сделать вывод из подобного, как считают некоторые рассмотренные в предыдущей главе представители доктрины, *прямого наделения* частных лиц различными правами или обязанностями на основе положений международных договоров и обычаев?

Во-первых, действие договорных и обычных норм права народов, устанавливающих такое наделение, не отличается, в сущности, от действия любых других международно-правовых норм. **Единственным способом появления подобных предписаний остается достижение соглашения между двумя или несколькими государствами.** Волеизъявление частных лиц при заключении подобных соглашений прямо не играет никакой роли и, разумеется, сами частные лица их участниками не становятся в любом случае. Случаи, касающиеся же заключения так называемых *смешанных соглашений*, в которых участниками помимо государств становятся и юридические лица, не создают здесь какого-либо исключения и прямо не приобщают частных акторов к международному праву – правосубъектность контрагентов в данных соглашениях так и остается *в измерении частного права*, наделяя эти договоры между государствами и юридическими лицами силой только гражданско-правового контракта (даже если между двумя или несколькими государствами-участниками такое соглашение будет иметь международно-правовую силу), в рамках которого и само государство действует как субъект частного права, совершающий *acta jure privatorum*¹⁹².

Во-вторых, положения любых международных договоров и обычаев, включая те, что нацелены на наделение частных лиц определенными правами

Personality of International Non-Governmental Organisations (Strasbourg, 24.IV.1986) // European Treaty Series. No. 124. P. 2–5.

¹⁹² См.: Талалаев А. Н. Право международных договоров. Общие вопросы. М., 1980. С. 94–95.

и обязанностями, невозможно воплотить в жизнь иначе, кроме как посредством хотя бы *элементарной реализации* международно-правовых норм в национальном правопорядке¹⁹³. Поэтому именно **предшествующая согласию государства на обязательность принципиальная готовность (открытость) его правопорядка к применению в том числе нацеленных на утверждение прав человека предписаний международного права**¹⁹⁴ играет решающее значение в том, получит ли индивид предусмотренный такими договорами и обычаями статус или нет.

В результате, подлинное приобретение и осуществление частным лицом прав или обязанностей, непосредственно сообщаемых ему соответствующим международным договором или обычаем, оказывается возможным лишь потому, что: 1) было выражено согласие на обязательность такого договора или обычая тем государством, в пределах юрисдикции или эффективного контроля которого находится частное лицо; 2) согласованный договор или обычай вступил для государства в силу; 3) согласованный договор или обычай начал надлежащим образом применяться (имплементироваться) в рамках национальной правовой системы. Только по завершении всех указанных этапов лицо на самом деле оказывается наделенным сообщаемым международно-правовыми предписаниями статусом – но по-прежнему *в пределах лишь национального правопорядка*. **Концепция предполагаемой международной правосубъектности индивидов и юридических лиц в этом случае оказывается совершенно излишней, уводящей в сторону от сущности рассматриваемого явления.** Помещая основание статуса частных лиц непосредственно в

¹⁹³ Постоянная Палата Международного Правосудия в деле *Jurisdiction of the Courts of Danzig* отметила, что международные соглашения «не могут, как таковые, создавать прямые права и обязанности для частных лиц» («cannot, as such, create direct rights and obligations for private individuals»), однако целью таких соглашений, при наличии соответствующего намерения договаривающихся сторон, выраженного в *конкретных формулировках и общем смысле (wording and general tenor)* договора, «может быть принятие сторонами некоторых определенных правил, создающих индивидуальные права и обязанности, подлежащие защите национальными судами» («may be the adoption by the Parties of some definite rules creating individual rights and obligations and enforceable by the national courts») (*Jurisdiction of the Courts of Danzig*: PCIJ Series B. No. 15. P. 17–18). Международный Суд ООН пришел к схожему выводу в деле *LaGrand* (*LaGrand (Germany v. United States of America)*), Judgment, I.C.J. Reports 2001. Para. 77).

¹⁹⁴ «... Любая норма международного права при ее исполнении государством требует помощи со стороны норм национального права» (*Мюллерсон Р. А.* Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 57).

международный правопорядок, такая концепция упускает из виду, что подлинная *активация* статуса частных лиц в действительности происходит уже в национальном правопорядке, по итогам успешного заключения, вступления в силу и начала реализации международного договора или обычая. Наделение правами и обязанностями в подобных случаях действительно фундировано международно-правовыми нормами, *но только в расчете на успешное вхождение этих норм в национальный правопорядок*, даже если это вхождение вследствие эффекта самоисполнения не требует издания опосредующих имплементационных актов – **действие норм международного права в таких случаях все равно уже не измеряется их юридической силой в собственно международном правопорядке, но измеряется той юридической силой, которой наделяет их в своих пределах сама национальная правовая система.** Прямого доступа частных лиц в международный правопорядок вследствие этого не возникает, но лишь утверждается их статус **бенефициаров** в отношении обращенных к ним предписаний права народов¹⁹⁵.

¹⁹⁵ «Невозможно ... оспаривать тот факт, что права и защита человеческой личности представляют собой обычный предмет международной регламентации (в настоящее время. – прим. автора, А. М.)» (Кольяр К. Цит. соч. С. 239).

§ II. КРИТЕРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

I. Простое обозначение всех субъектов международного права в качестве самостоятельных политических (политико-правовых) единиц не может быть исчерпывающим. Не сообщая никаких различий между субъектами, такое определение лишь указывает на наиболее общие признаки, имманентно присущие любому участнику международного правопорядка. Аналогичную же роль играют сформулированные ранее наиболее важные элементы международной правосубъектности: способность к непосредственному принятию на себя международных обязательств (посредством выражения согласия на их обязательность) и способность нести ответственность за их нарушение. **Охватывая все возможные виды субъектов международного права, понятие «самостоятельные политические (политико-правовые) единицы» на основе ранее приведенных выводов доктрины призвано указать на то, что:**

- 1) **каждый международный актор обладает минимальной степенью публичной организации – хотя бы собственными органами и связанным с ним персоналом (юрисдикцией над своими органами и персоналом);**
- 2) **наряду с такой публичной организацией каждому международному актору должна быть присуща некоторая степень независимости (самостоятельности) – достаточная для того, чтобы в силу непосредственного подчинения актора международному праву не считать его включенным в состав другого властного образования или учреждения.** Для более подробных классификаций отдельных видов субъектов международного права доктрина выработала множество оснований, как было рассмотрено ранее в предыдущей главе. Однако хотя, к примеру, общее противопоставление (несопоставимость) двух основных типов международных единиц – государств и межправительственных организаций – является достаточно бесспорным¹⁹⁶, затрудне-

¹⁹⁶ Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C.J. Reports 1949. P. 179.

ния и неопределенность в объяснении возникают в отношении других участников международных публичных правоотношений, как это было рассмотрено в предыдущей главе. Так, описание религиозных институций международного характера (Святого Престола и Мальтийского Ордена) и связанных с ними образований (Государства Город Ватикан) нередко лишается сколь бы то ни было подробной характеристики в пользу простого обозначения данных международных единиц как «образований или учреждений *sui generis*». Определение наций, борющихся за самоопределение, или их освободительных движений в качестве носителей международной правосубъектности (даже являющихся суверенными, по мнению некоторых авторов) характеризуется достаточной расплывчатостью и часто производится путем вменения субъективного права на самоопределение соединению множества лиц, не всегда даже обладающему собственной политической структурой, которая была бы способна поддерживать прямой контакт с другими субъектами международного права. Рассуждения о положении Международного Комитета Красного Креста нередко ограничиваются общим повествованием о природе неправительственных организаций, на фоне которых Комитет серьезно выделяется в силу особых межправительственных функций и самостоятельной активности в международном сообществе. Ограниченная международно-правовая активность членов федераций и автономий поднимает проблему возможного *расщепления и противопоставления* международно-правового статуса государства в целом и отдельных территориальных единиц внутри него. Особая миссия и полномочия наднациональных организаций побуждают некоторых авторов к *противопоставлению* последних остальным межправительственным учреждениям и из-за квази-государственного характера своего положения, как это иногда является.

Указанные примеры поднимают вопрос об обоснованности различных классификаций в контексте **юридически значимых последствий** для положения отдельных самостоятельных политических единиц – субъектов международного права. **Выявление наиболее принципиальных различий между**

такими единицами имеет серьезное практическое значение в контексте пределов принятия единицами на себя конкретных международных обязательств и несения ответственности за их возможное нарушение. Эти пределы, как было рассмотрено в предыдущем параграфе, применительно к каждому международному актору обуславливаются его **юридической природой** – прежде всего *объемом осуществляемой юрисдикции (областью применения собственной власти)* и *степенью независимости*. Поэтому некоторое дополнение и корректировку классификации субъектов международного права, в рамках которой будет дана сравнительная характеристика с точки зрения важнейших черт юридической природы каждому из субъектов, необходимо произвести при помощи критериев, которые возможно сформулировать на основе сделанных в предыдущем параграфе выводов с опорой на позиции отдельных представителей доктрины. Сконструированные таким образом критерии *достаточно условно* можно обозначить как **критерий юрисдикции** и **критерий независимости**. **Критерий юрисдикции** позволяет разделить всех субъектов международного права на **территориальные образования** и **нетерриториальные учреждения** в зависимости от того, обладает ли самостоятельная политическая единица не только собственными органами, должностными лицами и служащими (т. е. органической юрисдикцией), но и также собственной территорией и населением (т. е. юрисдикцией территориальной и личной). **Критерий независимости** позволяет разделить все международные единицы на **суверенные** и **несуверенные образования и учреждения** исходя из того, обладают ли такие единицы при своем непосредственном подчинении международному праву той степенью независимости, которая позволяет им самостоятельно решать свою юридическую судьбу (решать вопрос своего существования в пределах международного правопорядка) либо нет; юридическая судьба несuverенных образований и учреждений, в свою очередь, решается коллективом других международных единиц – создателей таких образований и учреждений.

II. Применение критерия юрисдикции и критерия независимости к государствам дает достаточно предсказуемый результат. Государство как самостоятельная политическая (политико-правовая) единица выступает в качестве «существенно территориального» властного образования, поскольку обладает не только органической юрисдикцией (т. е. собственными органами, должностными лицами и служащими), но и также юрисдикцией *территориальной* и *личной* (т. е. обладает также собственной территорией и населением); государство является носителем *суверенной степени независимости*, поскольку, прежде всего, обладает способностью самостоятельно решать свою юридическую судьбу. Эти в целом несомненные для теории и практики международного права утверждения¹⁹⁷ позволяют для целей классификации субъектов международного права обозначить государство в качестве единственного типа **суверенных территориальных образований** как одной из фундаментальных категорий международных единиц.

Предполагаемая же международная правосубъектность **членов федераций и автономий** вызывает в этой связи множественные сомнения. Правительственная структура и компетенция внутригосударственных территориальных единиц составляет *неразрывное целое* с остальным государственным механизмом. Такие единицы, даже если и провозглашаются «суверенными» в отдельных национальных правовых порядках¹⁹⁸, все равно неизбежно подчиняются

¹⁹⁷ Так, например, следующее определение государственности сформулировано Арбитражным Комитетом (Комиссией) Конференции по Югославии под председательством Робера Бадинтера (пп. «b» п. 1 Заключения N. 1 Комитета): «... Государство общепризнанно определяется как сообщество, которое состоит из подчиняющейся организованной политической власти территории и населения; ... такое государство характеризуется наличием суверенитета» («... The State is commonly defined as a community which consists of a territory and a population subject to an organized political authority; ... such a State is characterized by sovereignty») (Conference on Yugoslavia Arbitration Commission: Opinions on Questions arising from the Dissolution of Yugoslavia [January 11 and July 4, 1992] // International Legal Materials. 1992. № 6. P. 1495).

¹⁹⁸ Так, ст. 3 швейцарской Федеральной Конституции 1999 г. гласит: «Кантоны являются суверенными, поскольку их суверенитет не ограничивается Федеральной Конституцией (выделено автором, А. М.); они осуществляют все права, которые не переданы Конфедерации (выделено автором, А. М.)» («Die Kantone sind souverän, soweit ihre Souveränität nicht durch die Bundesverfassung beschränkt ist; sie üben alle Rechte aus, die nicht dem Bund übertragen sind») (SR 101. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18. April 1999 (Stand am 7. März 2021) // URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de> (дата обращения: 06.03.2022)). Суверенитет кантонов Швейцарии, таким образом, представляет собой не что иное, как **суверенитет именно для целей внутреннего права** данного федеративного государства, в первую очередь обозначая **самостоятельность и замкнутость компетенции федерированных членов, закрепленную на уровне общенациональных конституционных актов**.

примату конституционного права страны. Именно последнее гарантирует в том числе и любые возможные полномочия членов федераций и автономий по внешнеполитическим сношениям¹⁹⁹. Другими словами, статус внутригосударственных единиц непосредственно определяется *только* государственным, а не международным правом. В связи с этим уместно согласиться с ранее выраженной точкой зрения Кельзена о том, что **международные соглашения от имени членов федераций и автономий (при условии, что возможность их заключения санкционирована общенациональным правом²⁰⁰) в действительности являются договорами с участием государства как такового, которое в данном случае выступает только через региональное правительство, а не через центральное²⁰¹**. Действие такого договора будет распространяться не на всю территорию государства по смыслу ст. 29 Венской конвенции о праве международных договоров²⁰², а *только* на территорию региона²⁰³. Известные в практике случаи участия автономий и, скорее в порядке исключения, членов федераций в межправительственных организациях отображают схожую дифференциацию договорных режимов, лежащих в основании таких организаций. Членство внутригосударственной территориальной единицы в организации (в том числе *наряду* с центральным правительством государства) является проявлением **механизма расщепления членства**, с помощью которого происходит намеренное разделение режима соблюдения вытекающих из

¹⁹⁹ «... Никто в государстве, и даже никакая хотя бы и самая сильная по своему влиянию или занимаемому месту составная часть его, не может входить в международные юридические связи независимо от государства» (Бялэцкий А. Цит. соч. С. 80).

²⁰⁰ Поэтому с точки зрения, например, правопорядка Российской Федерации ее субъекты лишены возможности заключать международные договоры (п. 3.1 Определения Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 92-О // Собрание законодательства РФ. 2000. N 29. Ст. 3117).

²⁰¹ См.: Kelsen H. Principles of International Law. P. 260–261. Именно в этом контексте следует рассматривать замечание Комиссии международного права в комментариях к проекту будущей Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. о том, что «не существует нормы международного права, которая исключала бы наделение составляющих федерацию государств правом заключать договоры с третьими государствами» («there is no rule of international law which precludes the component States from being invested with the power to conclude treaties with third States») (Yearbook of the International Law Commission. 1966. New York, 1967. Vol. II. P. 192)

²⁰² Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. N 37. Ст. 772.

²⁰³ См.: Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. II. P. 213.

участия в организации обязательств одного и того же государства исходя из особенностей его внутреннего устройства.

Ярким примером действия механизма расщепления членства является одновременное участие во Всемирной Торговой Организации Китая через свое центральное правительство, специальные административные районы Гонконг и Макао, а также провинцию Тайбэй (остров Тайвань). Последняя была принята в Организацию (как и Гонконг с Макао ранее в число Договаривающихся Сторон ГАТТ, став затем первоначальными членами ВТО) в качестве одной из *отдельных таможенных территорий, обладающих полной автономией в их внешних торговых сношениях и других вопросах [затрагиваемых охваченными соглашениями ВТО]* (*separate customs territories possessing full autonomy in the conduct of its external commercial relations and of the other matters*) (ст. XII:1 Марракешского Соглашения 1994 г.²⁰⁴). Разделение и противопоставление членства Китайского государства через его центральное правительство и три внутригосударственные единицы являет собой *lex specialis*, рассматривающий для целей формирующегося из охваченных соглашений партикулярного правопорядка Организации одно и то же государство в нескольких *юридических ипостасях*, для каждой из которых готовится свой собственный комплекс обязательств на основе условий первоначального членства (для Гонконга и Макао) и протоколов о присоединении (КНР и провинции Тайбэй). Таким образом, механизм расщепленного членства, действующий в ВТО благодаря возможности самостоятельного участия в Организации отдельных таможенных территорий, в случае Китая **связывает это государство одновременно четырьмя автономными пакетами международных обязательств**, вытекающих из членства в ВТО: 1) пакетом обязательств специального административного района Гонконг, применяемым только к его территории и правительству (на основе перечней уступок и обязательств по Марракешскому

²⁰⁴ Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization (with final act, annexes and protocol). Concluded at Marrakesh on 15 April 1994 // United Nations Treaty Series. New York, 1998. Vol. 1867. P. 3–538.

Протоколу к ГАТТ 1994 г.); 2) пакетом обязательств специального административного района Макао, применяемым только к его территории и правительству (на основе перечней уступок и обязательств по Марракешскому Протоколу к ГАТТ 1994 г.); 3) пакетом обязательств Китая в целом, применяемым ко всей его территории (*за исключением* Гонконга, Макао и провинции Тайбэй²⁰⁵) и центральному правительству КНР (на основе перечней уступок и обязательств по Протоколу о присоединении КНР к ВТО 2001 г.²⁰⁶); 4) пакетом обязательств провинции Тайбэй, применяемым только к его территории и правительству (на основе перечней уступок и обязательств по Протоколу о присоединении провинции Тайбэй к ВТО 2001 г.²⁰⁷).

Схожим образом может быть объяснено, *на первый взгляд*, и имевшееся ранее членство УССР и БССР в ООН. Политический компромисс, лежавший в основе допуска этих союзных республик в число первоначальных членов Организации, был в любом случае оформлен юридически – за основу утверждения исключения брался опыт Лиги Наций, первоначальными участниками которой в том числе являлись, *под эгидой Британской Империи*, доминионы последней (без Ньюфаундленда) и Индия, а ст. 1 Пакта Лиги давала возможность присоединиться к Организации в будущем любому полностью самоуправляющемуся государству, доминиону или колонии (*any fully self-governing State, Dominion or Colony*), готовому соблюдать свои обязательства в рамках Лиги²⁰⁸ – впоследствии этой клаузулой воспользовалось Ирландское Свободное Государство, присоединившись к Лиге в 1923 году как новый британский доминион. Устав ООН не предусматривает подобного расширенного варианта членства и предоставляет возможность вступить в организацию *только* миролюбивым государствам, готовым соблюдать обязательства фундаментального

²⁰⁵ По-видимому, применительно к данным территориям для центрального правительства КНР не будут действовать в полной мере предписания ст. XXIV:12 ГАТТ о том, что каждая Договаривающаяся Сторона должна принимать такие разумные меры, которые могут быть ей доступны, для обеспечения соблюдения положений Соглашения региональными и местными правительствами и прочими властями на своей территории.

²⁰⁶ Accession of the People's Republic of China. Decision of 10 November 2001 (WT/L/432).

²⁰⁷ Accession of the Separate Customs Territory of Taiwan, Penghu, Kinmen and Matsu. Decision of 11 November 2001 (WT/L/433).

²⁰⁸ Treaty of peace with Germany (Treaty of Versailles) of June 28, 1919 // *Treaties and Other International Agreements of the United States of America. 1776–1949*. Washington, 1969. Vol. 2. P. 43–240.

акта Организации (п. 1 ст. 4)²⁰⁹ – как подтверждает последующая практика, под «государствами для целей принятия в ООН» всегда понимались только суверенные государства²¹⁰. Тем не менее, Украинская и Белорусская ССР отнесены Уставом (ст. 3) к числу *первоначальных членов – государств*, подписавших и ратифицировавших данный документ. Однако формальное включение советской Украины и Беларуси, а также Индии и Филиппин (в суверенной государственности которых на момент принятия Устава ООН также были серьезные сомнения) в перечень «государств – первоначальных членов Организации» было произведено разработчиками Устава на Конференции в Сан-Франциско лишь в редакторских целях и **не свидетельствовало о признании международной правосубъектности союзных республик**²¹¹. В рамках ранее озвученной логики механизма расщепления членства можно, *казалось бы*, сделать вывод, что СССР также принял на себя одновременно три пакета обязательств, вытекающих из Устава: 1) пакет обязательств советской федерации в целом, применимый к ее территории и союзному правительству; 2) пакет обязательств УССР, применимый к ее территории и правительству; 3) пакет обязательств БССР, применимый к ее территории и правительству. Однако отличие от уже рассмотренного примера с многосоставным членством Китая в ВТО заключается в том, что **механизм членства в Организации Объединенных Наций не является изначально дифференцированным, подготовленным к своему расщеплению для одного и того же входящего в Организацию члена** – поэтому, во-первых, обязательства СССР, УССР и БССР, вытекающие из Устава, оказывались по существу *идентичными* (за исключением, разве что,

²⁰⁹ Устав Организации Объединённых Наций... – Статут Международного Суда (26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII. С. 14–64.

²¹⁰ См.: *Cohen R.* The Concept of Statehood in United Nations Practice // The University of Pennsylvania Law Review. 1961. № 8. P. 1168.

²¹¹ Как отмечалось в Комитете I/2 во время работы Конференции относительно определения в будущем Уставе первоначальных членов Организации (тогда еще без добавления «государства», которое, впрочем, не изменило по существу решения вопроса): «... Принятое определение послужит успокоению отдельных наций, ... которые, собственно говоря, не являются государствами и которым по этой причине может быть отказано в праве членства в Организации» («... The definition adopted would serve to calm the fears of certain nations ... which, properly speaking, are not States and which for this reason might be denied the right membership in the Organization») (Documents of the United Nations Conference on International Organization. San Francisco, 1945. London; New York, 1945. Vol. VII. P. 325).

особого статуса СССР в качестве постоянного члена Совета Безопасности, как то устанавливает п. 1 ст. 23 Устава), и, во-вторых, факт участия в Организации наряду с советской федерацией в целом двух ее членов *не освобождал* федерацию от ответственности за соблюдение положений Устава на территории этих членов²¹². Таким образом, *целесообразность* подобного расщепления юридической личности советского государства действительно могла быть обоснована сугубо политическими мотивами – стремлением обрести дополнительное число голосов на стороне СССР (принимая также во внимание возникающие в современной доктрине вопросы к ратификации УССР и БССР Устава ООН, поскольку она была произведена с нарушением их конституционного законодательства вопреки п. 1 ст. 110 Устава²¹³).

III. Наиболее близко к государственному типу международной правосубъектности примыкают **вольные города и иные самоуправляющиеся территориальные единицы**, что может быть подробно рассмотрено на примере Вольного Города Данциг и Свободной Территории Триест.

Вольный Город Данциг был учрежден 15 ноября 1920 г. Главными Союзными и Объединившимися Державам в пределах отчужденной от Германии территории (ст. 100 и 102 Версальского мирного договора)²¹⁴. Немецкие граждане, проживавшие на этой территории в момент создания Вольного Города стали его гражданами (ст. 105 Договора). Сам Вольный Город стал *правопремником* Германской Империи в отношении ее имущества и финансовых обязательств на своей территории (ст. 107–108 Договора). *По согласованию* с Высоким Комиссаром Лиги Наций представители Вольного Города разработали и приняли его конституционный статут, устанавливавший принципы функционирования различных ветвей власти Данцига (ст. 103 Договора). Вольный Город Данциг после своего учреждения был поставлен *под защиту* Лиги Наций,

²¹² Схожая ситуация имела и в отношении других примеров участия союзных республик в международных договорах и некоторых межправительственных организациях (см.: *Кремнев П. П.* К вопросу о самостоятельности советских союзных республик в международных отношениях // СПС КонсультантПлюс).

²¹³ См.: *Кремнев П. П.* Распад СССР: международно-правовые проблемы. С. 141–145.

²¹⁴ Decision of the Conference of Ambassadors of the British Empire, France, Italy and Japan (the Principal Allied and Associated Powers) at Paris constituting Danzig a Free City. – Paris, October 27, 1920 // British and Foreign State Papers. London, 1923. Vol. CXIII. P. 875–876

а его конституция – *под ее гарантию* (ст. 102–103 Версальского мирного договора). Между Данцигом и Польшей к моменту провозглашения создания первого должна была быть выработана и заключена особая конвенция, в том числе согласно которой Польша будет полностью *осуществлять внешнеполитическое представительство Вольного Города* – такая конвенция была заключена 9 ноября 1920 г.²¹⁵ (ст. 104 Договора).

Свободная Территория Триест была учреждена 15 сентября 1947 г., в момент вступления в силу Мирного договора с Италией (ст. 4, п. 1–2 ст. 21 и ст. 22 Договора)²¹⁶. Итальянские граждане, домицилированные к 10 июня 1940 г. в пределах границ Свободной Территории, и их дети, родившиеся после этой даты, стали коренными гражданами Свободной Территории (п. 1 ст. 6 Постоянного Статута Свободной Территории Триест). Для управления Триестом должны были быть образованы различные правительственные органы во главе с *назначаемым* Советом Безопасности ООН Губернатором, а также принята конституция (ст. 9–10 Договора). Целостность и независимость Свободной Территории Триест *обеспечивались* Советом Безопасности ООН (ст. 2 Постоянного Статута Свободной Территории). Вплоть до момента создания постоянного правительства Триеста должна была сохраняться оккупация Свободной Территории Союзным командованием Великобритании и США (ст. 21 Договора, ст. 1 Положения о временном режиме Свободной Территории Триест). Из-за невозможности согласовать кандидатуру Губернатора Триеста сохранившийся режим военной оккупации был со временем реконструирован: в соответствии с п. 1–2 Меморандума о взаимопонимании между правительствами Италии, Великобритании, США и Югославии 1954 г. оккупационные зоны А и В, разделявшие Триест, были теперь поделены между Италией и Югославией в качестве оккупирующих держав²¹⁷. Договором же между Италией и

²¹⁵ Treaty between Poland and the Free City of Danzig concluded in accordance with Article 104 of the Treaty of Versailles, June 28, 1919. – Paris, November 9, 1920 // British and Foreign State Papers. Vol. CXIII. P. 965–973.

²¹⁶ Мирный Договор с Италией (10 февраля 1947 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XIII. С. 88–203.

²¹⁷ Memorandum of Understanding (with annexes and exchange of notes) regarding the Free Territory of Trieste (signed at London, on 5 October 1954) // United Nations Treaty Series. New York, 1956. Vol. 235. P. 100–121.

Югославией, подписанным в Озимо в 1975 году²¹⁸, Свободная Территория Триест (с учетом молчаливого согласия других участников Мирного Договора с Италией 1947 г.) *была окончательно упразднена* – бывшие границы оккупационных зон составили новую государственную границу между Италией и Югославией, а граждане Свободной Территории должны были приобрести гражданство одной из сторон (ст. 1–3 Договора).

Применяя критерий юрисдикции к примеру Вольного Города Данциг и Свободной Территории Триест, процесс формирования которой так и не был завершён до конца, можно обнаружить в каждом из двух случаев наличие обособленной существенно территориальной публичной организации: наличие у данных образований, *как и в случае государств*, не только собственных органов публичной власти, но территории с населением (т. е. аналогичное государственному сочетание органической, территориальной и личной юрисдикции). **Наибольшее отличие от государственного типа демонстрирует применение критерия независимости** – Данциг и Триест, имея в принципе достаточную для непосредственного подчинения международному праву степень самостоятельности, тем не менее обладали только **независимостью несуверенного характера**. Решающим аргументом для присвоения именно такой характеристики оказывается *неспособность* подобных самоуправляющихся территориальных единиц самостоятельно решать свою юридическую судьбу – их существование зависело не от собственной воли, но от воли государств-учредителей, которая оформляется учредительными договором (уставом) образования. **Создаваемые таким образом международные единицы не являются участниками соглашений о собственном учреждении** – последние, закладывая основы политического и правового порядка таких единиц, действуют для государств-учредителей территории *в качестве междуна-*

²¹⁸ Treaty on the delimitation of the frontier for the part not indicated as such in the Peace Treaty of 10 February 1947 (with annexes, exchanges of letters and final act) (signed at Osimo, Ancona, on 10 November 1975) // Ibid. New York, 1996. Vol. 1466. P. 25–118.

родного договора, а для самой же территории оказываются как бы установленными *фундаментальными правовыми актами*, вошедшими в ее правовую систему *извне*. Таким образом, вольные города и иные самоуправляющиеся территориальные единицы, созданные на основе международных соглашений и непосредственно подчиненные международному праву, образуют очередную, отличную от других фундаментальную категорию в рамках классификации субъектов международного права именно как **несуверенные территориальные учреждения**.

IV. Межправительственные организации составляют второй после государств наиболее исследованный тип субъектов международного права, как это было подробно рассмотрено во второй главе – при этом среди всех остальных самостоятельных политических (политико-правовых) единиц **юридическая природа организаций оказывается наиболее далекой от государственной**.

Применение критерия юрисдикции демонстрирует *отсутствие* у межправительственных организаций собственной территории и населения (территориальной и личной юрисдикции)²¹⁹. Это означает, что базовая или «нулевая» компетенция организации, в независимости от конкретных полномочий, предоставленных уставом того или иного международного публичного учреждения, носит лишь *органический характер* (охватывает только собственные органы и персонал учреждения)²²⁰. Такая базовая компетенция организации является сама по себе сугубо технической (рамочной). **Межправительственным организациям имманентно не достаёт «природной» самодостаточности пределов своей юрисдикции**, которая присуща государствам и несове-

²¹⁹ Отсутствие собственной территории и населения также означает *потребность* межправительственных организаций (как и любых других международных единиц нетерриториального характера) располагаться на территории какого-либо государства, а также формировать свои органы и персонал из граждан различных стран.

²²⁰ См.: *Seyersted F. Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations* (1). P. 69. Поэтому, как замечал Ф. Сейерстед, органическая юрисдикция имеет фундаментальное практическое и теоретическое значение для межправительственных организаций и других «суверенных» *нетерриториальных* сообществ (см.: *Seyersted F. Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations* (2). P. 526).

ренным территориальным образованиям как международным единицам, обладающим не только собственными органами, но и территорией с населением – поэтому и основное содержательное наполнение, например, государственной органической юрисдикции (деятельности государственных органов, должностных лиц и служащих) происходит за счет как раз юрисдикции территориальной и личной. «Нулевая» же компетенция межправительственной организации сама по себе *содержательно совершенно бедна*. Потому для **всякого международного публичного учреждения неотъемлемо требуется установление особой «внешней» (т. е. не направленной на саму себя) цели деятельности, которая связана с зафиксированными ее учредительным документом интересами коллектива государств-членов учреждения**²²¹.

К нетерриториальному характеру межправительственных организаций добавляется, как показывает применение критерия независимости, **несуверенная степень их самостоятельности**. Несуверенность такого рода учреждений означает, что они, подобно несuverенным территориальным образованиям, не способны самостоятельно решать свою юридическую судьбу: создание, функционирование (включая фундаментальное определение собственной компетенции, целей и задач) и упразднение такого учреждения относится к вопросам, которые неизменно подлежат разрешению коллективом действующих членов организации и только с их согласия (в форме международного договора или последующей нормативной практики), безотносительно воли самой организации, подлежат приведению в исполнение. Таким образом, международные публичные учреждения можно охарактеризовать с точки зрения их юридической природы как **несуверенные нетерриториальные учреждения** – очередную фундаментальную категорию в рамках классификации субъектов международного права.

²²¹ В категориях Сейерстеда речь будет идти о различии между *неотъемлемой (inherent)* и *расширенной или приобретенной (extended or acquired)* формами юрисдикции межправительственной организации соответственно (см.: *Seyersted F. Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations* (1). P. 51). Международный Суд ООН говорит о **подчинении всякой межправительственной организации принципу специализации (principle of speciality)**, поскольку они, в отличие от государств, не имеют никакой *общей компетенции (general competence)* (Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict, Advisory Opinion: I. C. J. Reports. 1996. Para. 25).

Межправительственная организация, подобно другим самостоятельным политическим единицам, не только функционирует в качестве субъективной личности (юридической личности для целей международного общения), но и одновременно представляет собой некоторую объективную индивидуальность – *сепаратный политический и правовой порядок с собственными внутренними отношениями*. **Поскольку юридическая личность межправительственной организации обособляется от личности входящих в нее государств-членов (не поглощает их), внутренний правопорядок организации соответственно не включает в себя правопорядки своих государств-членов²²²**. Таким образом можно утверждать, что **внутренний правопорядок межправительственной организации не выходит за пределы собственных органов и персонала²²³**. По умолчанию он носит столь же технический характер, что и органическая юрисдикция организации вообще – его задачей является правовое оформление механизма внутреннего функционирования организации как замкнутого в себе целого, обособленного в своей юридической личности в том числе и от своих государств-членов²²⁴. *Внешние цели деятельности межправительственной организации, поставленные ее уставом, могут серьезно изменять ее органическую юрисдикцию, носящую по умолчанию лишь технический характер*. В таких случаях организации на основе ее устава могут быть присвоены полномочия, позволяющие ее органам осуществлять сугубо для внешних целей (в интересах коллектива государств-членов) определенную деятельность, в том числе *правотворческого характера*. Ярким примером служит статус Совета Безопасности ООН – ст. 25 Устава Организации устанавливает обязанность государств-членов подчиняться решениям Совета и выполнять их. Подобные положения тем самым наделяют акты Совета Безопасности **двойственной юридической природой**. Прежде всего, **акты Совета первично приобретают значение актов внутреннего права ООН,**

²²² См.: Schermers H. G., Blokker N. M. Op. cit. P. 725.

²²³ См.: Курс международного права. В 7 т. М., 1992. Т. 6. С. 40; Amerasinghe C. F. Principles of the Institutional Law of International Organizations. New York, 2005. P. 272–273.

²²⁴ См.: Шубаева Е. А. Цит. соч. С. 139.

действующего в отношении ее собственных органов и персонала. Однако подобная характеристика, если только она не относится к организационным или процедурным решениям Совета Безопасности (например, по ст. 30 Устава ООН), имеет *совершенно второстепенное значение*. **В тех случаях, когда речь идет о принятии обязательных решений (резолюций) Совета для поддержания международного мира и безопасности, такие решения приобретают не только юридическую силу в пределах внутреннего правопорядка ООН (что следует естественным образом), но и, что важнее всего, одновременно приобретают нормативный эффект в отношении государств-членов Организации, поскольку у последних на основе вытекающих из Устава международных обязательств имеется обязанность соблюдать и имплементировать в пределах собственного национального правопорядка решения Совета Безопасности.**

Схожим образом функционирует **механизм международного правосудия**. За пределы базовой или «нулевой» органической юрисдикции межправительственной организации не выходит ее способность реализовывать компетенцию по разрешению административных споров (споров с участием собственных органов или персонала организации) и даче консультативных заключений, адресованных своим собственным органам. Полноценная *внешняя цель деятельности* приобретается в случае утверждения уставом организации ее юрисдикции по разрешению споров с участием государств и(ли) частных лиц. Подобная юрисдикция также приобретает **двойную юридическую природу**. Рассмотрение *межгосударственных* споров, например, Международным Судом ООН (согласно п. 1 ст. 34 Статута Суда) всегда имеет два аспекта: внутренний и внешний. *Внутренний аспект* помещает разрешение спора между государствами во внутренний правопорядок ООН, обязательность процедурных мероприятий которого обеспечивается Статутом Международного Суда при условии признания сторонами спора юрисдикции Суда (и распространения ими на себя, таким образом, действия Статута как автономной части меж-

дународного договора по смыслу ст. 92 Устава ООН) – **хотя внутренний правопорядок любой межправительственной организации по умолчанию охватывает только ее собственные органы и персонал, в случае наличия у организации подобной «внешней» судебной юрисдикции тяжущиеся государства для целей конкретного спора при связывании себя международными обязательствами по урегулированию спора подобным образом приобретают в пределах внутреннего правопорядка организации процессуальную правосубъектность**²²⁵. Внешний аспект международной юстиции, на примере все того же положения Международного Суда ООН, заключается в том, что решения Суда, подобно обязательным решениям Совета Безопасности, принимаясь в пределах внутреннего правопорядка Организации (приобретая там первичную правовую силу), **одновременно** приобретают и основанную на международно-правовой силе *внешнюю обязательность* для участвующих в споре государств с целью их соблюдения (по смыслу ст. 59 Статута Международного Суда ООН)²²⁶. Подобное положение дел сохраняется и в том случае, когда доступом к международному правосудию наделены *частные лица*: в таком случае речь идет именно о распространении процессуальной правосубъектности в пределах внутреннего правопорядка международных публичных учреждений на индивидов (а также, в некоторых случаях,

²²⁵ В данном случае приобретение процессуальной правосубъектности такого рода можно в общих чертах осторожно уподобить процессуальному статусу иностранных государств и межправительственных организаций в национальных правопорядках для целей гражданского судопроизводства (см., например: ч. 3 ст. 400, ч. 1–2 ст. 401, гл. 45.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. Ст. 4532; 2022. N 1. Ч. I. Ст. 42). В своем консультативном заключении по делу *Effect of Awards of Compensation Made by the UNAT* Международной Суд ООН также подтвердил, что в случае споров между Организацией и ее сотрудниками в рамках разбирательства в административных трибуналах ООН сама Организация наряду с подавшим жалобу сотрудником будет выступать в качестве процессуального субъекта (*Effect of awards of compensation made by the U. N. Administrative Tribunal, Advisory Opinion of July 13th, 1954: I.C.J. Reports. 1954. P. 53*).

²²⁶ Можно поэтому согласиться с Сейерстедом в том, что судебные решения, вынесенные в рамках межправительственной организации, сущностно приобретают такой же эффект, что и решения иностранных судов для того или иного национального правопорядка (см.: *Seyersted F. Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations* (1). P. 68). Однако при этом международные обязательства государств-членов, касающиеся исполнения подобных судебных решений, на практике никогда не позволяют применение к последним механизма авторизации, который обычно задействуют национальные суды на основе процессуального законодательства по отношению к иностранным судебным и арбитражным решениям для придания им законной силы в пределах государственного правопорядка.

и на юридических лиц) – индивид тем самым приобретает возможность войти во внутренний правопорядок учреждения в качестве истца (или обвиняемого для целей уголовного правосудия, как это устанавливается, например, п. 1–2 ст. 25 Римского Статута Международного Уголовного Суда²²⁷). Наделение такой процессуальной правосубъектностью в пределах внутреннего правопорядка организации *не создает непосредственного подчинения частных лиц международному праву*²²⁸ – так, на примере режима действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и протоколов к ней можно увидеть, что индивиду сообщается особый комплексный статус: *во-первых*, в пределах национальных правопорядков государств-участников Конвенции по итогам ее имплементации к правовому положению индивида приобщается сумма гарантированных Конвенцией прав и свобод (ст. 1 Конвенции); *во-вторых*, для обеспечения выполнения государством своих обязательств другие государства-участники, а также индивиды, группы частных лиц и неправительственные организации по смыслу ст. 33–34 Конвенции приобретают процессуальную правосубъектность в пределах внутреннего правопорядка Совета Европы (охватывающего *по умолчанию* только его собственные органы, включая, прежде всего, Европейский Суд по правам человека, который разрешает споры только на основе входящих во внутренний правопорядок Совета Европы Конвенции и протоколов к ней). Государства-участники Конвенции, таким образом, *обязаны обеспечить* в рамках своих международных обязательств в том числе и возможность индивида реализовать процессуальную правосубъектность в ЕСПЧ (то есть в пределах внутреннего правопорядка Совета Европы).

Описанная *концепция двойной легальности* актов «классических» неправительственных организаций применяется в гораздо более широком масштабе и к случаям наднациональных организаций, так как **внешняя функция**

²²⁷ Rome Statute of the International Criminal Court. The Hague, 2011. P. 1–58.

²²⁸ См.: *Seyersted F.* Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations (2). P. 497.

внутреннего права таких организаций приобретает решающее значение для реализации поставленных уставом учреждения целей²²⁹. В наднациональной организации утверждается орган (или группа органов), ответственный за внешнее правотворчество – задача такого органа как, например, Евразийская экономическая комиссия заключается в том числе в принятии нормативных актов, которые имеют прямое действие на территории государств-членов без дополнительных имплементационных процедур (п. 13 Положения о Евразийской экономической комиссии)²³⁰. **Наднациональное право сохраняет соответствие модели двойной легальности подобно «классическим» межправительственным организациям** – поэтому нормативный акт (решение) ЕЭК, имеющий прямое действие и *приоритет*²³¹ на территории государств-членов ЕАЭС, все еще оказывается актом внутреннего правопорядка Союза (поскольку в любом случае принимается одним из его органов) и, что *важнее всего*, одновременно актом внешнего законодательства для государств-членов, признающимся ими без каких-либо дополнительных процедур обязательным в пределах собственной национальной юрисдикции на основе вытекающих из Договора о ЕАЭС 2014 г. международных обязательств. Соответственно, статус частных лиц как предполагаемых субъектов наднационального правопорядка имеет *комплексный характер: частное лицо оказывается субъектом наднационального правопорядка в том смысле, что оно одновременно: 1) является субъектом национального правопорядка государства-члена организации, в пределах которого имплементировано наднациональное право, непосредственно порождающее для такого лица, наряду с нормами национального законодательства, прямые права и обязанности и 2) является процессуальным субъектом внутреннего правопорядка наднациональной организации (который сам по себе*

²²⁹ См.: *Исполинов А. С.* Цит. соч. С. 155.

²³⁰ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 1 октября 2019 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 октября 2021 г.) // СПС КонсультантПлюс.

²³¹ П. 5 Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г. (P-1/18) // URL: [https://courteurasian.org/upload/iblock/555/2.%20МинЮст%20РБ%20\(решения%20КТС\)%20-%20Консультативное%20заключение%2010.07.2018.pdf](https://courteurasian.org/upload/iblock/555/2.%20МинЮст%20РБ%20(решения%20КТС)%20-%20Консультативное%20заключение%2010.07.2018.pdf) (дата обращения: 06.03.2022).

*по умолчанию охватывает только органы и персонал последней), что означает возможность частного лица в случае нарушения его прав и законных интересов из-за правотворческой и(ли) иной деятельности наднациональных органов обратиться в судебную институцию организации. Для последнего случая на примере ЕАЭС речь соответственно будет идти только о хозяйствующих субъектах, которые, согласно пп. 2 п. 39 Статута Суда ЕАЭС, могут обращаться с жалобами в Суд с целью оспорить решение, действие или бездействие Комиссии, непосредственно затрагивающее права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку такое решение, действие или бездействие повлекло нарушение *гарантированных Договором о ЕАЭС и(ли) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.**

V. Положения действующего Устава²³² Международного Комитета Красного Креста определяют особый правовой статус последнего: 1) Комитет является организацией, официально признанной Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительными протоколами к ним (п. 1 ст. 1 Устава); 2) Комитет является одной из составных частей Движения Красного Креста и Красного Полумесяца (п. 2 ст. 1 Устава); 3) Комитет является *корпоративным юридическим лицом (association)* для целей гражданского законодательства Швейцарии (п. 1 ст. 2 Устава); 4) Комитет является носителем *международной правосубъектности (personnalité juridique internationale)*, для осуществления своего гуманитарного мандата *надеясьсь аналогичным (équivalent)* с международными организациями статусом (п. 2 ст. 2 Устава).

Применение критерия юрисдикции прежде всего демонстрирует наличие у Комитета *определенной корпоративной структуры*: в МККК входят от 15 до 25 членов из числа швейцарских граждан (п. 1 ст. 7 Устава), образующих

²³² Statuts du Comité international de la Croix-Rouge (adoptés le 21 décembre 2017 et entrés en vigueur le 1er janvier 2018) // URL: <https://www.icrc.org/fr/document/statuts-du-comite-international-de-la-croix-rouge> (дата обращения: 06.03.2022).

высший орган Комитета – Ассамблею, из которой формируется ее Совет, а также избирается Президент и Вице-президент Комитета (ст. 9–11 Устава). Ассамблея в том числе реализует внутреннее нормотворчество в Комитете (ст. 17 Устава). Исполнительным органом Комитета, управляющим его персоналом, является Директорат (ст. 12 Устава). **Решающей характеристикой, которая отличает Комитет от положения международных неправительственных организаций и приближает к межправительственным институциям является признание на практике за МККК свойственных последним привилегий и иммунитетов**²³³. Без принятия во внимание других характеристик Комитета это как минимум позволяет говорить о том, что Комитет *претендует* на обладание органической юрисдикцией *для целей международного права* – признание подобных привилегий и иммунитетов *на основе соглашений МККК с различными государствами* указывает на **изъятие из-под юрисдикции последних осуществляемой органами, должностными лицами и служащими Комитета деятельности, размежевание его *acta jure publicum* и *acta jure privatorum***. Гражданская правосубъектность Комитета оказывается поэтому имеющей совершенно *вторичный характер*.

Подобное признание претендующего на сепаратный статус Комитета в международном праве имеет в последнем *конкретные нормативные основания*. Речь идет о наделении Комитета определенными функциями, полномочиями и прерогативами на основе, прежде всего, Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительного протокола I к ним, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. (Протокол I) – хотя эти соглашения и не имеют *всеобъемлющего учредительного характера*

²³³ Так, заключенное между МККК и Швейцарией Соглашение наделяет Комитет *иммунитетами, предоставляемыми межправительственным организациям* (ст. 3–16 Соглашения) (Agreement between the International Committee of the Red Cross and the Swiss Federal Council to Determine the Legal Status of the Committee (1993) // International Review of the Red Cross. 1993. No. 293. P. 152–160). Аналогичные положения содержит и заключенное на год раньше указанного договора Соглашение МККК с Правительством РФ о статусе российской делегации Комитета (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным комитетом Красного Креста (МККК) о статусе МККК и его Делегации (Представительства) на территории Российской Федерации от 24 июня 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 2006. N 3. С. 3–8). Множество соглашений со схожими гарантиями привилегий и иммунитетов было заключено МККК и с другими странами (см., например: *Бюньон Ф.* Цит. соч. С. 1299–1300).

по отношению к Комитету (МККК не был создан на их основе и, разумеется, функционировал в качестве гражданской ассоциации задолго до заключения этих договоров), тем не менее можно говорить о том, что **эти соглашения имеют учредительное значение для непосредственного введения МККК в международный правопорядок в качестве самостоятельного актора путем добавления к общей гуманитарной миссии Комитета отдельных функций на основе именно межправительственного мандата**²³⁴. Поскольку такое введение обусловлено достижением соглашения на этот счет между коллективом государств-членов Женевских конвенций и Дополнительных протоколов, то можно говорить о невозможности для МККК самостоятельно решать свою юридическую судьбу именно в отношении тех функций и полномочий, которые непосредственно сообщаются ему международным правом (что же касается существования Комитета как социальной единицы

²³⁴ Так, с согласия участвующих в вооруженном конфликте сторон МККК может взять на себя выполнение гуманитарных функций, осуществляемых державами-покровительницами, в качестве *субститута* последних (ст. 10, общая для всех Женевских конвенций, п. 4 ст. 5 Протокола I) (Женевская Конвенция об обращении с военнопленными (12 августа 1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. XVI. С. 125–204; Дополнительный Протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (8 июня 1977 г.) // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI. С. 134–182). Согласно ст. 112 Женевской конвенции об обращении с военнопленными (III Женевской конвенции) с начала вооруженного конфликта должны быть назначены смешанные медицинские комиссии для освидетельствования больных и раненых военнопленных и для принятия всех необходимых решений о них – МККК *назначает* двух из трех членов таких комиссий (ст. 2 Положения о смешанных медицинских комиссиях, прилагаемое к III Женевской конвенции). МККК *должен хранить* направляемые государствами-участниками Протокола I списки специального персонала в каждом из этих государствах, содействующего применению Конвенций и Протокола, поскольку такой персонал может оказать поддержку осуществлению державой-покровительницей либо ее субститутом своих функций (п. 3 ст. 6 Протокола I). *Стороны вооруженного конфликта обязываются предоставлять Комитету все средства в пределах их возможностей, позволяющие ему выполнять гуманитарные функции*, возложенные на него Конвенциями и Протоколом I с целью обеспечения защиты и помощи жертвам вооруженных конфликтов (п. 1 ст. 81 Протокола I). Особую роль Комитет играет в механизме пересмотра Приложения I (о правилах, касающихся опознания) к Протоколу I, *обязуясь следить* за актуальностью его технических предписаний. Как устанавливается п. 1 ст. 98 Протокола I, не позднее, чем через четыре года после вступления в силу последнего (а затем: через интервалы не менее четырех лет), МККК, если сочтет необходимым, *может предложить созвать* совещание технических экспертов для пересмотра Приложения I и предложения таких поправок к нему, которые могут оказаться желательными. Если в течение шести месяцев после передачи государствам-участникам Протокола I такого предложения не поступит возражений от одной трети государств-участников, то Комитет *созывает* такое совещание и *приглашает* также наблюдателей от соответствующих межправительственных организаций. Такое совещание также может быть *созвано* Комитетом в любое время по просьбе одной трети государств-участников. Депозитарий Протокола I созывает конференцию его государств-участников, а также государств-участников Женевских конвенций для рассмотрения поправок, предложенных совещанием технических экспертов, если после проведения такого совещания сам Комитет или одна треть государств-участников *будут просить* об этом (п. 2 ст. 98 Протокола I).

вообще, то, в принципе, предусмотрена возможность его *самороспуска*²³⁵). Таким образом, применение критерия независимости демонстрирует **несуверенную степень независимости Комитета** в рамках международного права.

Из наличия защищенных публично-правовыми привилегиями и иммунитетами собственных органов и персонала и прямой подчиненности (несуверенного характера) международному праву вытекает подтверждаемая практикой способность к непосредственному принятию Комитетом на себя международных обязательств путем участия в международном правотворчестве (посредством заключения международных соглашений)²³⁶, а также способность к непосредственному несению ответственности за нарушение подобных обязательств²³⁷ – таким образом, **Комитет в настоящий момент действительно является субъектом международного права**²³⁸ как **несуверенное нетерриториальное учреждение**, что тем самым *сближает* Комитет с межправительственными организациями в самых общих чертах его юридической природы.

VI. В настоящий момент лишь одна самостоятельная политическая (политико-правовая) единица может быть причислена к категории **национально-освободительных движений** – это основанная в 1964 году **Организация**

²³⁵ П. 4 ст. 16 Устава МККК гласит: «В случае роспуска ассоциации имеющиеся активы должны быть целиком переданы одному или нескольким учреждениям, преследующим гуманитарные цели и пользующимся освобождением от налогов» («En cas de dissolution de l'association, l'actif disponible sera entièrement attribué à une ou plusieurs institutions poursuivant un but humanitaire et bénéficiant de l'exonération de l'impôt»).

²³⁶ Помимо упомянутого ранее множества соглашений о размещении делегаций МККК в различных государствах см., например: Agreement between the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia and the ICRC on Procedures for Visiting Persons held on the Authority of the Tribunal (1995) // International Review of the Red Cross. 1996. No. 311. P. 238–242; Protocol amending the Agreement on the Relations between the International Commission for the International Tracing Service and the International Committee of the Red Cross (2006) // UK Treaty Series. 2011. No. 20. P. 7–9. Ст. 19 упомянутого Соглашения с Правительством РФ о делегации Комитета в России 1992 г. *прямо называет первое международным договором*. См. также: Yearbook of the International Law Commission. 1982. New York, 1983. Vol. II. Part 2. P. 22.

²³⁷ Ст. 20 упомянутого Соглашения со Швейцарией о статусе МККК 1993 г. прямо устанавливает, что Швейцария не несет, в силу деятельности МККК на ее территории, никакой *международной ответственности* за действия или бездействие МККК или его сотрудников. **Негативным образом несение Комитетом именно международной ответственности за противоправные *acta jure publicum* с его стороны подтверждается в силу признания государствами за МККК суммы привилегий и иммунитетов, аналогичных привилегиям и иммунитетам межправительственных организаций – обладание таким статусом в принципе не позволяет оспаривать публично-правовые соглашения с Комитетом в национальных судах (возможным оказывается лишь привлечение Комитета к гражданской ответственности за его неправомерные *acta jure gestionis*) и переводит все потенциальные споры относительно надлежащего соблюдения таких соглашений на уровень международных споров.**

²³⁸ Ст. 1 упомянутого Соглашения со Швейцарией о статусе МККК 1993 г. содержат прямое признание со стороны швейцарского Федерального Совета *международной юридической личности (international juridical personality)* Комитета.

Освобождения Палестины, признаваемая ООН с 1974 года единственным законным представителем палестинского народа²³⁹.

Применение критерия юрисдикции прежде всего демонстрирует наличие у ООП собственной *нетерриториальной* публичной структуры. Так, путем прямых выборов из общин арабов-палестинцев формируется Национальный Совет – главный орган Организации (ст. 5, п. «а» ст. 7 Основного Закона ООП)²⁴⁰. Им избирается Исполнительный Комитет ООП, действующий в качестве высшего административного органа (п. «а» ст. 13, ст. 15 Основного Закона). Именно он несет главную ответственность за представительство палестинского народа (п. «а» ст. 16 Основного Закона). Председатель Исполнительного Комитета ООП при этом *одновременно* занимает должность Президента Палестинской Национальной Администрации (провозглашенного Государства Палестина), о которой подробно будет сказано далее²⁴¹. Под руководством Исполнительного Комитета формируются вооруженные силы Организации (ст. 23 Основного Закона)²⁴². *Внутренний правопорядок ООП* составляет Палестинская Национальная Хартия, Основной Закон и издаваемые различными органами Организации подзаконные акты (ст. 2 Основного Закона). Организацией были также приняты военный уголовный и уголовно-процессуальный «революционные» кодексы, которые применяются внутренними судами

²³⁹ См., например: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/3210 (XXIX)) «Приглашение Организации освобождения Палестины», принятая 14 октября 1974 г.

²⁴⁰ The Basic Law of the Palestine Liberation Organisation (1991) // Towards Palestinian National Reconciliation. Reference Texts. Ramallah; Geneva, 2011. P. 14–17.

²⁴¹ После провозглашения создания второго Государства Палестина Палестинским Национальным Советом 15 ноября 1988 года Исполнительный Комитет ООП был определен в качестве *внешнего временного правительства Государства* (Resolution No. 2 to Form the Provisional Government of the State of Palestine (1988), para. 5 // Palestine Yearbook of International Law. 1987–1988. Nicosia, 1989. Vol. IV. P. 312). Система договоренностей 1993–1994 гг. между Израилем и ООП по поводу создания Палестинской администрации предусматривала, что Председатель Исполкома ООП откажется от использования обращения «Президент Государства Палестины» в пользу обращения «Председатель Палестинской Национальной Администрации», что свидетельствовало о *заморозке* реализации палестинского государственного проекта (Exchange of Letters between the PLO and the Government of the State of Israel (1994), para. 4 // Palestine Yearbook of International Law. 1992/1994. Nicosia, 1995. Vol. VII. P. 377–384).

²⁴² 7 июня 1982 г. ООП сделала одностороннее заявление о начале применения ею Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола I с учетом того, что положения последнего прямо охватывают вооруженные конфликты, «в которых народы ведут борьбу против колониального господства и *иностранной оккупации* (выделено автором, А. М.), и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение» (п. 4 ст. 1 Протокола I) (см.: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета / Пер. с фр. М., 2011. С. 239).

ООП к ее вооруженным силам, а также к иным лицам в случае, если те посягают на безопасность и интересы вооруженных сил Организации²⁴³. Однако сущностно нетерриториальный юрисдикционный механизм Организации *pretendует* на определенную особенность: внутреннее право Организации утверждает за ООП не только органическую, но и **личную юрисдикцию**. Согласно ст. 4 Основного Закона 1991 г. «*прирожденными*» членами Организации провозглашаются все арабы-палестинцы, что формально должно демонстрировать установление между представителями палестинского народа и Организацией тесной политико-правовой связи, в некотором смысле *аналогичной* институту гражданства. Подобное положение дел прежде всего позволяет ООП оперировать специфическими *финансовыми полномочиями* – организовывать через Палестинский Национальный Фонд *взимание особого нетерриториального налога с палестинцев* (п. «а» ст. 25 Основного Закона). Такое обложение, впрочем, возможно осуществлять только в тех арабских государствах, с которыми ООП *согласовала* подобный сбор, в результате чего в национальном законодательстве таких государств должны были быть предусмотрены соответствующие изъятия на этот счет²⁴⁴. Таким образом, остается открытым вопрос о том, стоит ли всерьез воспринимать упомянутые выше уставные полномочия ООП о всеобщем членстве палестинского народа в ней как указание на полноценную *личную юрисдикцию* Организации, если в действительности функционирует лишь юрисдикция органическая с учетом действия специально согласованных в конкретных случаях внешних фискальных полномочий Организации по отношению к палестинским общинам в некоторых странах.

Применение критерия независимости демонстрирует **суверенный характер самостоятельности** ООП (что, впрочем, не наделяет ее *аналогичным* государственному суверенитетом) – Организация *не возникла*, в отличие от

²⁴³ См.: Kassim A. F. Op. cit. P. 27; Abusive System Failures of Criminal Justice in Gaza. New York, 2012. P. 14–15.

²⁴⁴ См.: Kassim A. F. Op. cit. P. 25.

появившейся в дальнейшем Палестинской администрации, на основе какого-либо международного соглашения и способна самостоятельно решать свою юридическую судьбу²⁴⁵. С учетом утверждения структуры, претендующей на осуществление автономной органической юрисдикции, Организация постепенно приобрела признание в качестве субъекта международного права с особой *внешней целью*: представительством интересов палестинского народа и содействием реализации его самоопределения. ООП заключает от своего имени международные соглашения²⁴⁶, а до момента полного размораживания реализации проекта палестинской государственности в 2011 году активно поддерживала и собственные дипломатические отношения²⁴⁷, отправляла наблюдательные миссии на международные конференции²⁴⁸, в ООН, ЮНЕСКО и ЮНИДО²⁴⁹, а также реализовывала *самостоятельное членство* в Лиге Арабских Государств и некоторых других региональных и конфессиональных межправительственных организациях²⁵⁰.

Можно сделать вывод, что Организация Освобождения Палестины выступает в качестве отдельной международной единицы, принадлежа к числу

²⁴⁵ Можно, в связи с этим, согласиться с обозначением Кассимом ООП как *образования, возникшего по собственной инициативе (self-proclaimed entity)*, **самоучреждение** которого произошло по итогам собрания первого Палестинского Национального Совета в Иерусалиме 20 мая 1964 года (Ibid. P. 18).

²⁴⁶ Помимо рассмотренной ранее системы международных договоров 1993–1994 гг. между ООП и Израилем, посвященных созданию Палестинской администрации, см., например, также: Unified Agreement for the Investment of Arab Capital in the Arab States (1980) // International Investment Instruments: A Compendium. New York, 1996. Vol. II. P. 211–218; Economic Cooperation Agreement between the Hashemite Kingdom of Jordan and the Palestine Liberation Organisation (1994) // Palestine Yearbook of International Law. 1994/95. Nicosia, 1996. Vol. VIII. P. 163–165; Protocol Concerning Safe Passage between the West Bank and the Gaza Strip, between Israel and the Palestine Liberation Organization, October 5, 1999 // Ibid. 2000/2001. Nicosia, 2002. Vol. XI. P. 343–350.

²⁴⁷ В 1985 году ООП имело дипломатические представительства или постоянных представителей уже в 87 государствах (Ibid. 1985. Nicosia, 1986. Vol. II. P. 189–190). Дипломатическим представительствам ООП до их окончательного преобразования в представительства Государства Палестина предоставлялись *соответствующие их статусу привилегии и иммунитеты*.

²⁴⁸ См., например: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/3237 (XXIX)) «Статус наблюдателя для Организации освобождения Палестины», принятая 22 ноября 1974 г.

²⁴⁹ См.: Palestine Yearbook of International Law. 1985. Vol. II. P. 189. Предоставление в 2012 году статуса наблюдателя при ООН Государству Палестина было произведено «без ущерба для приобретенных прав, привилегий и роли Организации освобождения Палестины в Организации Объединенных Наций как представителя палестинского народа согласно соответствующим резолюциям и практике» (п. 2 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/67/19) «Статус Палестины в Организации Объединенных Наций», принятая 29 ноября 2012 года). Иными словами, **текущая наблюдательная миссия Государства Палестина при ООН продолжает включать в себя и представителей ООП**.

²⁵⁰ См.: Kassim A. F. Op. cit. P. 21–22.

суверенных нетерриториальных учреждений, образующих тем самым очередную (четвертую) фундаментальную категорию в рамках классификации субъектов международного права.

В настоящий момент *наряду и в тесной связи* с ООП функционирует образование, которое претендует на *схожее с вольными городами положение* – это **Палестинская Национальная Администрация** (исходя из той точки зрения, при которой не признается провозглашение Государства Палестина²⁵¹). Ст. I Декларации принципов о механизмах временного самоуправления, подписанная Организацией Освобождения Палестины и Израилем 13 сентября 1993 г.²⁵², определяет Палестинскую администрацию, ядром которой является ее законодательный совет, в качестве *палестинской власти временного самоуправления (Palestinian Interim Self-Government Authority)*. Территориальная и личная юрисдикция ПНА, реализуемая в форме законодательных, исполнительных и судебных полномочий (за исключением несогласованных между сторонами вопросов: об Иерусалиме, израильских поселениях и военных объектах, а также юрисдикции над израильянами), распространяется на Западный берег и сектор Газа (ст. IV Декларации, п. 1–3 ст. V Соглашения Газа-Иерихон между ООП и Израилем 1994 г.²⁵³), которые рассматриваются для этих целей как *единая территориальная единица (single territorial unit)*. **Власть над территорией и населением Западного берега и сектора Газа** **вверяется не самой ООП, а именно «существенно территориальному» образованию: Палестинской администрации, публичная организация (система органов и правопорядок) которой не является частью публичной организации ООП, а существует параллельно с ней.** Принимаемое Пале-

²⁵¹ Так, Российская Федерация после 2013 года уже вступает в договорные правоотношения *именно* с Государством Палестина (см., например: Меморандум о взаимопонимании между Министерством здравоохранения Российской Федерации и Министерством здравоохранения Государства Палестина от 24 января 2014 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. N 11. С. 50–56; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Палестина о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 11 ноября 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 2018. N 2. Ст. 406).

²⁵² Declaration of Principles on Interim Self-Government Arrangements (1993) // Palestine Yearbook of International Law. 1992/1994. Vol. VII. P. 232–242.

²⁵³ Agreement on the Gaza Strip and the Jericho Area. Cairo, May 4, 1994 // Ibid. P. 243–399.

стинской администрацией законодательство должно соответствовать положениям Соглашения Газа-Иерихон (п. 2 ст. VII Соглашения)²⁵⁴. Израильская военная и гражданская администрация в процессе вывода с территории сектора Газа и Западного берега **уступает** создаваемой Палестинской администрации прежде всего полномочия в сфере образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения, прямого налогообложения, туризма, создания собственных полицейских сил (ст. VI Декларации)²⁵⁵. При этом **за ПНА не закрепляется возможности вести полноценные внешнеполитические сношения**, что включало бы в себя: создание за рубежом посольств, консульств или других видов иностранных миссий и должностей или разрешение на их создание в секторе Газа или районе Иерихона, назначение или допуск дипломатического и консульского персонала, а также осуществление дипломатических функций (пп. «b» п. 1 ст. V, пп. «a» п. 2 ст. VI Соглашения Газа-Иерихон). Однако для целей Соглашения Газа-Иерихон не будут считаться полноценными внешнеполитическими сношениями *договоренности (dealings)* с представителями иностранных государств и международных организаций, которые Организация Освобождения Палестины может заключать *в интересах (for the benefit)* Администрации, и создание для реализации этих соглашений иностранных представительств на территории Администрации (пп. «b, c» п. 2 ст. VI Соглашения Газа-Иерихон)²⁵⁶. К таким договоренностям относятся: экономические соглашения, соглашения со странами-донорами о предоставлении

²⁵⁴ Принятое Палестинской администрацией законодательство должно сообщаться совместному комитету представителей Израиля и ПНА – Израиль может поставить на совместное обсуждение вопрос о том, не выходит ли такое законодательство за рамки юрисдикции Палестинской администрации или иным образом не соответствует положениям данного Соглашения (ст. VII Соглашения Газа-Иерихон).

²⁵⁵ *Правопреемство* также произошло в отношении активов, архивов и финансовых обязательств израильской гражданской администрации в секторе Газа и на Западном берегу (ст. XXII Соглашения Газа-Иерихон, пп. 27–28, 38 п. «B» ст. II Протокола по гражданским вопросам).

²⁵⁶ Ст. 40 Основного Закона Палестинской администрации 2003 г. наделяет Председателя ПНА правом назначать и прекращать службу делегатов Администрации в иностранных государствах, международных организациях и иностранных учреждениях; Председатель также принимает аккредитацию иностранных делегатов при ПНА (The Amended Basic Law of 2003 // Towards Palestinian National Reconciliation. Reference Texts. P. 18–33). Так, в 1995 году при ПНА было аккредитовано уже 10 иностранных послов (см.: Palestine Yearbook of International Law. 1994/95. Vol. VIII. P. 209). Впрочем, Израиль настаивал на **отсутствии какого-либо политического, дипломатического или консульского статуса у иностранных представительств, аккредитованных в ПНА** (см.: Singer J. Op. cit. P. 289–290).

помощи Палестинской администрации, соглашения с целью реализации планов регионального развития и соглашения в области культуры, науки и образования. Вплоть до провозглашения в 2013 году правительственных учреждений ПНА органами публичной власти Государства Палестина подобные соглашения неоднократно заключались либо ООП от имени и по поручению Палестинской администрации, либо представителями самой ПНА²⁵⁷.

Анализ с точки зрения критерия юрисдикции демонстрирует **существенно территориальный характер** Палестинской администрации в отличие от ООП – с учетом определенных изъятий в пользу Израиля, о которых уже было упомянуто ранее, ПНА обладает органической, территориальной и личной юрисдикцией (т. е. имеет собственные органы и персонал, а также территорию с населением). С позиции же критерия независимости можно обнаружить явно **несуверенный характер независимости** Палестинской администрации: хотя она и не является частью Государства Израиль и, таким образом, представляет собой обособленное и непосредственно подчиненное международному праву территориальное образование, ее статут базируется на международных соглашениях между ООП и Израилем, что лишает ПНА возможности самостоятельно решать свою юридическую судьбу впредь до достижения окончательного решения о постоянном статусе между ООП и Израилем. К тому же, собственная способность принимать на себя международные обязательства *серьезно ограничена* учредительными договорами Администрации – та не может заключать соглашения политического характера и поддерживать

²⁵⁷ См., например: Cooperation Agreement in Monetary and Banking Fields between The Government of the Hashemite Kingdom of Jordan and The Palestinian National Authority (signed in Amman on January 26, 1995) // Palestine Yearbook of International Law. 1994/95. Vol. VIII. P. 167–168; Abkommen zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Palästinensischen Befreiungsorganisation zugunsten der Palästinensischen Behörde über die Förderung und den gegenseitigen Schutz von Kapitalanlagen (10. Juli 2000) // Bundesgesetzblatt. 2005. Teil II. Nr. 12. S. 527–534; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Организацией освобождения Палестины, представляющей интересы Палестинской национальной администрации, о правовом статусе и деятельности музейно-паркового комплекса в г. Иерихоне (Заключено в г. Вифлееме 26.06.2012) // Бюллетень международных договоров. 2013. N 5. С. 92–96. После 2013 года соглашения именно с участием ПНА продолжают заключаться с теми странами, которые не признали провозглашения Государства Палестина. См., например: Interim Political, Trade and Partnership Agreement between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the one part, and the Palestine Liberation Organization (PLO) for the benefit of the Palestinian Authority of the West Bank and the Gaza Strip, of the other part Ramallah, 18 February 2019 // UK Miscellaneous Treaty Series. 2019. No. 14. P. 1–47.

в связи с этим полноценные дипломатические и консульские сношения. Таким образом, наличие, с одной стороны, существенно территориальной и тем самым уподобляющейся государственной юрисдикции (органической, территориальной и личной), и, с другой стороны, несuverенный характер самостоятельности (независимости) явным образом указывают на обособленное от ООП положение Палестинской администрации как носителя международной правосубъектности в качестве **несuverенного территориального образования**, подобно вольным городам и другим самоуправляющимся территориальным единицам, созданным на основе международных соглашений.

VII. В настоящий момент только две **религиозные институции** претендуют на широкое признание их международной правосубъектности – это Святой Престол и Мальтийский Орден.

Опираясь на официальную позицию самого **Святого Престола** по поводу собственного статуса и статуса **Государства Город Ватикан**²⁵⁸, на основе анализа практики можно сделать вывод, соответствующий именно дуалистической позиции авторов, подробно рассмотренной в предыдущей главе – **в настоящий момент Св. Престол и Город Ватикан представляют собой две самостоятельные политические (политико-правовые) единицы, возникшие в разное друг от друга время и обладающие различной юридической природой.**

Святой Престол, чья публичная правосубъектность уходит корнями еще в раннее Средневековье, к XIX веку функционировал в качестве сепаратного религиозно-политического тела – руководящего центра Католической Церкви, образуя некоторое подобие унии с Папским государством (как государством месторасположения учреждений Св. Престола): и Св. Престол, и Папское гос-

²⁵⁸ См., например: Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Consideration of Reports Submitted by States Parties under Article 9 of the Convention Sixteenth to Twenty-Third Periodic Reports of States Parties due in 2014: Holy See (CERD/C/VAT/16-23). Para. 6–14.

ударство в рамках такой конструкции выступали в международных правоотношениях каждый от своего имени²⁵⁹, имея при этом обособленное друг от друга публичное устройство и в то же время общее руководство в лице Верховного Понтифика, который тем самым **одновременно** действовал в роли главы Церкви и правителя светского территориального образования. После присоединения Папского государства к Италии Св. Престол сохранил признание в качестве **нетерриториального международного лица**, продолжив вступать в международные правоотношения от своего имени²⁶⁰. Образование в результате заключения 11 февраля 1929 года Латеранского Договора между Св. Престолом и Италией²⁶¹ Государства Город Ватикан как нового папского государства (*nuovo stato pontificio*) привело к воссозданию унии: Верховный Понтифик вновь одновременно встал не только во главе руководства Церкви: Св. Престола, но и нового государства пребывания учреждений Св. Престола (заменившего Италию): Города Ватикан²⁶².

Применение критерия юрисдикции к Святому Престолу демонстрирует наличие у последнего *универсальной власти, охватывающей всю Католическую Церковь*²⁶³. Однако эта **всеобщая церковная власть не действует в измерении публичного права** – она не защищена публично-правовыми привилегиями и иммунитетами, относящимися к Св. Престолу, и поэтому, например, поведение церковных учреждений и должностных лиц *не может* быть само

²⁵⁹ См. примеры международных договоров *с участием Св. Престола* (заключались по церковным вопросам): Convention with France, relative to Ecclesiastical Affairs. Rome, 11th June, 1817 // British and Foreign State Papers. 1816–1817. London, 1838. P. 514–515; Конкордат, заключенный с Римом в 1847 г. // *Понов А. Н.* Последняя судьба папской политики в России. 1845–1867 гг. СПб., 1868. С. 244–250. См. примеры международных договоров *с участием Папского государства* (заключались по вопросам политического, экономического и иного характера): Convention with Austria, relative to the Passage of Austrian Troops through the Papal Territory. Rome, 14th August, 1815 // British and Foreign State Papers. 1814–1815. London, 1839. P. 1096–1103; Convention with France, relative to Postal Communications. Rome, 9th August, 1838 // Ibid. London, 1857. Vol. XXVIII. P. 1090–1098.

²⁶⁰ См., например: Concordat with Portugal. Ecclesiastical Jurisdiction in India. Rome, 23rd June, 1886 // Ibid. London, 1893. Vol. LXXVII. P. 1141–1147; Poland. Concordat. Rome, February 10, 1925 // Ibid. London, 1930. Vol. CXXII. P. 835–844.

²⁶¹ Trattato fra la Santa Sede e l'Italia (1929 Febr. 11) // Acta Apostolicae Sedis. Commentarium Officiale. Romae, 1929. Vol. XXI. P. 209–294.

²⁶² См.: *Sarais A.* La cittadinanza vaticana. Città del Vaticano, 2012. P. 21–22.

²⁶³ Кан. 331 Кодекса канонического права 1983 г. гласит, что Верховный Понтифик (который отождествляется со Святым Престолом *in stricto sensu*) «пользуется в Церкви верховной, полной, непосредственной и универсальной ординарной властью, которую он всегда может свободно осуществлять» (Кодекс канонического права. М., 2007. С. 47–624).

по себе присвоено последнему в рамках вменения международной ответственности²⁶⁴. Это возможно лишь в отношении элементов **институциональной структуры самого Св. Престола**, который *in lato sensu* состоит из Верховного Понтифика как главы Церкви и Римской Курии (кан. 361 Кодекса канонического права 1983 г.). Последняя представляет собой администрацию, аппарат Понтифика, действуя в качестве системы органов и персонала, которые именем и властью Папы содействуют ему же в осуществлении верховного управления Церковью и представлении ее интересов в международном сообществе (кан. 360 Кодекса канонического права 1983 г.). **Именно в пределах Св. Престола (ограниченного персоной Верховного Понтифика и Римской Курией) церковная власть Папы и каноническое право Церкви вступают в публично-правовое измерение, защищенное предоставленными международным правом иммунитетами и привилегиями – действие международных обязательств Св. Престола, таким образом, не выходит за его собственные институциональные пределы (органическую юрисдикцию) и не распространяются на Католическую Церковь *в целом*; в возможных случаях вменения международной ответственности за нарушение Св. Престолом своих обязательств ему по умолчанию будет атрибутировано только поведение его собственных органов и персонала.** Отсутствие собственной территории и населения обозначает необходимость наличия *внешней цели* деятельности для Св. Престола – этой целью, как уже отмечалось ранее, является осуществление духовно-религиозного управления Католической Церковью и представительство ее интересов в международном сообществе. Применение критерия независимости к Святому Престолу демонстрирует его непосредственное подчинение международному праву – Св. Престол заклю-

²⁶⁴ Comments to Concluding Observations Holy See on the *Concluding Observations* of the Committee on the Rights of the Child (2014). Para. 4, 9–10 // URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CRC/Shared%20Documents/VAT/INT_CRC_COB_VAT_18491_E.pdf (дата обращения: 06.03.2022)

чает *от своего имени* двусторонние (преимущественно по церковным вопросам)²⁶⁵ и многосторонние международные договоры²⁶⁶, поддерживает дипломатические отношения со 182 государствами, Европейским Союзом и Мальтийским Орденом, а также реализует членство либо имеет наблюдательную миссию в различных межправительственных организациях²⁶⁷. В основе существования самого Св. Престола *не лежит* действие какого-либо международного договора – данная самостоятельная политическая единица обладает способностью независимо решать свою юридическую судьбу, что позволяет обозначить ее как носителя суверенитета. Таким образом, обладание только собственными органами и персоналом, но не территорией с населением (отсутствие какой-либо юрисдикции кроме органической) и наличие при этом суверенной степени независимости также позволяет причислить Св. Престол к такой фундаментальной категории международных лиц как **суверенные нетерриториальные учреждения**.

Юридическая личность Святого Престола не поглощает Государство Город Ватикан как самостоятельную политическую (политико-правовую) единицу. Критерий юрисдикции применительно к последнему демонстрирует наличие у него «существенно территориальной» и обособленной от Св. Престола системы органов публичной власти: законодательной, исполнительной и судебной с правителем Государства по главе (которым является по совместительству руководящий Св. Престолом Верховный Понтифик)²⁶⁸. По-

²⁶⁵ С учетом упомянутых ранее Латеранских пактов, заключенных Святым Престолом с Италией, см. также, например: *Inter Apostolicam Sedem et Consilium Foederatarum Helvetiae Civitatum de Dioecesi Basileensi* (1978 Jul. 19) // *Acta Apostolicae Sedis. Commentarium Officiale*. Città del Vaticano, 1978. Vol. LXX. P. 468–470; *Conventio inter Sanctam Sedem et Gubernium Reipublicae Italiae de rebus fiscalibus* (2015 Apr. 1) // *Ibid*. Città del Vaticano, 2016. Vol. CVIII. P. 1263–1287.

²⁶⁶ См., например: *Vienna Convention on Diplomatic Relations, done at Vienna on 18 April 1961. Ratification by the Holy See of 30 April 1964* (C.N.59.1964.TREATIES-6); *Vienna Convention on the Law of Treaties, done at Vienna on 23 May 1969. Ratification by the Holy See of 15 March 1977* (C.N.64.1977.TREATIES-1).

²⁶⁷ См.: *Diplomatic Relations of the Holy See*. URL: <https://holyseemission.org/contents/mission/diplomatic-relations-of-the-holy-see.php#iio> (дата обращения: 06.03.2022).

²⁶⁸ Папа в качестве Суверена обладает полной законодательной, исполнительной и судебной власти (п. 1 ст. 1 Основного Закона Государства Город Ватикан 2000 г.); Понтификальная Комиссия Города Ватикан во главе с Президентом представляет собой формируемый Папой-Сувереном коллегиальный законодательный орган, в том числе утверждающий государственный бюджет (п. 1 ст. 3, ст. 12 Основного Закона); *Губернаторство* (*Governatorato*) является централизованной системой органов исполнительной власти во главе с Президентом,

мимо территории, Город Ватикан обладает и собственным населением с момента образования Государства²⁶⁹. Хотя главное основание для приобретения гражданства в Городе Ватикан базируется на *jus officii* (связано со службой в органах Св. Престола или Города Ватикан)²⁷⁰, а не на *jus soli* или *jus sanguinis*, этот факт сам по себе не умаляет значение института гражданства в Государстве. Организуя столь необычное для практики наполнение своего населения, **Город Ватикан осуществляет суверенную прерогативу устраивать собственный институт гражданства любым подходящим образом в интересах Государства (которые связаны, в свою очередь, с обеспечением полноты независимости Св. Престола и содействием реализации миссии последнего)**, поскольку такая прерогатива в данном случае не ограничена конкретными обязательствами по международному праву²⁷¹. Город Ватикан *от своего имени* заключает международные соглашения²⁷², реализует членство в межправительственных организациях *неполитического характера*²⁷³. При этом

должность которого всегда одновременно занимает лицо, назначаемое Папой-Сувереном Президентом упомянутой законодательной Комиссии (п. 1 ст. 5 Основного Закона, ст. 1–2 Закона о правительстве Города Ватикан 2018 г.); судебная власть реализуется Трибуналом (судом первой инстанции), Апелляционным Судом и Кассационным Судом (ст. 1 Закона о судебной системе Города Ватикан 2020 г.) (Legge fondamentale dello Stato della Città del Vaticano (26 novembre 2000) // Acta Apostolicae Sedis. Supplemento per le leggi e disposizioni dello Stato della Città del Vaticano. Anno LXXI. Num. 18. Città del Vaticano, 2000. P. 74–83; Legge sul Governo dello Stato della Città del Vaticano: N. CCLXXIV (2018) // URL: <https://www.vaticanstate.va/phocadownload/leggi-decreti/Legge%20CCLXXIV%20Legge%20sul%20Governo%20dello%20Stato%20della%20Citta%20del%20Vaticano.pdf> (дата обращения: 06.03.2022); Legge sull'ordinamento giudiziario dello Stato della Città del Vaticano: N. CCCLI (16 marzo 2020) // URL: <https://www.vaticanstate.va/phocadownload/leggi-decreti/normativa-generale/legge%20CCCLI%20All.%203.pdf> (дата обращения: 06.03.2022)).

²⁶⁹ Legge sulla cittadinanza ed il soggiorno, 7 giugno 1929, n. III // Acta Apostolicae Sedis. Supplemento per le leggi e disposizioni dello Stato della Città del Vaticano. Pontificato di S. S. Pio XI – Anno VIII. Città del Vaticano, 1929. P. 14–20.

²⁷⁰ Legge sulla cittadinanza, la residenza e l'accesso: N. CXXXI (22 febbraio 2011) // URL: <https://www.vaticanstate.va/phocadownload/leggi-decreti/Leggesullacittadinanzalaresidenzaelaccesso.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).

²⁷¹ Следует согласиться с актуальностью прозвучавшего еще в деле *Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco* вывода Постоянной Палаты Международного Правосудия о том, что при отсутствии проистекающих из международных обязательств конкретных ограничений института гражданства, его регулирование относится к *domaine réservé* (Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco: PCIJ Series B. No. 4. P. 24).

²⁷² См., например: Exchange of Notes regarding the Reciprocal Abolition of Passport Visas. Rome, March 23rd, 1935, and the Vatican, March 23rd, 1935 // League of Nations Treaty Series. Lausanne, 1936. Vol. CLXVII. P. 386–387; Agreement for the Application of Safeguards in Connection with the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (with Protocol). Signed at Vienna on 26 June 1972 // United Nations Treaty Series. New York, 1976. Vol. 895. P. 156–231; Monetalis pactio inter Statum Civitatis Vaticanae et eius opera inter Sanctam Sedem et Communitatem Europaeam (2009 Dec. 17) // Acta Apostolicae Sedis. Commentarium officiale. Città del Vaticano, 2010. Vol. CII. P. 60–65.

²⁷³ См.: Diplomatic Relations of the Holy See. URL: <https://holyseemission.org/contents/mission/diplomatic-relations-of-the-holy-see.php#iio> (дата обращения: 06.03.2022).

Верховный Понтифик как Суверен Города Ватикан *отказался* создавать в последнем собственное внешнеполитическое ведомство, препоручив в необходимых случаях реализовывать международное представительство Города Ватикан соответствующему органу Св. Престола – Государственному Секретариату (ст. 2 Основного Закона Города Ватикан 2000 г.). Это означает, что в большинстве случаев международные соглашения Города Ватикан заключаются уполномоченными представителями именно Св. Престола, которые, однако, в таких случаях действуют не от имени последнего, но от имени и по поручению (*a nome e per conto*) Города Ватикан. На практике также имеются примеры, когда и Св. Престол, и Город Ватикан **одновременно** становились участниками одних и тех же трехсторонних и многосторонних соглашений²⁷⁴. Таким образом, в отличие от Св. Престола Город Ватикан обладает государственным статусом и, следовательно, является **суверенным территориальным образованием**.

Политическая правосубъектность **Суверенного Мальтийского Ордена** уходит корнями в Средневековье. После потери обладания островом Мальта в 1798 году Ордену удалось сохранить в XIX веке свое правовое положение в качестве *нетерриториальной международной единицы*, имея возможность вступать в договорные правоотношения²⁷⁵ и пользоваться дипломатическими привилегиями и иммунитетами²⁷⁶. В настоящий момент критерий юрисдикции продолжает демонстрировать наличие у Ордена только собственных органов

²⁷⁴ См.: *Maluwa T.* Op. cit. P. 24–26. См. примеры подобных общих соглашений: *Inter Sanctam Sedem agentem etiam in nomine et ex parte Status Civitatis Vaticanae, et Foederatas Civitates Americae Septentrionalis ad substinendam adhaesionem Internationali Taxationi et complendam legem FATCA (Foreign Account Tax Compliance Act) (2015 Jun. 10) // Acta Apostolicae Sedis. Commentarium officiale. Città del Vaticano, 2015. Vol. CVII. P. 645–699; Convention on the Rights of the Child, adopted by the General Assembly of the United Nations on 20 November 1989. Signature by Benin, the Holy See and Liberia; Ratification by Belize and the Holy See of 4 June 1990 (C.N.112.1990.TREATIES-4); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Государственным секретариатом Ватикана (Святого Престола) о безвизовых поездках владельцев дипломатических паспортов от 22 августа 2017 года (вступило в силу 29 декабря 2017 года) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712290021> (дата обращения: 06.03.2022).*

²⁷⁵ См., например: *Convention between Bavaria and the Sovereign Order of Malta, signed at Munich, 28 January 1806 // URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:ohf/law-ohf-58-CTS-381.regGroup.1/law-ohf-58-CTS-381?rskey=BSgW4s&result=2&prd=OPIL>* (дата обращения: 06.03.2022).

²⁷⁶ См.: *Karski K.* Op. cit. P. 23–24.

и персонала, подчиненных внутреннему правопорядку Ордена (ст. 5 Конституционной Хартии и Кодекса Ордена 1961 г.²⁷⁷). Главные учреждения Ордена представлены, в частности, осуществляющим верховное управление при содействии Суверенного Совета Великим Магистром, а также Генеральным Капитулом, Государственным Советом, Подразделением аудиторов и магистратскими судами (пар. 1–2 ст. 15, пар 1 ст. 20, пар. 1, 3 ст. 22, пар. 1 ст. 3, пар. 2 ст. 26, пар. 1 ст. 27 Конституционной Хартии и Кодекса). Италия признает за располагающим свою штаб-квартиру в пределах ее территории Орденом привилегии и иммунитеты, свойственные его функциональной международной правосубъектности²⁷⁸. *Внешняя цель Ордена* заключается в реализации его духовно-религиозного гуманитарного мандата, что включает в себя, в частности, оказание населению медицинской и социальной помощи, в том числе во время чрезвычайных происшествий или военных действий (пар. 1–2 ст. 2 Конституционной Хартии и Кодекса)²⁷⁹.

Мальтийский Орден провозглашает себя в качестве субъекта международного права (*soggetto di diritto internazionale*), осуществляющего суверенные функции (*funzioni sovrane*)²⁸⁰ (пар. 1 ст. 3 Конституционной Хартии и Кодекса). Орден поддерживает дипломатические отношения со 112 государствами, ЕС и Палестиной, а также имеет наблюдательные миссии в различных межправительственных организациях²⁸¹. Как правило, при установлении дипломатиче-

²⁷⁷ Carta Costituzionale e Codice del Sovrano Militare Ordine Ospedaliero di San Giovanni di Gerusalemme di Rodi e di Malta (promulgati il 27 giugno 1961 riformati dal Capitolo Generale Straordinario del 28-30 aprile 1997). Roma, 2007. P. 1–148

²⁷⁸ См.: Caridi S. C. Il Sovrano Militare Ordine di Malta davanti alla Corte di Cassazione (1984–2012) // Il Diritto ecclesiastico. 2012. № 3–4. P. 563–565.

²⁷⁹ См.: Иванов Э. А. Цит. соч. С. 78–80.

²⁸⁰ Как подчеркивается в Своде правил Ордена и комментариев к ним 2011 г.: «Суверенитет позволяет Ордену вести свою деятельность в любой части мира с большой политической и экономической независимостью и гарантирует его нейтралитет и беспристрастность» («La sovranità permette all’Ordine di svolgere le sue attività in ogni parte del mondo in grande indipendenza politica ed economica ed assicura all’Ordine la sua neutralità e imparzialità») (Sovrano Militare Ordine Ospedaliero di San Giovanni di Gerusalemme di Rodi e di Malta. Regolamenti e Commenti (promulgati da S.A.E. il Principe e Gran Maestro Fra’ Matthew Festing con l’approvazione del Sovrano Consiglio il 18 febbraio 2011). Roma, 2011. P. 29).

²⁸¹ См.: Bilateral relations of the Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/diplomatic-activities/bilateral-relations/> (дата обращения: 06.03.2022); Multilateral relations of the Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/diplomatic-activities/multilateral-relations/> (дата обращения: 06.03.2022). В то же время с такими госу-

ских отношений Орден заключает с государством общее соглашение о сотрудничестве (в настоящий момент таких соглашений уже более 50), на основе которого затем возможно заключение специализированных меморандумов о взаимопонимании или различных договоренностей технического характера²⁸².

Особые отношения у Ордена установлены со Святым Престолом: с одной стороны, речь идет о взаимодействии двух самостоятельных политических единиц *для целей международного права*, которые при взаимном признании суверенной независимости друг друга установили между собой постоянные дипломатические отношения (пар. 5 ст. 4 Конституционной Хартии и Кодекса); с другой стороны, между ними одновременно имеются *тесные отношения каноническо-правового характера*, в которых Орден, несмотря на свою церковную автономию, подчинен безусловному духовно-религиозному верховенству Св. Престола, поддерживая с ним связь через назначаемого Верховным Понтификом Кардинала-патрона и имплементируя адресованные Ордену

дарствами как Бельгия, Франция, Люксембург, Швейцария и Канада поддерживаются *официальные отношения (official relations)*; отношения с Россией, как отмечается на официальном интернет-ресурсе Ордена, осуществляются через дипломатическую специальную миссию (*diplomatic special mission*). Однако в п. 1 Указа Президента РФ от 7 августа 1992 г. N 827, а также в приложенном к нему проекте Протокола между РФ и Орденом тем не менее речь идет о восстановлении *официальных отношений* между сторонами (Указ Президента РФ от 7 августа 1992 г. N 827 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. N 7. Ст. 384). При этом, как отмечается в проекте упомянутого Протокола, стороны должны обмениваться *официальными представителями, которые будут обладать статусом, необходимым для выполнения их функций*; согласно п. 2 данного Указа представителем при Суверенном Мальтийском Ордене по совместительству должен являться дипломатический представитель РФ при Святом Престоле («Ватикане»). МИД РФ первоначально причислял миссию Ордена, наряду с миссией Св. Престола, МККК и различных международных публичных учреждений, к категории *представительств, которые по объему привилегий и иммунитетов приравниваются к дипломатическим* (Письмо МИД РФ от 22.03.1994 N 279/Дгп-пс <Об освобождении от уплаты налогов, сборов и пошлин сотрудников посольств иностранных государств и членов их семей, живущих вместе с ними> // СПС КонсультантПлюс). Последующие акты МИД РФ уже вовсе *не проводят различий* между статусом агентов Ордена и дипломатических представителей иностранных государств (см., например: Письмо МИД РФ от 27.09.2006 N 32253/19 <О перечне стран и режимах въезда их граждан на территорию Российской Федерации> // СПС КонсультантПлюс; Приказ МИД России N 22606, Минфина России N 173н от 14.12.2011 (ред. от 24.06.2021) «Об утверждении Перечня иностранных государств, в отношении представительств которых на условиях взаимности либо если такая норма предусмотрена в международном договоре Российской Федерации применяется ставка налога на добавленную стоимость 0 процентов при реализации товаров (выполнении работ, оказании услуг) для официального пользования иностранными дипломатическими и приравненными к ним представительствами или для личного пользования дипломатического или административно-технического персонала этих представительств (включая проживающих вместе с ними членов их семей), и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2011 N 22865) // СПС КонсультантПлюс).

²⁸² См.: *Graziani I. Turning Intentions into Tangible Actions // Sovereign Military Hospitaller Order of St John of Jerusalem of Rhodes and of Malta. The 2021 Activity Report. Rome, 2021. P. 68–69.* См. также примеры заключенных соглашений с участием Ордена: *International Cooperation Agreements // Ibid. P. 70–71; Иванов Э. А. Цит. соч. С. 56–57.*

канонические правовые акты Св. Престола (пар. 1–4 ст. 4, п. «g» пар. 2 ст. 15 Конституционной Хартии и Кодекса).

Существование Ордена в качестве самостоятельной политической единицы – нетерриториального международного лица, не возникшего на основе договора между другими субъектами международного права, позволяет ему на практике непосредственно и не затрагивая Св. Престол или любое другое церковное учреждение брать на себя международные обязательства в пределах реализации собственного мандата и нести за их нарушение международную ответственность. В то же время статус Ордена в качестве церковной единицы зависит от усмотрения Св. Престола, который, как показывает практика, несомненно признавая суверенную международную правосубъектность Ордена²⁸³, тем не менее при необходимости способен даже производить прямое вмешательство во внутренние дела Ордена вплоть до инициирования проведения в последнем конституционных реформ²⁸⁴. С учетом подобных специфических условий собственного существования, Мальтийский Орден в качестве субъекта международного права с осторожностью возможно причислить, как и Св. Престол, к категории суверенных нетерриториальных учреждений.

²⁸³ Специально сформированный Папой для выяснения природы Мальтийского Ордена Кардинальский Трибунал в своем Решении от 24 января 1953 г. подчеркнул следующее: «Качество Ордена (как. – прим. автора, А. М.) суверенного ..., неоднократно признанное Святым Престолом (выделено автором, А. М.) ..., состоит в пользовании некоторыми прерогативами, принадлежащими самому Ордену как субъекту международного права. Эти прерогативы, которые присущи суверенитету – в соответствии с принципами международного права, – и которые, по примеру Святого Престола (выделено автором, А. М.), также были признаны некоторыми государствами, не составляют, однако, комплекс полномочий и прерогатив, присущих суверенным образованиям в полном смысле слова (выделено автором, А. М.)» («La qualità di Ordine sovrano ..., ripetutamente riconosciuta dalla Santa Sede ..., consiste nel godimento di alcune prerogative inerenti all'Ordine stesso come Soggetto di diritto internazionale. Tali prerogative, che sono proprie della sovranità – a norma dei principi del diritto internazionale – e che, dietro l'esempio della Santa Sede, sono state riconosciute anche da alcuni Stati, non costituiscono tuttavia nell'Ordine quel complesso di poteri e prerogative, che è proprio degli Enti sovrani nel senso pieno della parola») (Sentenza definitiva di Tribunale Cardinalizio, costituito con Pontificio Chirografo del 10 dicembre 1951 (1953) // Acta Apostolicae Sedis. Commentarium officiale. Città del Vaticano, 1953. Vol. XXXV. P. 765–767). При этом, признается в Решении Трибунала, в соответствии с каноническим правом и орденской конституцией Мальтийский Орден как актор с функциональной международной правосубъектностью является несомненно *зависимым (dipende)* от Святого Престола.

²⁸⁴ См., например: Lettera del Santo Padre al Delegato Speciale presso il Sovrano Militare Ordine Ospedaliero di San Giovanni di Gerusalemme, di Rodi e di Malta (S.M.O.M.), 26.10.2021 // Bollettino Sala Stampa della Santa Sede. 2021. N. 10 // URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2021/10/26/0695/01480.html> (дата обращения: 06.03.2022).

VIII. Применение с опорой на позицию отдельных представителей доктрины критерия юрисдикции и критерия независимости к различным видам субъектов международного права в рамках некоторого дополнения и корректировки классификации международных единиц дает возможность сформулировать более подробную сравнительную характеристику юридической природы каждого из таких субъектов. **Критерий юрисдикции позволяет продемонстрировать, что все международные лица – самостоятельные политические (политико-правовые) единицы – разделяются на территориальные образования и нетерриториальные учреждения.** Территориальные образования обладают *всеми* основными формами юрисдикции (т. е. всеми основными областями применения собственной власти): органической, территориальной и личной (имеют собственные органы, территорию и население). Нетерриториальные учреждения обладают лишь органической юрисдикцией (только своими собственными органами), за исключением, разве что, Организации Освобождения Палестины, претендующей также на личную юрисдикцию над всеми арабами-палестинцами без обладания при этом какой-либо определенной территорией в отличие от Палестинской Национальной Администрации. **Критерий независимости позволяет подразделить всех международных лиц на носителей суверенной степени независимости либо не-суверенной.** Определение суверенитета в данном случае является достаточно условным (*более широким чем понятие государственного суверенитета*) – оно прежде всего подразумевает *в позитивном смысле* способность самостоятельно решать свою юридическую судьбу, а *в негативном смысле* возникновение международной единицы не на основе волеизъявления определенного коллектива субъектов международного права (как это происходит, в обратном случае, при создании вольных городов и межправительственных организаций, соответственно относящихся к несuverенным образованиям и учреждениям).

Совмещая результаты применения критериев юрисдикции и независимости, можно вывести следующие фундаментальные категории субъектов

международного права на основе различий в важнейших характеристиках юридической природы:

- 1) **суверенные территориальные образования**, к которым относятся только государства;
- 2) **несуверенные территориальные образования**, к которым относятся вольные города и иные самоуправляющиеся территориальные единицы, созданные на основе международных договоров, включая Палестинскую Национальную Администрацию (при условии непризнания провозглашения заменяющего ее Государства Палестина);
- 3) **несуверенные нетерриториальные учреждения**, к которым относятся а) межправительственные организации и органы, б) наднациональные организации (с учетом их определенных принципиальных отличий от «классических» межправительственных организаций и органов) и в) Международный Комитет Красного Креста (с учетом его первоначального возникновения как частного общества и последующего преобразования в международное лицо из-за надления межправительственным мандатом);
- 4) **суверенные нетерриториальные учреждения**, к которым относятся а) Организация Освобождения Палестины как единственный в настоящий момент пример широко признанного народно-освободительного движения (с обособленным от несuverенной Палестинской администрации правовым статусом и публичной структурой), б) Святой Престол (принимая во внимание сепаратную природу Государства Город Ватикан как тесно связанного с ним суверенного территориального образования) и Мальтийский Орден как религиозные институты международного значения (с учетом также их принципиальных отличий от народно-освободительных движений в целях деятельности).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. По итогам рассмотрения историко-доктринального аспекта учения о международной правосубъектности можно сделать вывод, что межполисный правопорядок Древней Греции представлял собой в некотором роде *прообраз* современного международного сообщества, поскольку состоял из взаимно признававшихся равными и самостоятельными полисов, а также их объединений. Правопорядок Древнего Рима и Средневековой Европы, в свою очередь, имел гораздо *меньшее сходство* с современной концепцией международной правосубъектности, поскольку опирался на идею всеобщего (сначала римского, а потом и европейско-христианского) юридического единства, строящегося на субординационном принципе – подчинении императорской власти. Постепенное разложение средневекового европейского правопорядка привело к утверждению в XV–XVI вв. классического международного права – основным носителем международной правосубъектности вместо средневековой европейской Христианской Республики во главе с Императором становится *национальное государство*. Доктрина XIX – начала XX вв. уже ведет активные дискуссии об *иных, чем государства, потенциальных международных единицах*: межгосударственных объединениях конфедеративного типа, ранних межправительственных организациях (всеобщих административных союзах, международных административных комиссиях), членах федераций и других внутригосударственных территориальных единицах, Святом Престоле и частных лицах. Однако выделение негосударственных акторов все еще не становится в эту эпоху *принципиально общепризнанным* и концепция международной правосубъектности, за исключением позиции ряда ученых, продолжает выстраиваться только вокруг государственного статуса.

II. По итогам рассмотрения современных воззрений на международную правосубъектность можно сделать вывод, что *наиболее согласованная* позиция в доктрине сформулирована по поводу концепта международной правоспособности как таковой, концепта государственности и статуса межправительственных организаций. В современной доктрине также *не вызывает сомнений* само

по себе признание статуса различных негосударственных акторов. В то же время остается крайне дискуссионным вопрос о юридической природе их правосубъектности, с учетом продолжающихся споров о допуске в международный правовой порядок некоторых предполагаемых субъектов (например, частных лиц). Ряд авторов вообще отказываются отвечать на вопрос о природе правосубъектности, предпочитая своеобразное определение *idem per idem*: субъектом международного права является тот, кого в таком качестве определяет сама правовая система – тем самым отрицается возможность обнаружения каких-либо устойчивых признаков и критериев международной правосубъектности вообще, поскольку самого факта надления ею уже оказывается *достаточно*. Не дает большей определенности и функционалистский подход, согласно которому решающее значение при обретении международной правосубъектности будет играть наличие у лица определенной функции, признаваемой международным сообществом полезной.

III. Поиск внеюридических оснований и выведение общих признаков и критериев международной правосубъектности на основе закономерностей практики международного права позволяют подробно ответить на вопрос о том, кто и при каких обстоятельствах может приобрести статус международной единицы. Возможность такого приобретения не оказывается произвольной. **Субъектами международного права могут быть только взаимно признанные друг другом самостоятельные политические (политико-правовые) единицы – это общее внеюридическое основание (признак) международной правосубъектности, которое находит поддержку среди представителей доктрины (прежде всего советской и российской).** Всякая самостоятельная политическая единица обладает следующими признаками: *минимальной публичной организацией* (хотя бы собственными органами и персоналом) и *степенью независимости*, достаточной для непосредственного подчинения международному праву.

Некоторое дополнение и корректировка классификации субъектов международного права, благодаря которой можно было бы *уточнить* разделение

всех существующих международных лиц исходя из формулирования сравнительной характеристики важнейших черт их юридической природы, оказывается возможной с помощью двух основных критериев, которые *достаточно условно* можно обозначить как **критерий юрисдикции** и **критерий независимости**. Критерий юрисдикции позволяет разделить всех субъектов международного права на **территориальные образования** и **нетерриториальные учреждения** в зависимости от того, обладает ли самостоятельная политическая единица не только защищенными публично-правовыми привилегиями и иммунитетами собственными органами и персоналом (т. е. органической юрисдикцией), но и также собственной территорией и населением (т. е. юрисдикцией территориальной и личной). Критерий независимости позволяет разделить все международные единицы на **суверенные** и **несуверенные образования и учреждения** исходя из того, обладают ли они при своем непосредственном подчинении международному праву такой степенью независимости, которая позволяет им самостоятельно решать свою юридическую судьбу (решать вопрос своего существования в пределах международного правопорядка) либо нет; юридическая судьба несuverенных образований и учреждений, в свою очередь, решается коллективом других международных единиц – создателей таких образований и учреждений. Совмещенное применение критерия юрисдикции и критерия независимости позволяет в итоге распределить всех субъектов международного права на четыре наиболее фундаментальные категории, исходя из существенных отличий юридической природы международных единиц друг от друга: **суверенные территориальные образования, несuverенные территориальные образования, несuverенные нетерриториальные учреждения** и **суверенные нетерриториальные учреждения**.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авхадеев В. Р. и др.* Субъекты современного международного права: монография / Отв. ред. О. И. Тиунов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2017. 184 с.
2. *Анцилотти Д.* Курс международного права / Пер. с итал.; под ред. и с предисл. Д. Б. Левина. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. Т. I. 447 с.
3. *Байков А. Л.* Современная международная правоспособность папства в связи с учением о международной правоспособности вообще. Историко-догматическое исследование. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1904. XXXVI, 461 с.
4. *Байков А. Л.* Междувластные и властные отношения в теории права. Опыт теоретико-познавательного построения. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1912. VIII, 413 с.
5. *Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И.* История международного права. М.: Международные отношения, 1990. 202 с.
6. *Башкина О. Г. В.* Лейбниц о разделении суверенитета // Социологическое обозрение. 2015. № 3. С. 93–105.
7. *Блюнчли И.* Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса / Пер. с нем.; под ред. Л. Камаровского. М.: Типография Индриха, 1877. VI, 561, VII с.
8. *Бюньон Ф.* Международный Комитет Красного Креста и защита жертв войны / Пер. с фр.; предисл. К. Соммаруги. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2005. LXV, 1548 с.
9. *Бялэцкий А.* О значении международного права и его материалов. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1872. VIII, 259 с.
10. *Вельяминов Г. М.* Международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права. 1986. С. 77–97.

11. *Витцум В. Г. и др.* Международное право = *Völkerrecht* / Пер. с нем.; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 1072 с.
12. *Гештер А.-В.* Европейское международное право / Пер. с нем.; с предисловием Ф. Ф. Мартенса. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1880. XVI, IX, 453 с.
13. *Голубев Н. Н.* Международные административные комиссии XIX века. Очерки теории и практики. Ярославль: Типография Губернского правления, 1908. LXII, 730 с.
14. *Горовцев А. М.* Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1909. IV, 910 с.
15. *Грабарь В. Э.* Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. Юрьев, 1901. XII, 293 с.
16. *Гроций Г.* О праве войны и мира / Пер. с лат. Репринт. с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
17. *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета / Пер. с фр. 2-е изд. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. 1144 с.
18. *Де Аречага Э. Х.* Современное международное право / Пер. с исп.; под ред. и со вступит. статьей Г. И. Тункина М.: Прогресс, 1983. 480 с.
19. *Де Ваттель Э.* Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Пер. с фр. и англ. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. 719 с.
20. *Евгеньев В. В.* Правосубъектность, суверенитет и невмешательство в международном праве // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 75–84.
21. *Захаров Н.* Вольный город Данциг и его международное положение // Право и жизнь. 1923. Кн. 7–8. С. 21–31.
22. *Захарова Н. В.* Индивид – субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112–118.

23. *Иванов Э. А.* Мальтийский орден как субъект международного права. М.: Российская геральдическая палата, 2011. 94 с.
24. *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): монография. М.: Юстицинформ, 2018. 312 с.
25. *Казанский П.* Всеобщие административные союзы государств. Одесса: Типография штаба округа, 1897. Т. I. XXVIII, 526 с.
26. *Карташкин В. А.* Международное право и личность // Современное право. 2012. № 11. С. 110–118.
27. *Каченовский Д.* Курс международного права. Харьков: Университетская Типография, 1863. Ч. 1. Кн. 1. LXX, 120 с.
28. *Клюбер. И. Л.* Новейшее европейское народное право / Пер. с фр. М.: Типография Августа Семена, 1828. XVI, 374 с.
29. *Ковлер А. И.* Личность как субъект международного права (возвращение к дискуссии о международной правосубъектности индивида) // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 69–99.
30. *Кожееуров Я. С.* Проблемы международной правосубъектности индивида. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2001. 34 с.
31. *Кольяр К.* Международные организации и учреждения / Пер. с фр.; под ред. и со вступит. статьей В. Г. Шкунаева. М.: Прогресс, 1972. 632 с.
32. *Кремнев П. П.* Распад СССР: международно-правовые проблемы. М.: Зерцало-М, 2005. 255 с.
33. *Кремнев П. П.* К вопросу о самостоятельности советских союзных республик в международных отношениях // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 31–38 // СПС КонсультантПлюс.
34. *Крылов С. Б.* К обсуждению вопросов теории международного права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 74–79.

35. *Левин И. Д.* Суверенитет / Предисл. С. А. Авакьяна. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. 373 с.
36. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении / Пер. с нем.; под ред. В. Э. Грабаря. 4-е изд., испр. и доп. Юрьев (Дерпт): Типография К. Маттисена, 1917. XVI, 474, CLXXXIV с.
37. *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 415 с.
38. *Лукашук И. И.* Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 517 с.
39. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. / Под ред. и с биограф. очерком В. А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2018. Т. 1. 368 с.
40. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. / Под ред. и с биограф. очерком В. А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2018. Т. 2. 432 с.
41. *Моджорян Л. А.* Понятие суверенитета в международном праве // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 68–76.
42. *Моджорян Л. А.* Основные права и обязанности субъектов международного права // Советский ежегодник международного права. 1958. С. 277–295.
43. *Мюллерсон Р. А.* Соотношение международного и национального права. М.: Междунар. отношения, 1982. 136 с.
44. *Оппенгейм Л.* Международное право / Пер. с англ; под ред. и с предисл. С. Б. Крылова. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. Т. I. Полутом 1. 407 с.
45. *Ориу М.* Основы публичного права / Пер. с фр.; под ред. Е. Пашуканиса и Н. Челяпова; предисл. Е. Пашуканиса. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1929. XXIV, 759 с.

46. *Палиенко Н. И.* Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1903. II, XVIII, 567 с.
47. *Пергамент М.* Юридическая природа реальной унии. Одесса: Тип. Шт. Войск Одесского военного Округа, 1893. X, 136 с.
48. *Покровский П. А.* К вопросу о субъектах международного права // Известия Министерства иностранных дел. 1912. Кн. VI. С. 177–210.
49. *Симсон Э. К.* О завладении по началам международного права. СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1894. XV, 377 с.
50. *Талалаев А. Н.* Право международных договоров. Общие вопросы. М.: Междунар. отношения, 1980. 312 с.
51. *Тункин Г. И.* Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970. 511 с.
52. *Уляницкий В.* Международное право (вместо литографированного издания лекций). Томск: Издание книжного магазина П. И. Макушина, 1911. VIII, 460 с.
53. *Усенко Е. Т.* Очерки теории международного права. М.: Норма, 2008. 240 с.
54. *Фердросс А.* Международное право / Пер. с нем.; под ред. и с предисл. Г. И. Тункина. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 652 с.
55. *Черниченко С. В.* Контуры международного права. Общие вопросы. М.: Научная книга, 2014. 592 с.
56. *Шibaева Е. А.* Право международных организаций. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 1986. 160 с.
57. *Шмитт К.* Номос Земли в международном праве *jus publicum europaeum* / Пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
58. *Яценко А.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. X, 841 с.
59. Курс международного права. В 6 т. М.: Наука, 1967. Т. I. 284 с.

- 60.** Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории) / Отв. ред. Д. И. Фельдман. М.: Юридическая литература, 1971. 188 с.
- 61.** Международное право: Учебник / Под ред. Л. Н. Шестакова. М.: Юрид. лит., 2005. 464 с.
- 62.** Курс международного права. В 7 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 360 с.
- 63.** Курс международного права. В 7 т. М.: Наука, 1990. Т. 3. 250 с.
- 64.** Курс международного права. В 7 т. М.: Наука, 1992. Т. 6. 312 с.
- 65.** Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. Т. I. 584 с.
- 66.** Рестейтмент права международных отношений США / Пер. с англ. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 116 с.
- 67.** *Amerasinghe C. F.* Principles of the Institutional Law of International Organizations. 2 rev. ed. New York: Cambridge University Press, 2005. XXX, 535 p.
- 68.** *Araujo R. J.* The Holy See – International Person and Sovereign // *The Ave Maria International Law Journal*. 2011. № 1. P. 1–66.
- 69.** *Barreto J.-M.* Cerberus: Rethinking Grotius and the Westphalian System // *International Law and Empire. Historical Explorations* / Ed. by M. Koskeniemi, W. Rech, M. J. Fonseca. New York: Oxford University Press, 2017. P. 149–175.
- 70.** *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 7 ed. New York: Oxford University Press, 2008. LI, 747 p.
- 71.** *Cismas I.* Religious Actors and International Law. New York: Oxford University Press, 2014. XXVI, 349 p.
- 72.** *Cohen R.* The Concept of Statehood in United Nations Practice // *The University of Pennsylvania Law Review*. 1961. № 8. P. 1127–1171.
- 73.** *Crawford J.* The Creation of States in International Law. 2 ed. New York: Oxford University Press, 2006. LXXII, 870 p.
- 74.** *Cumbo H. F.* The Holy See and International Law // *The International Law Quarterly*. 1948. № 4. P. 603–620.

- 75.** *D'Olivier Farran C.* The Sovereign Order of Malta in International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 1954. № 2. P. 217–234.
- 76.** *Ettinger D. J.* The Legal Status of the International Olympic Committee // The Pace International Law Review. 1992. Iss. 1. P. 97–121.
- 77.** *Fenwick C. G.* The New City of the Vatican // The American Journal of International Law. 1929. № 2. P. 371–374.
- 78.** *Field D. D.* Outlines of an International Code. 2 ed. New York: Baker, Voorhis & Company; London: Tübner & Company, 1876. 712 p.
- 79.** *Graziani I.* Turning Intentions into Tangible Actions // Sovereign Military Hospitaller Order of St John of Jerusalem of Rhodes and of Malta. The 2021 Activity Report. Rome: SMOM, 2021. P. 68–69.
- 80.** *Hannum H., Lillich R. B.* The Concept of Autonomy in International Law // The American Journal of International Law. 1980. № 4. P. 858–889.
- 81.** *Hollis D. B.* Private Actors in Public International Law: Amicus Curiae and the Case for the Retention of State Sovereignty // The Boston College International and Comparative Law Review. 2002. Iss. 2. P. 235–255.
- 82.** *Jessup P. C.* A Modern Law of Nations. An Introduction. New York: The Macmillan Company, 1956. X, 236 p.
- 83.** *Karski K.* The International Legal Status of the Sovereign Military Hospitaller Order of St. John of Jerusalem of Rhodes and of Malta // The International Community Law Review. 2012. № 1. P. 19–32.
- 84.** *Kassim A. F.* The Palestine Liberation Organization's Claim to Status: A Juridical Analysis under International Law // The Denver Journal of International Law & Policy. 1980. № 1. P. 1–33.
- 85.** *Kelsen H.* The Law of the United Nations. A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London: Stevens & Sons Limited, 1951. XVIII, 994 p.
- 86.** *Kelsen H.* Principles of International Law / Rev. and ed. by R. W. Tucker. 2 ed. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1966. XVIII, 602 p.
- 87.** *Klabbers J.* An Introduction to International Institutional Law. New York: Cambridge University Press, 2002. XXXVIII, 399 p.

- 88.** *Lissitzyn O. J.* Efforts to Codify or Restate the Law of Treaties // The Columbia Law Review. 1962. № 7. P. 1166–1205.
- 89.** *Malanczuk P.* Some Basic Aspects of the Agreements between Israel and the PLO from the Perspective of International Law // The European Journal of International Law. 1996. № 4. P. 485–500.
- 90.** *Malanczuk P.* Akehurst's Modern Introduction to International Law. 2 rev. ed. London; New York: Routledge, 1997. XXII, 449 p.
- 91.** *Maluwa T.* The Holy See and the Concept of International Legal Personality: Some Reflections // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 1986. № 1. P. 1–26.
- 92.** *Mullerson R. A.* Human Rights and the Individual as Subject of International Law: A Soviet View // The European Journal of International Law. 1990. № 1. P. 33–43.
- 93.** *Okeke C. N.* Controversial Subjects of Contemporary International Law. An Examination of the New Entities of International Law and Treaty-making Capacity / Foreword by G. G. Fitzmaurice. Rotterdam: Rotterdam University Press, 1974. XXVI, 243 p.
- 94.** *Phillipson C.* The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. In 2 Vol. London: Macmillan and Co., Limited, 1911. Vol. I. XXIV, 419 p.
- 95.** *Phillipson C.* The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. In 2 Vol. London: Macmillan and Co., Limited, 1911. Vol. II. XVI, 421 p.
- 96.** *Schmitt C.* Constitutional Theory / Tr. from ger. and ed. by J. Seitzer; foreword by E. Kennedy. Durham; London: Duke University Press, 2008. XX, 468 p.
- 97.** *Seyersted F.* Objective International Personality of Intergovernmental Organizations. Do Their Capacities Really Depend upon the Conventions Establishing Them? // Nordisk Tidsskrift for International Ret. 1964. № 3. P. 3–112.
- 98.** *Seyersted F.* Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations (1) // The International and Comparative Law Quarterly. 1965. № 1. P. 31–82.

99. *Seyersted F.* Jurisdiction over Organs and Officials of States, the Holy See and Intergovernmental Organisations (2) // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1965. № 2. P. 493–527.

100. *Schermers H. G., Blokker N. M.* International Institutional Law. Unity within Diversity. 5 rev. ed. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2011. XXXVI, 1273 p.

101. *Singer J.* Aspects of Foreign Relations under the Israeli-Palestinian Agreements on Interim Self-Government Arrangements for the West Bank and Gaza // *The Israel Law Review*. 1994. № 2–3. P. 268–296.

102. *Wolf C. N. S.* Bartolus of Sassoferrato. His Position in the History of Medieval Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. XXIV, 414 p.

103. *Worster W. T.* Relative International Legal Personality of Non-State Actors // *The Brooklyn Journal of International Law*. 2015. № 1. P. 207–273.

104. Documents of the United Nations Conference on International Organization. San Francisco, 1945. London; New York: United Nations Information Organizations, 1945. Vol. VII. XII, 581 p.

105. Yearbook of the International Law Commission. 1966. New York: United Nations, 1967. Vol. II. 367 p.

106. Yearbook of the International Law Commission. 1982. New York: United Nations, 1983. Vol. II. Part 2. 148 p.

107. Palestine Yearbook of International Law. 1985. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 1986. Vol. II. 236 p.

108. Palestine Yearbook of International Law. 1994/95. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 1996. Vol. VIII. 561 p.

109. Abusive System Failures of Criminal Justice in Gaza. New York: Human Rights Watch, 2012. 47 p.

110. International Cooperation Agreements // Sovereign Military Hospitaller Order of St John of Jerusalem of Rhodes and of Malta. The 2021 Activity Report. Rome: SMOM, 2021. P. 70–71.

- 111.** *Boghitchévitch M.* Halbsouveränität. Administrative und politische Autonomie seit der Pariser Verträge (1856). Berlin: Verlag von Julius Springer, 1903. XII, 254 s.
- 112.** *Frenz W.* Europarecht. 2. Auf. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2016. XX, 495 s.
- 113.** *Jellinek G.* Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien: Alfred Hölder, 1882. VIII, 320 s.
- 114.** *Caridi S. C.* Il Sovrano Militare Ordine di Malta davanti alla Corte di Cassazione (1984–2012) // Il Diritto ecclesiastico. 2012. № 3–4. P. 535–566.
- 115.** *Sarais A.* La cittadinanza vaticana / Pref. di F. Coccopalmerio. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 2012. 228 p.
- 116.** *Coutinho F. P.* A Subjetividade Internacional do Imamat Ismaili // Os Sujeitos Não Estaduais no Direito Internacional. VII Encontro Luso-Espanhol de Professores de Direito Internacional e de Relações Internacionais. Lisboa: Petrony, 2019. P. 89–108.

СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

1. SR 101. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18. April 1999 (Stand am 7. März 2021) // URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de> (дата обращения: 06.03.2022).
2. The Basic Law of the Palestine Liberation Organisation (1991) // Towards Palestinian National Reconciliation. Reference Texts. 2 ed. Ramallah; Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). P. 14–17.
3. Resolution No. 2 to Form the Provisional Government of the State of Palestine (1988) // Palestine Yearbook of International Law. 1987–1988. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 1989. Vol. IV. P. 312.
4. The Amended Basic Law of 2003 // Towards Palestinian National Reconciliation. Reference Texts. 2 ed. Ramallah; Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). P. 18–33.
5. Кодекс канонического права. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.
6. Legge sulla cittadinanza ed il soggiorno, 7 giugno 1929, n. III // Acta Apostolicae Sedis. Supplemento per le leggi e disposizioni dello Stato della Città del Vaticano. Pontificato di S. S. Pio XI – Anno VIII. Città del Vaticano: Typis Polyglottis Vaticanis, 1929. P. 14–20.
7. Legge fondamentale dello Stato della Città del Vaticano (26 novembre 2000) // Acta Apostolicae Sedis. Supplemento per le leggi e disposizioni dello Stato della Città del Vaticano. Anno LXXI. Num. 18. Città del Vaticano: Typis Polyglottis Vaticanis, 2000. P. 74–83.
8. Legge sulla cittadinanza, la residenza e l'accesso: N. CXXXI (22 febbraio 2011) // URL: <https://www.vaticanstate.va/phocadownload/leggi-decreti/Leggesullacittadinanzalaresidenzaelaccesso.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).
9. Legge sul Governo dello Stato della Città del Vaticano: N. CCLXXIV (2018) // URL: <https://www.vaticanstate.va/phocadownload/leggi-decreti/Leggesullacittadinanzalaresidenzaelaccesso.pdf>

[decreti/Legge%20CCLXXIV%20Legge%20sul%20Governo%20dello%20Stato%20della%20Citta%20del%20Vaticano.pdf](#) (дата обращения: 06.03.2022).

10. Legge sull'ordinamento giudiziario dello Stato della Città del Vaticano:
N. CCCLI (16 marzo 2020) // URL:
<https://www.vaticanstate.va/phocadownload/leggi-decreti/normativa-generale/legge%20CCCLI%20All.%203.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).

11. Carta Costituzionale e Codice del Sovrano Militare Ordine Ospedaliero di San Giovanni di Gerusalemme di Rodi e di Malta (promulgati il 27 giugno 1961 riformati dal Capitolo Generale Straordinario del 28-30 aprile 1997). Roma: SMOM, 2007. 148 p.

12. Sovrano Militare Ordine Ospedaliero di San Giovanni di Gerusalemme di Rodi e di Malta. Regolamenti e Commenti (promulgati da S.A.E. il Principe e Gran Maestro Fra' Matthew Festing con l'approvazione del Sovrano Consiglio il 18 febbraio 2011). Roma: SMOM, 2011. 173 p.

13. Statuts du Comité international de la Croix-Rouge (adoptés le 21 décembre 2017 et entrés en vigueur le 1er janvier 2018) // URL:
<https://www.icrc.org/fr/document/statuts-du-comite-international-de-la-croix-rouge> (дата обращения: 06.03.2022).

14. Treaty of peace with Germany (Treaty of Versailles) of June 28, 1919 // Treaties and Other International Agreements of the United States of America. 1776–1949. Washington: Department of State, 1969. Vol. 2. P. 43–240.

15. Decision of the Conference of Ambassadors of the British Empire, France, Italy and Japan (the Principal Allied and Associated Powers) at Paris constituting Danzig a Free City. – Paris, October 27, 1920 // British and Foreign State Papers. London: His Majesty's Stationery Office, 1923. Vol. CXIII. P. 875–876.

16. Treaty between Poland and the Free City of Danzig concluded in accordance with Article 104 of the Treaty of Versailles, June 28, 1919. – Paris, November 9, 1920 // British and Foreign State Papers. London: His Majesty's Stationery Office, 1923. Vol. CXIII. P. 965–973.

17. Convention on Rights and Duties of States adopted by the Seventh International Conference of American States (signed at Montevideo, December 26th, 1933) // League of Nations Treaty Series. Lausanne: Imprimeries Réunies S.A., 1936. Vol. CLXV. P. 20–43.

18. Мирный Договор с Италией (10 февраля 1947 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. Вып. XIII. С. 88–203.

19. Memorandum of Understanding (with annexes and exchange of notes) regarding the Free Territory of Trieste (signed at London, on 5 October 1954) // United Nations Treaty Series. New York: United Nations, 1956. Vol. 235. P. 100–121.

20. Vienna Convention on Diplomatic Relations, done at Vienna on 18 April 1961. Ratification by the Holy See of 30 April 1964 (C.N.59.1964.TREATIES-6).

21. Vienna Convention on the Law of Treaties, done at Vienna on 23 May 1969. Ratification by the Holy See of 15 March 1977 (C.N.64.1977.TREATIES-1).

22. Treaty on the delimitation of the frontier for the part not indicated as such in the Peace Treaty of 10 February 1947 (with annexes, exchanges of letters and final act) (signed at Osimo, Ancona, on 10 November 1975) // United Nations Treaty Series. New York: United Nations, 1996. Vol. 1466. P. 25–118.

23. Agreement for the Application of Safeguards in Connection with the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (with Protocol). Signed at Vienna on 26 June 1972 // United Nations Treaty Series. New York: United Nations, 1976. Vol. 895. P. 156–231.

24. Unified Agreement for the Investment of Arab Capital in the Arab States (1980) // International Investment Instruments: A Compendium. New York; Geneva: United Nations, 1996. Vol. II. P. 211–218.

25. Convention on the Rights of the Child, adopted by the General Assembly of the United Nations on 20 November 1989. Signature by Benin, the Holy See

and Liberia; Ratification by Belize and the Holy See of 4 June 1990 (C.N.112.1990.TREATIES-4).

26. Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization (with final act, annexes and protocol). Concluded at Marrakesh on 15 April 1994 // United Nations Treaty Series. New York: United Nations, 1998. Vol. 1867. P. 3–538.

27. Rome Statute of the International Criminal Court. The Hague: International Criminal Court, 2011. 58 p.

28. Protocol amending the Agreement on the Relations between the International Commission for the International Tracing Service and the International Committee of the Red Cross (2006) // UK Treaty Series. 2011. No. 20. P. 7–9.

29. Convention between Bavaria and the Sovereign Order of Malta, signed at Munich, 28 January 1806 // URL: <https://opil.opilaw.com/view/10.1093/law:ohd/law-ohd-58-CTS-381.regGroup.1/law-ohd-58-CTS-381?rskey=BSgW4s&result=2&prd=OPIL> (дата обращения: 06.03.2022).

30. Convention with Austria, relative to the Passage of Austrian Troops through the Papal Territory. Rome, 14th August, 1815 // British and Foreign State Papers. 1814–1815. London: James Ridgway and Sons, 1839. P. 1096–1103.

31. Convention with France, relative to Ecclesiastical Affairs. Rome, 11th June, 1817 // British and Foreign State Papers. 1816–1817. London: James Ridgway and Sons, 1838. P. 514–515.

32. Convention with France, relative to Postal Communications. Rome, 9th August, 1838 // British and Foreign State Papers. London: Harrison and Sons, 1857. Vol. XXVIII. P. 1090–1098.

33. Конкордат, заключенный с Римом в 1847 г. // *Попов А. Н.* Последняя судьба папской политики в России. 1845–1867 гг. СПб.: Типография Ф. С. Сущинского, 1868. С. 244–250.

34. Concordat with Portugal. Ecclesiastical Jurisdiction in India. Rome, 23rd June, 1886 // British and Foreign State Papers. London: William Ridgway, 1893. Vol. LXXVII. P. 1141–1147.

35. Poland. Concordat. Rome, February 10, 1925 // British and Foreign State Papers. London: His Majesty's Stationery Office, 1930. Vol. CXXII. P. 835–844.

36. Trattato fra la Santa Sede e l'Italia (1929 Febr. 11) // Acta Apostolicae Sedis. Commentarium Officiale. Romae: Typis Polyglottis Vaticanis, 1929. Vol. XXI. P. 209–294.

37. Exchange of Notes regarding the Reciprocal Abolition of Passport Visas. Rome, March 23rd, 1935, and the Vatican, March 23rd, 1935 // League of Nations Treaty Series. Lausanne: Imprimeries Réunies S.A., 1936. Vol. CLXVII. P. 386–387.

38. Inter Apostolicam Sedem et Consilium Foederatarum Helvetiae Civitatum de Dioecesi Basileensi (1978 Iul. 19) // Acta Apostolicae Sedis. Commentarium Officiale. Città del Vaticano: Typis Polyglottis Vaticanis, 1978. Vol. LXX. P. 468–470.

39. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным комитетом Красного Креста (МККК) о статусе МККК и его Делегации (Представительства) на территории Российской Федерации от 24 июня 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 2006. N 3. С. 3–8.

40. Agreement between the International Committee of the Red Cross and the Swiss Federal Council to Determine the Legal Status of the Committee (1993) // International Review of the Red Cross. 1993. No. 293. P. 152–160.

41. Economic Cooperation Agreement between the Hashemite Kingdom of Jordan and the Palestine Liberation Organisation (1994) // Palestine Yearbook of International Law. 1994/95. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 1996. Vol. VIII. P. 163–165.

42. Declaration of Principles on Interim Self-Government Arrangements (1993) // Palestine Yearbook of International Law. 1992/1994. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 1995. Vol. VII. P. 232–242.

43. Agreement on the Gaza Strip and the Jericho Area. Cairo, May 4, 1994 // Palestine Yearbook of International Law. 1992/1994. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 1995. Vol. VII. P. 243–399.

44. Exchange of Letters between the PLO and the Government of the State of Israel (1994) // Palestine Yearbook of International Law. 1992/1994. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 1995. Vol. VII. P. 377–384.

45. Agreement between the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia and the ICRC on Procedures for Visiting Persons held on the Authority of the Tribunal (1995) // International Review of the Red Cross. 1996. No. 311. P. 238–242.

46. Cooperation Agreement in Monetary and Banking Fields between The Government of the Hashemite Kingdom of Jordan and The Palestinian National Authority (signed in Amman on January 26, 1995) // Palestine Yearbook of International Law. 1994/95. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 1996. Vol. VIII. P. 167–168.

47. Agreement between the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia and the ICRC on Procedures for Visiting Persons held on the Authority of the Tribunal (1995) // International Review of the Red Cross. 1996. No. 311. P. 238–242.

48. Protocol Concerning Safe Passage between the West Bank and the Gaza Strip, between Israel and the Palestine Liberation Organization, October 5, 1999 // Palestine Yearbook of International Law. 2000/2001. Nicosia: Al-Shaybani Society of International Law, 2002. Vol. XI. P. 343–350.

49. Abkommen zwischen der Regierung der Bundesrepublik Deutschland und der Palästinensischen Befreiungsorganisation zugunsten der Palästinensischen Behörde über die Förderung und den gegenseitigen Schutz von Kapitalanlagen (10. Juli 2000) // Bundesgesetzblatt. 2005. Teil II. Nr. 12. S. 527–534.

50. *Monetalis pactio inter Statum Civitatis Vaticanae et eius opera inter Sanctam Sedem et Communitatem Europaeam* (2009 Dec. 17) // *Acta Apostolicae*

Sedis. Commentarium officiale. Città del Vaticano: Typis Polyglottis Vaticanis, 2010. Vol. CII. P. 60–65.

51. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Организацией освобождения Палестины, представляющей интересы Палестинской национальной администрации, о правовом статусе и деятельности музейно-паркового комплекса в г. Иерихоне (Заключено в г. Вифлееме 26.06.2012) // Бюллетень международных договоров. 2013. N 5. С. 92–96.

52. Меморандум о взаимопонимании между Министерством здравоохранения Российской Федерации и Министерством здравоохранения Государства Палестина от 24 января 2014 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. N 11. С. 50–56.

53. *Conventio inter Sanctam Sedem et Gubernium Reipublicae Italiae de rebus fiscalibus* (2015 Apr. 1) // *Acta Apostolicae Sedis. Commentarium Officiale*. Città del Vaticano: Typis Polyglottis Vaticanis, 2016. Vol. CVIII. P. 1263–1287.

54. *Inter Sanctam Sedem agentem etiam in nomine et ex parte Status Civitatis Vaticanae, et Foederatas Civitates Americae Septentrionalis ad substinendam adhaesionem Internationali Taxationi et complendam legem FATCA (Foreign Account Tax Compliance Act)* (2015 Iun. 10) // *Acta Apostolicae Sedis. Commentarium officiale*. Città del Vaticano: Typis Polyglottis Vaticanis, 2015. Vol. CVII. P. 645–699.

55. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Палестина о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 11 ноября 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 2018. N 2. Ст. 406.

56. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Государственным секретариатом Ватикана (Святого Престола) о безвизовых поездках владельцев дипломатических паспортов от 22 августа 2017 года (вступило в силу 29 декабря 2017 года) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712290021> (дата обращения: 06.03.2022).

57. Interim Political, Trade and Partnership Agreement between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the one part, and the Palestine Liberation Organization (PLO) for the benefit of the Palestinian Authority of the West Bank and the Gaza Strip, of the other part Ramallah, 18 February 2019 // UK Miscellaneous Treaty Series. 2019. No. 14. P. 1–47.

58. Lettera del Santo Padre al Delegato Speciale presso il Sovrano Militare Ordine Ospedaliero di San Giovanni di Gerusalemme, di Rodi e di Malta (S.M.O.M.), 26.10.2021 // Bollettino Sala Stampa della Santa Sede. 2021. N. 10 // URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2021/10/26/0695/01480.html> (дата обращения: 06.03.2022).

59. Accession of the People's Republic of China. Decision of 10 November 2001 (WT/L/432).

60. Accession of the Separate Customs Territory of Taiwan, Penghu, Kinmen and Matsu. Decision of 11 November 2001 (WT/L/433).

61. Conference on Yugoslavia Arbitration Commission: Opinions on Questions arising from the Dissolution of Yugoslavia [January 11 and July 4, 1992] // International Legal Materials. 1992. № 6. P. 1488–1526.

62. Comments to Concluding Observations Holy See on the Concluding Observations of the Committee on the Rights of the Child (2014) // URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CRC/Shared%20Documents/VAT/INT_CRC_COB_VAT_18491_E.pdf (дата обращения: 06.03.2022).

63. Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Consideration of Reports Submitted by States Parties under Article 9 of the Convention Sixteenth to Twenty-Third Periodic Reports of States Parties due in 2014: Holy See (CERD/C/VAT/16-23).

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

1. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 92-О // Собрание законодательства РФ. 2000. N 29. Ст. 3117.
2. Sentenza definitiva di Tribunale Cardinalizio, costituito con Pontificio Chirografo del 10 dicembre 1951 (1953) // Acta Apostolicae Sedis. Commentarium ufficiale. Città del Vaticano: Typis Polyglottis Vaticanis, 1953. Vol. XXXXV. P. 765–767.
3. Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco: PCIJ Series B. No. 4.
4. Advisory opinion given by the Court on September 10th 1923 on certain questions relating to settlers of German origin in the territory ceded by Germany to Poland: PCIJ Series B. No. 6.
5. Jurisdiction of the Courts of Danzig: PCIJ Series B. No. 15.
6. Customs Régime between Germany and Austria (Protocol of March 19th, 1931): PCIJ Series A./B. No. 41.
7. Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C.J. Reports 1949.
8. Case concerning rights of nations of the United States of America in Morocco, Judgment of August 27th, 1952: I.C.J. Reports 1952.
9. Effect of awards of compensation made by the U. N. Administrative Tribunal, Advisory Opinion of July 13th, 1954: I.C.J. Reports. 1954.
10. LaGrand (Germany v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2001.
11. Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г. (P-1/18) // URL: [https://courteurasian.org/upload/iblock/555/2.%20Ми-нЮст%20РБ%20\(решения%20КТС\)%20-%20Консультативное%20заключение%2010.07.2018.pdf](https://courteurasian.org/upload/iblock/555/2.%20Ми-нЮст%20РБ%20(решения%20КТС)%20-%20Консультативное%20заключение%2010.07.2018.pdf) (дата обращения: 06.03.2022).

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

1. Diplomatic Relations of the Holy See. URL: <https://holyseemission.org/contents/mission/diplomatic-relations-of-the-holy-see.php#iio> (дата обращения: 06.03.2022).

2. Bilateral relations of the Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/diplomatic-activities/bilateral-relations/> (дата обращения: 06.03.2022).

3. Multilateral relations of the Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/diplomatic-activities/multilateral-relations/> (дата обращения: 06.03.2022).